

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (92) / 2018

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А. М. Горлатов (*главный редактор*),
З. А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П. В. Васюченко, Т. П. Карпилович, С. Е. Кунцевич,
Г. Ф. Лепесская, Л. М. Лещёва, В. В. Макаров, А. А. Романовская,
О. А. Судленкова, Л. А. Тарасевич

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Аль-Баэечий Талиб Сахиб.</i> Транспозиция как способ перекатегоризации лексики.....	7
<i>Гутовская М. С.</i> Представление культурной и когнитивной значимости в языке (на материале русских и английских метаязыковых обозначений).....	16
<i>Карпук Г. В.</i> Вербальные и невербальные способы реализации чувства зависти в межличностной коммуникации	23
<i>Чекулаева А. С.</i> Активность семантического ядра и периферии языкового знака (на примере цветолексем <i>белый</i> и 白 ‘белый’ в русском и китайском языках)	35

Романское и германское языкознание

<i>Басовец И. М.</i> Критерии определения степени деавторизации высказывания (на материале англоязычных публицистических текстов)	43
<i>Глазко П. П.</i> Структурно-семантические и языковые характеристики англоязычного академического эссе	49
<i>Долматова Е. Д.</i> Перцептивные признаки аллофонического и свободного варьирования английских шумных согласных в речи билингвов	56
<i>Каспирович Г. А.</i> Особенности процессов словообразования в немецких апеллятивных текстах	67
<i>Ломовая А. В.</i> Источники валентности английских отадъективных цветовых глаголов	73
<i>Яскевич В. В.</i> Особенности восприятия иноязычной речи на слух	79

Исследования славянских языков

<i>Ключенович С. С.</i> Прагматика текста как фактор формирования семантики композитного универба: лингвопереводческий аспект	85
<i>Солонович Л. В.</i> Лексико-стилистическая компенсация потерь при переводе художественного текста.....	92

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Чернышев М. В.</i> Актуальные аспекты решения задачи автоматического сентимент-анализа текста	100
--	-----

Литературоведение

<i>Даниленко И. В.</i> Субъект истории в историографическом метаромане Джонатана Литтелла «Благоволительницы»	107
<i>Минина В. Г.</i> Мотив предопределенности в романе Г. Свифта «Свет дня»	116
<i>Первушина Л. В.</i> Ностальгия как творческий импульс в произведениях славянских писателей-эмигрантов в США	125
<i>Ревуцкая Е. А.</i> «Идеальный город» в поэзии модернизма	132
<i>Шалай О. А.</i> Образ дома в романе Л. М. Силко «Ритуал»	139

Обзоры и рецензии

<i>Судленкова О. А.</i> Семинар «Современная британская литература в российских вузах»: двенадцать лет сотрудничества	146
<i>Наши авторы</i>	151

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Al-Baaiji Talib Sahib Dohan.</i> Transposition as a Way of Vocabulary Recategorization.....	7
<i>Gutovskaya M. S.</i> Manifestation of Cultural and Cognitive Significance in Language (on the Material of Russian and English Metalanguage Nominative Units).....	16
<i>Karpuk H.</i> Verbal and Non-verbal Means of the Realization of the Feeling of Envy in Interpersonal Communication.....	23
<i>Chekulayeva A. S.</i> Activity of the Semantic Core and Periphery of the Language Sign (on the Example of Colour Lexemes <i>white</i> and 白 'White' In Russian and Chinese Languages).....	35

Romance and Germanic Linguistics

<i>Basovets I. M.</i> Defining Criteria of Sentence Deauthorization Degree (on the Material of English Newspaper Texts).....	43
<i>Hlazko P. P.</i> Structural, Semantic and Language Characteristics of the Academic Essay in English.....	49
<i>Dolmatova E. D.</i> Perceptual Features of Allofonic and Free Variation of English Consonants in the Speech of Bilinguals.....	56
<i>Kaspirovitch G.A.</i> Peculiarities of Word-Formation Processes in German Appellative Texts.....	67
<i>Lomovaya A. V.</i> The Sources of the Valency of English Deadjectival Colour Verbs.....	73
<i>Yaskevich V. V.</i> Peculiarities of Foreign Speech Perception.....	79

Slavonic Languages

<i>Klyuchenovich S.</i> Text Pragmatics as a Factor of Compound Univerbum Semantics Formation: Linguo-Translation Aspect.....	85
<i>Salanovich L. V.</i> Lexical-Stylistic Compensation of Losses in the Context of Literary Translation.....	92

Applied Linguistics

<i>Chernyshevich M.</i> On Some Aspects of Sentiment Analysis of a Text	100
---	-----

Studies in Literature

<i>Danilenko I.</i> Subject of History in Jonathan Littell's Historiographic Metafiction «The Kindly Ones»	107
<i>Minina V. G.</i> Predestination Motive in «The Light of Day» by G. Swift	116
<i>Pervushina L. V.</i> Nostalgia as a Creative Impulse in the Works of Slavic Émigré Writers in the USA	125
<i>Revutskaya A.</i> Ideal City in Modernist Poetry	132
<i>Shalai O. A.</i> The Image of Home in the Novel «Ceremony» by L. M. Silko	139

Reviews

<i>Sudliankova V.</i> The Seminar «Contemporary British literature in Russian Universities»: Twelve Years of Cooperation.....	146
<i>Our authors</i>	151

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**Аль-Базечий Талиб Сахиб****ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ**

Статья посвящена рассмотрению одного из наиболее спорных явлений в современных языках, а именно, транспозиции. Анализ ее различных способов показал, что это явление можно рассматривать как деривацию. Отличие транспозиции от других типов деривации в том, что при транспозиции сохраняется денотативная отнесенность транспозита. Значение транспозитора можно определить при помощи трансформаций.

Слова, принадлежащие определенной части речи, имеют общие черты, которые сводятся к трем характеристикам. Основной из них можно признать категориальное значение частей речи. Это значение в свою очередь определяет основную функцию, которую слово выполняет в предложении, что было доказано И. И. Мещаниновым. Автор в свое время показал, что категоризация слов в конечном итоге определяется семантикой той синтаксической функции, для которой и предназначены слова данной части речи [1].

Эта концепция хорошо соотносится с положениями семантического синтаксиса и особенно в том варианте, который изложен в композиционном синтаксисе [2, с. 164–165].

Несмотря на продолжительные исследования в этой области само понятие *транспозиция* все еще вызывает некоторые вопросы. Наметились два подхода к пониманию этого термина. В грамматических исследованиях транспозицией называют помещение лингвистической единицы, чаще всего слова или его формы, в такие контексты, в которых эта единица начинает выполнять не свойственные ей функции. В других – в основном лексикологических и стилистических исследованиях – транспозицией часто называют использование слов и их словосочетаний в таких семантически нагруженных стилистических приемах, как метафора или метонимия. В данной публикации мы будем рассматривать транспозицию в первом смысле, т.е. как использование слова в иных синтаксических функциях по сравнению с теми, для которых оно изначально было предназначено. Иными словами, транспозиция трактуется здесь так, как она определена в лингвистическом энциклопедическом словаре: использование одной языковой формы в функции другой формы – ее противочлена в парадигматическом ряду. В широком смысле транспозиция – это перенос любой языковой формы, например, транспозиция времен, т.е. использование, допустим, настоящего времени вместо прошедшего и будущего; наклонения, т.е. употребление императива в значении индикатива или условного наклонения. О транспозиции можно говорить и в случаях использования вопросительных предложений в функции повествовательных. Но самым массовым случаем транспозиции нужно признать упоминающуюся выше перекатегоризацию частей речи

и в первую очередь использование существительных и глаголов в функциях других частей речи. Кроме того, транспозицией можно считать и все приемы переноса лексических значений.

Однако нас интересует транспозиция в узком значении этого термина, а именно, перевод слова или его основы в другую часть речи, а также использование слова в функции иной части речи [1].

Если следовать концепции И. И. Мещанинова, то можно считать, что слова изначально предназначены для выполнения определенных синтаксических функций.

Однако упоминание какого-то элемента картины мира в составе предложения может отличаться от первичной синтаксической функции слова, обычно называющего этот компонент внешнего мира. В таких случаях говорящему необходимо каким-либо способом указать, что упоминание некоторой сущности отличается от стандартного синтаксического употребления ее имени. Для этого в разных языках имеются особые механизмы перемещения слов, принадлежащих к определенной части речи, в не свойственные им синтаксические позиции. Эти механизмы и создают явление, которое именуется транспозицией [3, с. 119–121].

В зависимости от категории, в которую или в функцию которой переходит слово (его основа), различают: субстантивацию (т.е. переход в класс существительных), адъективацию (переход в класс прилагательных), вербализацию (оглаголивание), адвербиализацию (переход в класс наречий), прономинализацию (переход в класс местоимений). Возможны переходы в служебные части речи (предлоги, союзы, частицы), в междометия [4, с. 519].

В этой публикации мы рассмотрим транспозицию как способ перекаатегоризации лексики. Слова тех или иных частей речи ориентированы на выполнение (при наличии определенных категориальных значений) соответствующих функций в высказываниях. Однако часто приходится сталкиваться с необходимостью употребить данное слово в такой позиции, которая не свойственна для его категориального значения. В таких случаях используют транспозицию как средство перекаатегоризации единицы, помогая избежать затруднений при выражении необходимой мысли. Результатом подобной операции является изменение функциональной стороны языковой единицы, которая начинает сочетаться с такими словами, для которых взаимная валентность не свойственна. С помощью транспонирования мы получаем органическое включение словоформы во фразу, тем самым позволяя ей «вступить в непосредственную связь со словом произнесенного фрагмента предложения», компенсируя их категориальные различия и помогая «реализовать структуру предложения, пользуясь базовыми категориями», т.е. основными классами слов [5].

Семантические классы слов характеризуются определенной первичной функцией. Эту мысль И. И. Мещанинова подтвердил Е. Курилович вслед за Ф. Слотти: «Слова обладают первичной синтаксической функцией в

зависимости от их лексического значения (существительное – подлежащее; прилагательное – определение к существительному; глагол – сказуемое; наречие – определение к глаголу» [5]. Но вследствие процессов перекатегоризации один и тот же семантический класс может выполнять не одну функцию, а одна и та же функция может выполняться несколькими семантическими классами. Все это приводит к формированию вторичных функций у единиц определенного семантического класса и соответственно целого пласта единиц внутри одной части речи, которые отличаются своими характеристиками от центральных прототипических членов данной лексико-семантической категории. Это обстоятельство обуславливает возможность перехода вторичных значений из одного грамматического класса в другой, поэтому транспозиция трактуется как использование одной языковой формы в функции другой – ее противочлена в парадигматическом ряду. Транспозиция – это общее грамматическое явление, которое достаточно подробно освещалось и которое, вслед за Л. Теньером, также называют трансляцией. Транспозиция пронизывает всю языковую структуру и определяет характер взаимодействия и типы соотношений разных единиц в области морфологии и синтаксиса» [6].

Этот процесс сопровождается определенными формальными показателями, а именно: словообразовательными аффиксами, использованием служебных слов или изменением формы транспонируемого слова. Поскольку транспозиция сопровождается определенными указаниями на сам факт изменения в семантико-синтаксической функции слова, ее можно считать трансформацией, некоторой операцией, приспособляющей упоминание данного объекта к структуре предложения. В этой операции участвуют по крайней мере три элемента, три языковые единицы. Во-первых, это слово, которое подвергается транспозиции (транспозит), во-вторых – элемент, указывающий на функциональный перенос (транспозитор), в-третьих – это результат транспозиции (транспозитив).

Транспозиция бывает 1) неполная, или синтаксическая, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения ее принадлежности к части речи; ее средством выступает словоформа (*отец* → *дом*), служебное слово (*la maison père*); (*я живу на втором [этаже]*); 2) полная, или морфологическая, при которой образуется слово новой части речи; ее средством является аффиксация и конверсия (*старик* = *старый человек*). Различение морфологической и синтаксической конверсии при транспозиции – одна из сложных проблем лингвистического анализа [4, с. 519].

Частеречная характеристика лексики была определена, вслед за И. И. Мещаниновым, как производная от заданной слову синтаксической функции. Транспозиция, рассматриваемая как перекатегоризация, оказывается в таком случае некоторой операцией действия. Было показано, что для производства этой операции необходимо участие некоторых формальных компонентов. Примерно такого же мнения придерживаются такие языко-

веды, как О. Есперсен, Л. Теньер, Е. Курилович, которые полагали, что слова обладают первичной синтаксической функцией в зависимости от их лексического значения [5]. Эту же мысль разделяет и Д. Г. Богушевич [2], но при этом вносит в понимание как категориального значения частей речи, так и процесса транспозиции некоторые коррективы. Он предпринял попытку найти ответы на наиболее существенные вопросы, связанные с категориальным значением части речи, синтаксическими функциями части речи и самой процедурой транспозиции, полагая, что в понимании категориального значения части речи имеется одно логическое несоответствие. Традиционно это значение считается обобщением конкретных лексических значений слов входящих в данную часть речи [5]. Так, для существительного определяется значение 'субстанция', что хорошо соотносится только с частью существительных, как, например, *дом, воздух, человек*. Но как в это значение могут быть вписаны такие слова, как *действие, длина, голод* и многие другие? Д. Г. Богушевич предположил, что связь между синтаксической функцией и категориальным значением части речи и, следовательно, их синтаксическими функциями имеет характер противоположный тому, о котором говорит Е. Курилович. Его высказывание объясняет поведение таких слов, как *дом, воздух, река*, у которых в лексическом значении можно выделить сему 'субстанция'. Эта сема делает их существительными, и поэтому они могут быть подлежащим или дополнением. Однако о таких словах, как *радость, бег, действие*, такого сказать нельзя. Скорее сема 'субстанция' как категориальная сема существительного появляется у них потому, что они могут быть подлежащим или дополнением.

Таким образом, категоризация частей речи зависит (или скорее определяется) не их лексическим значением, а необходимостью использовать названия данных концептов и именно в этих синтаксических функциях, т.е. в позициях подлежащего или дополнения. В связи с этим возникает вопрос о том, в чем же заключается эта необходимость и что является ее причиной. Ответ кроется в структуре семантики предложения. В современной лингвистике (Л. Теньер, Ч. Филлмор) принято считать, что семантика предложения противостоит его форме и представляет собой (так же, как и поверхностная форма) определенную структуру. Но более внимательное рассмотрение трансформационных способностей предложений показало, что одно и то же положение дел может отражаться разными по своей семантической структуре предложениями. Предложения *Он долго шел домой* и *Его путь домой был долог* описывают одну и ту же ситуацию. Но в первом предложении она показана как действие, а во втором – как характеристика этого действия [2].

Во втором предложении наречие, определяющее предикат, заменяется прилагательным, определяющим существительное. При этом само существительное в позиции подлежащего оказывается результатом метонимии: вместо наименования действия автор использует локативные характеристики этого действия. Отсюда можно сделать вывод, что уже в самой системе

передачи существует возможность иной перекатегоризации элементов ситуации. Иными словами, транспозиция заложена в самой системе языка и потенциально присутствует в любом именовании.

По мнению польского ученого Е. Куриловича, переход одних языковых явлений в другие происходит в результате морфологической и синтаксической деривации [5].

Между тем В. Н. Мигирин называет данные процессы *трансформацией* и относит к ним любые преобразования в языке. Он исследует основные проблемы процесса переходности в области частей речи и членов предложения и определяет признаки и различные виды трансформации [7].

В процессе деривации происходит изменение формы (структуры) и семантики единиц, принимаемых за исходные. В содержательном отношении это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении (при так называемой семантической деривации, ср. *лиса* ‘зверь’ и *лиса* ‘хитрец’), новой функции (ср. *Медведь – добродушное животное* и *Он – такой медведь*), либо на создание нового знака путем преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка в тех же целях.

Понятие деривации, введенное в 30-х гг. XX в. Е. Куриловичем для характеристики словообразовательных процессов, позволило соотнести конкретные цели и задачи процессов со средствами их осуществления и их семантическими результатами. Большое значение для теории деривации сыграло предложенное Е. Куриловичем разграничение лексической и синтаксической деривации как процессов, один из которых направлен на преобразование лексического значения исходной единицы (ср. *камень – каменщик*), а другой – лишь на преобразование ее синтаксической функции (ср. *камень – каменный*). Впоследствии эти определения стали применять к широкому классу явлений создания языковых форм за пределами слова; в этом смысле синтаксическая деривация обозначает процесс образования разных синтаксических конструкций путем трансформации определенной ядерной конструкции (ср. *рабочие строят дом – дом строится рабочими – строительство дома рабочими* и т. д.). Введение понятия деривации дало возможность установить изоморфизм в правилах синтагматического разворачивания исходных символов, а также их возможного преобразования, найти основания для противопоставления простых единиц – производным, мотивирующих – мотивированным, источников деривации – ее результатам, единиц обуславливающих (*fondue*) – обусловленным (*fondée*) и т. п. Оно позволило также определить модели деривации и тем самым – структуру вторичных единиц языка в системах отдельных языков, связав возникновение деривационных структур с формальными операциями разного типа, а также исследовать семантические последствия этих операций.

Процессы деривации завершаются не только созданием вторичной, или результативной, единицы, но и возникновением особых деривационных отношений между исходными и производными знаками языка (частный случай таких отношений – наиболее хорошо изученные отношения слово-

образовательной производности). Отношения эти обнаруживаются как между единицами одного и того же уровня (из морфов одной морфемы один можно считать исходным, а все остальные выводимыми; например, в парадигме одна из словоформ оказывается основной, а другие производными и т. п.), так и между единицами разных уровней (для деривации слова нужны морфемы, для деривации предложения – слова, для деривации текста – высказывания и т. п.). В этом смысле термин *деривация* отражает как межуровневый подход, позволяющий выяснить механизмы образования более сложных единиц «верхнего» уровня из менее сложных единиц «нижнего» уровня, так и, напротив, подход внутриуровневый, объясняющий механизмы синтагматической сочетаемости единиц.

Классификационной чертой деривационных процессов является степень их регулярности. Если значение единицы может быть выведено из значения ее частей, она рассматривается не только как мотивированная, но и как форма, построенная по аддитивному, или суммативному, типу. Для языков более типичны неаддитивные, или интегративные, процессы, в итоге которых возникают единицы, обладающие значениями или функциями, несводимыми к значениям или функциям составляющих частей. В основе классификации процессов деривации лежит также их кардинальное деление на линейные и нелинейные. В то время как линейные процессы деривации приводят к чисто синтагматическому изменению исходного знака и результатом образования производного знака являются разные модели сочетаний или порядка распределения знаков (*дом – дом-ик*), нелинейные процессы деривации представляют собой не столько изменение сегментной протяженности знаков, сколько внутреннее изменение самого знака, его «претерпевание», и определяются поэтому как действия по преобразованию самого знака (например, морфологические преобразования корневых морфем, ср. *рук-а – руч-н-ой*) [8].

Все сказанное выше относится и к такому типу деривации, как транспозиция. Следует, однако, заметить, что при транспозиции необходимо учитывать и то, каков в результате получается транспозитив. А точнее, что конкретно изменяется в транспозите, только ли функция или же полностью меняется категориальное значение. Поэтому при транспозиции различают два основных типа: *неполную* и *полную*.

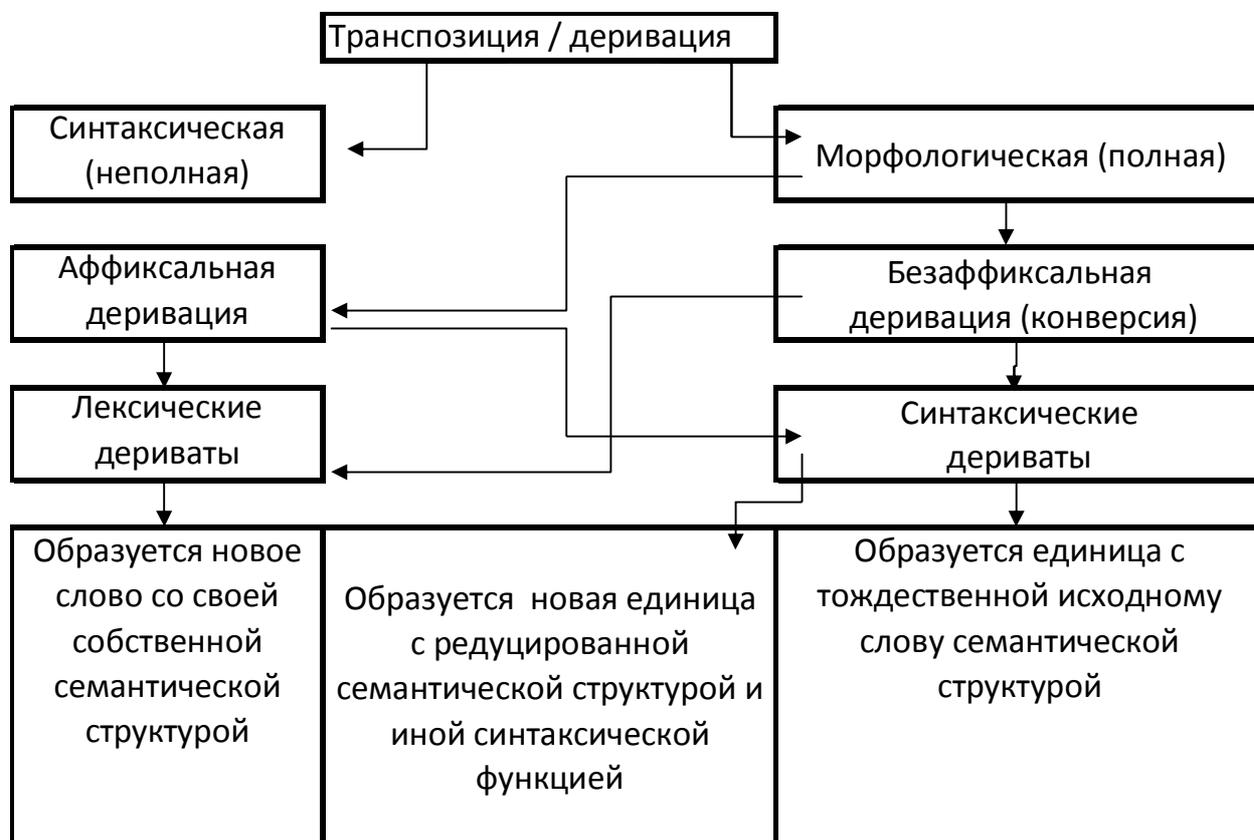
При *неполной* (с и н т а к с и ч е с к о й) транспозиции меняется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения ее принадлежности к части речи. Ее средством служат: 1) словоформа; 2) служебное слово; 3) десемантизированное слово в полуслужебной функции.

При *полной* (м о р ф о л о г и ч е с к о й) транспозиции образуется слово новой части речи, помогая говорящему выразить различные оттенки. Явления, связанные с транспозицией языковых форм, можно рассмотреть с точки зрения асимметрии языкового знака [5].

Детальное рассмотрение вопросов, связанных с проблемой асимметрии знака привело к созданию теории полевой структуры. Таким образом, части речи, ориентированные на определенное функционирование в речи, в процессе функционирования взаимодействуют, обмениваясь значениями, фор-

мами, функциями. Противопоставленность грамматических классов слов по отдельным признакам может стираться. Транспозиция представляет собой сложную и специфическую операцию.

Вслед за В. И. Рахубой, мы можем сказать, что общий тип соотношений, которые выявляются при транспозиции, можно представить в виде следующей схемы (рисунок) [9].

Можно сказать, что при транспозиции возникает сложный тип отношений и неоднородные классы единиц. При этом трудно провести грань между новой единицей, которая имеет редуцированную семантическую структуру и иную семантическую функцию с тождественной исходному слову семантической структурой и новой синтаксической ролью. Для решения данной проблемы представляется необходимым исчерпывающее исследование данных единиц в сопоставлении с их исходными базами, с одной стороны, и классами единиц, функции которых они приобретают, с другой. Данные положения стали определяющими при развертывании нашего исследования, суть которого изложим в данной работе.

Поскольку при реализации транспозиции используются три компонента (см. [10, с. 110–111]), необходимо отметить наиболее частые схемы реализации этого процесса:

- 1) *Nom – Verbe*;
- 2) *Adjectif – Nom*;
- 3) *Adverbe – Verbe*;
- 4) *Préposition – Verbe*;
- 5) *Adverbe – Proposition*.

Канадские лингвисты Ж.- П. Вине и Ж. Дарбель не различают частные случаи приема транспозиции, которые имеют место при переводе с английского на французский язык: *локальная транспозиция* (*transposition localisée*) – это такой тип транспозиции, который осуществляется внутри одной синтагмы и не меняет грамматической природы предложения; *шассе-круазе* (*chassé-croisé*) называют двойную транспозицию, когда одновременно меняется грамматическая категория и совершается синтаксическая пермутация смылосодержащих элементов [11].

Вышеизложенное заставляет нас посмотреть внимательнее на то, что в самом синтаксисе позволяет говорящим использовать этот прием, дающий возможность более четко и ясно описывать внешний мир. Из множества синтаксических теорий наиболее подходящей для этого представляется концепция композиционного синтаксиса.

Для объяснения этого явления в композиционном синтаксисе постулируется наличие двух семантических структур, связанных с поверхностной структурой предложений: *сигнификатом* и *ситуацией*.

Сигнификатом считается логическая структура, состоящая из предиката и предсказанных им аргументов, выполняющих определенные семантико-синтаксические функции. Постулируется наличие четырех типов пропозиций, каждая из которых имеет определенное значение. Это значение показывает, как говорящий оценивает описываемую ситуацию. Ситуация рассматривается как знаковая модель некоторого положения дел в реальности, образованная отношением, связывающим некоторых участников этого положения дел. (Подробнее см. [12; 13; 14].)

Приведенные в качестве примера два предложения описывают одну и ту же ситуацию, но оценивают ее по-разному. Важно отметить, что наименование одного из компонентов ситуации представлено словами разных частей речи например, наречием (*долго*) и прилагательным (*долгий*). Иными словами мы обнаруживаем, что для различных способов оценки некоторой ситуации необходимо использовать лексическую, вернее, лексико-синтаксическую транспозицию с использованием процедуры словообразования.

Рассмотренный в данном примере случай транспозиции не единственный. Источником транспозиции является разнообразие способов отражения одной и той же ситуации, что можно связать с предложенным Е. Куриловичем принципом асимметричного дуализма языка. Однако, кроме такого источника необходимости транспозиции, можно обнаружить и другой, более распространенный, например: *Иван прочитал интересную книгу по истории Германии*. В этом предложении описана одна определенная ситуация, а именно чтение. Тем не менее в нем содержатся указания на несколько связанных пресуппозицией ситуаций. Больше всего интересуют ситуации, связанные с транспонированием в позицию определения к существительным «(по) истории». Эти ситуации не существенны для основной пропозиции

и согласно принципу прагматической достаточности речи опущены. Однако все они отражены в существительном, транспонированном в позицию прилагательного.

Однако какой бы причиной не вызывалась транспозиция нужно отметить, что транспозит и транспозитив связаны с одним и тем же денотатом. Новое в семантику конструкций с транзитивами вносит транспозитор, который приспособливает транспозит к новым синтаксическим условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мещанинов, И. И. Члены и части речи / И. И. Мещанинов. – М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1945. – 321 с.
2. Богушевич, Д. Г. Еще раз к вопросу о частях речи / Д. Г. Богушевич // Актуальные проблемы германистики и романтики. – 2002. – Вып. 6. – Ч. 1. – С. 164–167.
3. Михайлов, Л. М. Немецкий язык: грамматика устной речи / Л. М. Михайлов. – М.: Высш. шк. – 1994. – 256 с.
4. Ярцева, В. Н. Лингвистический словарь / В. Н. Ярцева. – М., Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
5. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит. – 1962. – 452 с.
6. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
7. Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 196 с.
8. Кубрякова, Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.
9. Рахуба, В. И. Лингвистический статус образований «*the* + прилагательное» и «прилагательное + *ly*» в структуре современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. И. Рахуба. – Минск, 2001. – 153 л.
10. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
11. Chuquet, H. Approche linguistique des problèmes de traduction anglais-français / H. Chuquet, M. Paillard. – Ophrys, 2004. – 451 p.
12. Outline of the Compositional Syntax / D. G. Bogushevich [et al.] // Philosophy of Linguistics: proc. of the 16th Intern. Congr. of Linguists, 20–25 July 1997. – Oxford, 1997.
13. Иванова-Мицевич, И. В. Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Иванова-Мицевич. – Воронеж, 2009. – 200 л.
14. Макуца, Е. В. Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Макуца. – Минск, 2003. – 116 л.

The article is devoted to consideration of one of the most disputable phenomena in modern languages, namely transposition. The analysis of various ways of transposition showed that it can be considered as derivation. The difference of transposition from other types of derivation is that transposition retains its denotative transposit reference. The sense of the transpositor can be defined by means of transformations.

Поступила в редакцию 29.01.18

М. С. Гутовская

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ И КОГНИТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ЯЗЫКЕ

(на материале русских и английских метаязыковых обозначений)

Закономерности отображения культурно vs. когнитивно значимых феноменов мира в номинативных единицах языка рассмотрены на примере русских и английских лексем и фразем с метаязыковой (связанной с языком и речью) семантикой. В метаязыковом поле выделены тематические макро- и микрогруппы, соответствующие разным по типу значимости метаэлементам, и определен удельный вес макрогрупп в поле. Выяснено, что основные направления семантического развертывания поля – «техническое» (образовано макрогруппой ‘базовые составляющие коммуникации’) и «психологическое» (репрезентировано макрогруппами ‘иллокутивные характеристики речевых актов’ и ‘личностно обусловленные свойства речевых произведений’) – уравновешены по количеству манифестирующих их номинативных единиц, что говорит о равной значимости технической и психологической составляющих коммуникации. Отмечено, что характер отношений между номинативными единицами в выделенных тематических группах не одинаков и зависит от свойств обозначаемых ими метасущностей: группы обозначений когнитивно значимых элементов представлены рядами синонимичных (в разной мере) единиц, группы наименований культурно маркированных явлений – объединениями семантически менее тесно связанных между собой единиц.

Словарный состав каждого естественного языка представляет собой упорядоченную совокупность номинативных единиц, находящихся друг с другом в отношениях и связях. Словарь образует сложную систему – распадается на ряд семантических (тематических) полей, каждое из которых тоже является системой. Системность семантического поля «зиждется на тождествах и различиях» [1, с. 141] – поле обладает интегральным семантическим признаком, общим для всех его единиц, и дифференциальными признаками, по которым его единицы отличаются друг от друга. Интегральный и дифференциальные признаки и содержащие их слова характеризуются разным уровнем обобщенности и образуют вертикальную структуру семантического поля. Эта структура обычно исследуется методом компонентного анализа – семный анализ позволяет определить наиболее существенные компоненты в значении номинативных единиц и выделить тематические рубрики более низкого и более высокого ранга в соответствии с семантическим компонентом, общим для номинативных единиц одного (более низкого или более высокого) уровня обобщения. Для изучения структуры поля используются также метод оппозиций, комбинаторный метод и др. [2, с. 381].

Основные дифференциальные семантические признаки поля (в полевой структуре соответствуют тематическим макрогруппам) иерархически упорядочены в зависимости от числа манифестирующих их номинативных единиц [3, с. 45, 48], и главным принципом иерархизации выступает «принцип ценностной ориентированности» [4, с. 45]. Наиболее значимые признаки объективируются большим количеством лексем и фразем, образно говоря, изображаются в языковой картине крупным планом, неестественно крупными по размеру. И чем выше их ценностная значимость, тем многочисленнее лексико-фразеологическая объективация [5, с. 132; 6, с. 172] – крупнее их языковое изображение. Ю. Д. Апресян реконструировал организацию образа системы физического восприятия человека, закрепленную в русском языке, выявил упорядоченность в русском языковом образе системы восприятия пяти ее подсистем – зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. «Очевидно, что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая *зрительное* восприятие. За ней, существенно уступая ей в объеме, следует лексика *слуха*. *Обоняние*, *вкус* и *осязание*, по числу обслуживающих их лексем уступающие *слуху*, друг от друга отличаются не столь заметно» [3, с. 48]. Каждая подсистема чувственного восприятия человека локализуется в определенном органе – глазах, ушах, носу, языке и коже соответственно. Поэтому языковой образ системы чувственного восприятия человека может быть представлен вполне наглядно: человек воспринимающий запечатлен в русской языковой картине с огромными глазами, большими ушами и одинаково небольшими, невыделенными носом, языком и кожей. Такой принцип изображения напоминает диспропорциональность фигур в детских рисунках.

Языковые изображения крупных, выделенных частей феномена могут отличаться по технике написания. Представляется возможным разграничивать отличия в уровне детализации и объемности изображения. Детально прорисовываются те элементы феномена, которые обладают культурной маркированностью – являются частью многих сфер жизнедеятельности человека и знакомы ему в мельчайших подробностях. Объемно изображаются когнитивно отмеченные свойства – свойства, осознаваемые носителями языка как наиболее важные. Культурная (внешняя) и когнитивная (внутренняя) значимость находят выражение в разных языковых явлениях: первая проявляется в наличии множества семантически неоднородных, индивидуализирующих наименований, вторая – в наличии большого количества полных и/или частичных синонимов¹ (закон притяжения синонимов С. Ульмана: «существует тенденция обозначать лица или явления, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим числом синонимов» [8, с. 266]).

Менее важные признаки феномена объективируются небольшим количеством номинативных единиц с общей семантикой, почти не имеющих синонимов, – изображаются более мелкими по размеру, обозначаются крупными мазками (не детально) и представляются плоскостно (не объемно).

---

¹ Разграничение культурной и когнитивной значимости основных семантических признаков поля, проводимое на основании различий в языковом выражении значимости этих двух типов, было предложено в другой нашей работе [7, с. 49–50].

В предлагаемой работе особенности манифестации культурной vs. когнитивной значимости в языке рассматриваются на примере русских и английских номинативных единиц с метаязыковой семантикой. В русском и английском метаязыковом поле определяется состав тематических макро- и микрогрупп, соотносящихся с культурно и когнитивно значимыми элементами сферы языка и речи, устанавливается количество номинативных единиц, входящих в каждую макрогруппу, изучается характер отношений единиц в выделенных группах (степень их связанности), выявляются закономерности презентации культурно и когнитивно значимых метаявлений в номинативных (лексико-фразеологических) фондах двух языков.

Материалом исследования послужил корпус употребительных русских и английских метаязыковых лексем и фразем, собранных из современных словарей. Общий объем корпуса составил 4 600 употребительных номинативных единиц, в их числе 1 478 русских лексем, 1 029 русских фразем, 1 243 английских лексем и 850 английских фразем. Процедура формирования исследовательского корпуса подробно описана в [9, с. 61–62].

Тематические макрогруппы поля и их номинативная плотность. Тематическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в целом определяется структурой обозначаемого объекта. Согласно К. Э. Шеннону [10], Р. О. Якобсону [11], всякое речевое событие предполагает наличие таких компонентов, как адресант, адресат, код (общий для коммуникантов язык), контекст, контакт (акт коммуникации, включая его физические и психологические условия) и сообщение (содержание коммуникации). Названные компоненты находят отражение в тематических макрогруппах поля. В русском и английском метаязыковом поле мы различаем три представленные как лексикой, так и фразеологией макрогруппы номинативных единиц: 1) наименования основных составляющих коммуникации, 2) именованные иллокутивные (связанные с целеустановкой говорящего) характеристики высказывания, 3) обозначения личностно обусловленных (привносимых говорящей личностью) свойств речевых произведений.

В макрогруппу ‘основные составляющие коммуникации’ входят наименования ее типовых участников: адресанта (субъекта языковой-речевой деятельности, деятеля-производителя), адресата (деятеля-реципиента), предмета (темы), инструментов (средств); видов коммуникативной деятельности в зависимости от ее условий – формы коммуникации (устная, письменная речь), состава участников (монолог, диалог, полилог) и др.; продуктов языковой и речевой деятельности (словарь, книга), их элементов (эпиграф, развязка) и атрибутов (сюжет, композиция, жанр).

Иллокутивная макрогруппа представлена такими дифференцированными по целеустановке классами именованных, как репрезентативы (сообщения, доносы, предсказания, предупреждения, предостережения, признания, объяснения), прескрипции (приказы и требования, убеждения и уговоры, жалобы, просьбы, вопросы), экспрессивы (одобрения, осуждения, упреки, насмешки, приветствия, пожелания, благодарности, извинения), комиссивы

(обещания, клятвы, ручательства, отказы от ранее сделанных утверждений, принятых обязательств), декларативы (присвоения имен, назначения и увольнения, вынесения приговоров).

Макрогруппу ‘лично обусловленные свойства речевых произведений’ формируют номинации, характеризующие по ряду признаков содержание высказывания (по признакам ‘правдивость – лживость’, ‘весомость – легковесность’, ‘релевантность – нерелевантность’, ‘достаточность – недостаточность – избыточность’) и форму (по признакам ‘уместность – неуместность’, ‘яркость – шаблонность’, ‘ясность – иносказательность’, ‘лаконичность – многословие’, ‘стройность – сумбурность’, ‘нормативность – ненормативность’, ‘простота – замысловатость’).

Распределение номинативных единиц по трем семантико-денотативным макрогруппам русского и английского полей метаязыковых обозначений представлено в таблице.

Удельный вес тематических (семантико-денотативных) макрогрупп поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках

Тематические макрогруппы	Русский подкорпус	Английский подкорпус
Основные составляющие коммуникации	1 229 (49 %)	1 005 (48 %)
Иллокутивные характеристики речевых актов	752 (30 %)	649 (31 %)
Лично обусловленные свойства речевых произведений	526 (21 %)	439 (21 %)
Всего	2 507 (100 %)	2 093 (100 %)

В обоих языках первенствует по количеству конституирующих ее номинативных единиц технически ориентированная макрогруппа – наименования базовых составляющих коммуникации. Уступают первой по объему, но вместе уравнивают ее две другие психологизированные (связанные с языковым-речевым поведением людей, с их коммуникативным взаимодействием) макрогруппы – обозначения речевых актов по реализуемой в них целеустановке говорящего и именования свойств речевых произведений в зависимости от используемых говорящим речевых тактик и языковых средств. Такая уравновешенность свидетельствует о равной значимости для русскоязычного и англоязычного сознания технической и психологической сторон коммуникативной деятельности.

Отношения элементов внутри макрогрупп, природа значимости репрезентируемых макрогруппами явлений. Семантико-денотативные макрогруппы технической и психологической направленности различаются по характеру образующих их элементов и отношений между ними, и это позволяет говорить о разной природе значимости технической и психологической составляющей речевой коммуникации.

Микрогруппы, образующие техническую макрогруппу ‘основные составляющие коммуникации’, представлены разнородными по смыслу номинативными единицами, слабо организуемым в более мелкие семантические парадигмы. Так, в русском материале 44 члена микрогруппы ‘субъекты языковой-речевой деятельности’ передают 38 различных значений (т.е. в среднем примерно по одной (1,2) номинативной единице на значение), соотносятся с 38 разными денотатами: *оратор* ‘1. тот, кто произносит речь. 2. тот, кто обладает ораторским даром’ [12], *базарная баба* ‘(прост. презр.) о грубой и крикливой женщине’ [13, с. 14], *посредник* ‘лицо или организация, государство, при содействии которого ведутся переговоры между сторонами’ [12], *филолог* ‘специалист по филологии’, *сценарист* ‘автор сценария’ [Там же], *репортер* ‘сотрудник газеты, журнала, радио, телевидения, пишущий или передающий репортажи’ [Там же], *диктор* ‘работник радио или телевидения, читающий перед микрофоном текст радио- или телепередач’ [Там же], *радист* ‘специалист по приёму и передаче звуковых сигналов, сообщений по радио’ [Там же], *редактор* ‘1. тот, кто редактирует какой-л. текст’ [Там же], *издатель* ‘лицо или предприятие, издающее произведения печати’ [Там же], *дипломатический курьер* ‘служащий ведомства иностранных дел, перевозящий дипломатическую почту’ [13, с. 128], *спикер* ‘2. (спорт.) лицо, объявляющее зрителям решение судей на соревнованиях по боксу’ [12] и др. Смысловой близостью отмечены только четыре группы наименований субъектов: группа однокорневых и разнокорневых синонимов *писатель* ‘тот, кто профессионально занимается литературной деятельностью’ [Там же], *писательница*, *литератор* ‘человек, профессионально занимающийся литературным трудом; писатель’ [Там же], *публицист* ‘писатель, автор публицистических произведений’ [Там же] и пары однокорневых синонимов *поэт* ‘автор стихотворных, поэтических произведений’ [Там же], *поэтесса*, *переводчик* ‘тот, кто занимается переводами с одного языка на другой’ [Там же], *переводчица*, *журналист* ‘профессиональный литературный работник, занимающийся журналистикой’ [Там же], *журналистка*.

Высокая номинативная плотность макрогруппы обозначений базовых компонентов коммуникации создается главным образом за счет единичных имен для многочисленных видов коммуникации, ее участников, продуктов, атрибутов. Значимость технической составляющей коммуникативной деятельности можно охарактеризовать как культурную – внешнюю, обусловленную ее присутствием практически во всех сферах жизнедеятельности человека.

Микрогруппы, формирующие психологизированные макрогруппы ‘иллокутивные характеристики речевых актов’ и ‘лично обусловленные свойства речевых произведений’, в основном репрезентированы близкими по семантике обозначениями, объединенными в синонимические ряды. Например, в русском корпусе 20 членов микрогруппы ‘одобрения’ (макрогруппа ‘иллокутивные характеристики речевых актов’) образуют синонимическую парадигму с общим значением ‘положительный отзыв, похвала/поло-

жительно отозваться (отзываться), похвалить (хвалить)’ (20 номинативных единиц на значение): *одобрить* ‘положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-л.’ [12], *одобрение* – доминанты синонимического ряда; *поддержать* ‘выразить свое одобрение, согласие с чем-л.’ [Там же], *поддержка*, *прославлять* ‘2. воздавать хвалу кому-л., превозносить кого-л.; восхвалять’ [Там же], *петь славу* ‘прославлять, воспевать’ [13, с. 262], *гладить по головке* ‘хвалить, одобрять; потворствовать чьим-л. поступкам’ [Там же, с. 47], *квасной патриотизм* ‘огульное восхваление всего своего’ [Там же, с. 108] – идеографические, или семантические, синонимы, содержащие (имплицитно или эксплицитно) по отношению к доминанте различительные содержательные семы; *петь осанну* ‘(книжн. устар.) превозносить кого-л.’ [Там же, с. 182] – идеографо-стилевой синоним (имплицитно содержит различительную содержательную сему ‘очень’, принадлежит к художественному стилю) и др.

Аналогичным образом в английском материале микрогруппа ‘лживость’ (макрогруппа ‘лично обусловленные свойства речевых произведений’) представлена синонимичным рядом из 34 варьирующихся по степени семантической близости обозначений (34 номинативные единицы на общее значение) с доминантами *lie* ‘ложь, обман, неправда’ [14], *lie* ‘1. лгать, обманывать’ [Там же], *false* ‘лживый, неправдивый’ [Там же]: *speak with (a) forked tongue* ‘лгать’ [15], *spin a yarn* ‘рассказывать что-л. неправдоподобное’ [16, р. 397], *feed sb a line* ‘говорить кому-л. неправду’ [Там же, р. 213], *pull the wool over sb’s eyes* ‘лгать, намеренно вводить кого-л. в заблуждение’ [Там же, р. 389], *whistle Dixie* (разг.) ‘говорить неправду, лгать’ [Там же, р. 88], *tell porkies* ‘(разг.; шутл.) врать’ [Там же, р. 269], *cook up* ‘2. (разг.) придумать, сказать не совсем правду’ [14], *lie through one’s teeth* ‘бесстыдно лгать’ [16, р. 341], *snow job* ‘(разг.) снабжение дезинформацией; запудривание мозгов’ [Там же, р. 317], *fiction* ‘2. рассказы, выдумки’ [14], *be full of crap/shit* ‘(разг.; груб.) о человеке, который лжет’ [16, р. 73] и др.

Наличие множества синонимичных (в разной степени) наименований для признаков, относящихся к психологической стороне коммуникации, говорит о ее когнитивной – внутренней – значимости (закон притяжения синонимов С. Уллмана: явления, играющие важную роль в жизни языкового коллектива, обозначаются большим количеством синонимов), ее высокой актуальности для человека.

Итак, тематическое членение лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках похоже. Схож состав тематических (семантико-денотативных) макрогрупп поля и их внутренняя дифференциация. Совпадает степень лексико-фразеологической представленности двух основных направлений семантического развертывания поля: «техническое» (образовано макрогруппой наименований основных составляющих коммуникации) и «психологическое» (сформировано макрогруппами обозначений речевых актов по реализуемой в них целеустановке говорящего и именовании свойств речевых произведений в зависимости от выбранных говорящим речевых тактик и языковых средств) семантическое направление

уравновешены по количеству репрезентирующих их номинативных единиц – на их долю приходится соответственно 49 % и 51 % русских употребительных метаязыковых обозначений, 48 % и 52 % английских. Это свидетельствует о равной значимости технической и психологической составляющей в коммуникативной деятельности.

Языковая объективация двух выделенных направлений специфична, но осуществляется по общим для русского и английского языков принципам. Психологически ориентированные семантические признаки представлены рядами варьирующихся по степени близости синонимичных обозначений; это свидетельствует о когнитивной – внутренней – значимости психологической стороны коммуникации (закон притяжения синонимов С. Ульмана). Технически ориентированные признаки актуализированы семантически разнородными, индивидуализирующими (содержащими указание на принадлежность денотата к конкретной сфере деятельности) обозначениями; значимость технической составляющей является культурной – внешней, обусловленной присутствием языка-речи в различных областях жизнедеятельности человека.

Выявленные различия позволяют предположить, что в языке закреплена корреляция между типом значимости явлений мира и способами языкового выражения представлений о них: все значимые для человека феномены обозначаются множеством языковых единиц, при этом когнитивно значимые сущности репрезентируются рядами синонимичных номинативных единиц, культурно маркированные – группами менее тесно семантически связанных между собой единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики [1916] / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; под. ред. А. А. Холодовича. – М., 1977. – С. 31–285.
2. *Кузнецов, А. М.* Поле / А. М. Кузнецов // Языкознание : большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998. – С. 380–381.
3. *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
4. *Постовалова, В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – С. 8–69.
5. *Богданова, С. Ю.* Прототипическая семантика и понятие ЛСГ / С. Ю. Богданова // Прототипические и непрототипические единицы в языке / Л. М. Ковалева [и др.] ; под ред. С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. – Иркутск, 2012. – С. 125–147.
6. *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры [2012] / М. Л. Ковшова. – М. : URSS : Ленанд, 2016. – 453 с.

7. *Гутовская, М. С.* Фразеосемантическое поле в компаративном лингвокогнитивном освещении: направления и метод исследования / М. С. Гутовская // *Respectus Philologicus*. – 2014. – № 25 (30). – С. 31–52.
8. *Ульман, С.* Семантические универсалии [1963] / С. Ульман // *Новое в лингвистике*. – 1970. – Вып. 5 : Языковые универсалии. – С. 250–299.
9. *Гутовская, М. С.* Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках // *Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія*. – 2017. – № 2. – С. 58–71.
10. *Shannon, C. E.* The mathematical theory of communication / С. E. Shannon, W. Weaver. – Urbana : Univ. of Illinois Press, 1949. – 117 p.
11. *Jakobson, R.* Linguistics and Poetics / R. Jakobson // *Style in Language* / ed. by T. A. Sebeok. – Cambridge, Massachusetts, 1960. – P. 350–377.
12. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/bts>. – Дата доступа : 08.07.2017.
13. Фразеологический словарь русского языка : свыше 10 000 фразеологизмов / сост. А. Н. Тихонов [и др.]. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз. – Медиа ; Дрофа, 2007. – 334 с.
14. The Free Dictionary by Farlex [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.thefreedictionary.com>. – Date of access : 07.07.2017.
15. Idiom Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.idiomdictionary.com>. – Date of access : 07.07.2016.
16. Longman Idioms Dictionary. – Harlow : Pearson Education Ltd, 1998. – 398 p.

The paper reveals that the nature of the relationships between the nominative units within the thematic groups of the metalanguage (connected with language and speech) field in the Russian and English languages is not the same and depends on the properties of the entities the groups denote. It suggests that a correlation between the types of significance of the phenomena and the means of their presentation is fixed in the language: all the significant for people phenomena assume many names, yet the cognitively significant ones are represented by rows of synonymous nominative units, the culturally marked – by groups of less closely related to each other units.

Поступила в редакцию 05.01.18

Г. В. Карпук

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧУВСТВА ЗАВИСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются вербальные и невербальные способы реализации чувства зависти в русскоязычной межличностной коммуникации. В рамках вербальной реализации чувства зависти проанализированы эксплицитные и имплицитные способы. Выявлено, что коммуникативный контекст может совмещать данные экспли-

цитные и имплицитные способы. Эксплицитные способы снабжены разнообразными смягчающими и интенсифицирующими языковыми средствами. В статье также рассмотрены речевые и неречевые реакции на эксплицитную и имплицитную реализацию чувства зависти. Невербальная реализация чувства зависти связана с использованием молчания, фонационных и кинесических средств.

В лингвистических исследованиях (С. Г. Воркачев, Н. В. Григоренко, И. В. Несветаилова, М. С. Матыцина и др.) рассматривались различные аспекты феномена зависти. Так, изучению подвергались семантика зависти [1], функционирование концепта «зависть» в русской и английской лингвокультурах [2], языковая репрезентация концепта «зависть» в английском языке [3], языковые средства выражения речевого акта зависти в английской диалогической речи [4] и т.п. Настоящая статья посвящена вербальным и невербальным способам реализации чувства зависти в русскоязычной межличностной коммуникации (материалом послужили диалогические контексты, взятые из художественной литературы, художественных фильмов и живой разговорной речи).

В целях рассмотрения вербальных и невербальных способов реализации чувства зависти необходимо конкретизировать границы понятия зависти, предварительно проанализировав сам феномен зависти. Этимологически существительное *зависть* произошло от глагола *завидовать*, который, произошел от глагола *видеть* и, по представлениям некоторых авторов, в частности М. Фасмера, основан, «вероятно, на представлении о дурном глазе» [5, с. 72].

В психологическом аспекте феномен зависти исследовался П. Куттер, М. Кляйн, Л. С. Архангельской, К. Муздыбаевым и др. С психологической точки зрения возникновение чувства зависти предопределено особенностями критериев самооценки человека и его системы отношений к другим людям. Зависть – это переживание, которое связано с детскими стадиями развития человека, с особенностями трансформации системы самооенок в ходе взросления человека. Переживание взрослым человеком чувства зависти является одним из признаков личностной незрелости и свидетельствует о необходимости глубинного самоанализа для самосовершенствования и самореализации человека.

Степень переживания чувства зависти может быть различной. В ряде случаев завистливость становится чертой личности, способна вызывать межличностные конфликты и сопровождаться доминированием агрессии над поиском конструктивного решения конфликта [6, с. 20–21].

В феномене зависти можно выделить три компонента: субъект зависти, объект зависти [7, с. 70–71] и предмет зависти (то, чему завидуют). Предмет зависти – это то, что является для людей важным, ценным, приоритетным.

В феномене зависти выделяются последовательные этапы: 1) социальное сравнение; 2) осознание чьего-либо превосходства; 3) переживание в связи с этим досады, огорчения, унижения; 4) неприязнь, ненависть к тому, кто обладает превосходством; 5) желание или причинение ему вреда; 6) желание

или лишение его предмета превосходства [8, с. 12]. Среди внешних факторов, способствующих возникновению зависти в определенных ситуациях основным является фактор близости статуса завидующего статусу завидуемого [9, с. 259]. Завистник сравнивает свои достижения с достижениями людей, близко стоящих на социальной лестнице [Там же], и рассматривает их успех как свое поражение [10, с. 226]. К внутренним факторам возникновения зависти относятся эгоизм, самолюбие, тщеславие, честолюбие, лень [Там же].

В русской лингвокультуре понятие зависти включает множество смыслов. Так, различают белую и черную зависть [2, с. 112–113]. Черная зависть – злобная, враждебная; белая – незлобная, соревновательная [10, с. 226]. Различают зависть-неприязнь и зависть-восхищение [6, с. 20]. Зависть-неприязнь связывают с представлением о том, что объекты зависти обладают предметом зависти незаслуженно и причины их успехов не связаны с их личными качествами [Там же, с. 20–21]. Зависть-восхищение трактуется как радость завидующего за успех другого человека и попытка достичь того же, т.е. завидуемый выступает объектом подражания [Там же]. По нашему мнению, с методологической точки зрения, деление зависти на белую и черную, зависть-неприязнь и зависть-восхищение и т.п. представляет собой смешение разных, в том числе противоположных смыслов и переживаний, ведущих к расширению и размыванию границ понятия зависти. Человек одновременно может переживать множество эмоций и чувств, но в целях научного анализа их необходимо дифференцировать.

Феномен зависти также рассматривался религиозными мыслителями (Иоанн Лествичник, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Димитрий Ростовский, Феофан Затворник и др.). С религиозной, христианской точки зрения зависть берет начало в гордыне и свидетельствует об отсутствии смирения: «Гордый не может терпеть, чтобы кто-нибудь был выше его и был в благополучии, поэтому негодует о возвышении его. Смиранный человек завидовать не может, ибо видит и сознает свое недостойнство, прочих же признает более достойными» [11, с. 150–151]. Как известно, первым во Вселенной испытал зависть Люцифер: он позавидовал Богу и стал сатаной, позже позавидовал человеку и искусил его. Каин (старший сын первых людей – Адама и Евы) позавидовал своему брату Авелю и убил его. Исав из зависти преследовал Иакова. Братья Иосифа позавидовали ему и продали в рабство. Саул завидовал Давиду и преследовал его и т.п. Люди завидуют на протяжении всей истории человечества.

Зависть является грехом. В десятой заповеди Ветхого Завета говорится: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20, 17) [12, с. 88]. Согласно данной заповеди, «человек не должен желать чужого, не принадлежащего ему, но в высшем, сакральном значении она запрещает желать всего, что чуждо человеческому духу, – страстно желать вещественного, преходящего, обреченного на тление и смерть» [13, с. 209]. Иными словами, человек призван быть свободным от земных, материальных пристрастий.

Переживание чувства зависти свидетельствует о неразвитости любви. Как о том говорится в Первом послании к Коринфянам апостола Павла, любовь «долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1 Кор. 13:4–8) [12, с. 225]. Любовь – это путь Авеля, путь смирения, благодарения, творения добра, следовательно, путь духовно-нравственного возрождения. Зависть – это путь духовно-нравственного разрушения, путь Каина. Завистник причиняет зло и объекту зависти (может оклеветать его и т.д.), и сам страдает, поскольку испытывает неприязнь, досаду, унижение, «скорбь о благополучии ближнего» [14, с. 660]. Как «ржавчина изъедает железо, так зависть – душу» [Там же]. Следует отметить, что согласно православному учению десятое из мытарств, которое проходит душа человека после смерти физического тела, – это мытарство зависти.

В плане духовного преодоления зависти ценной представляется рекомендация Феофана Затворника: если пробудить доброжелательство к объекту зависти и проявить данное чувство на деле, то зависть угаснет; в случае повторения этого она совсем исчезнет [15]. Более того, первый этап потенциального возникновения зависти (социальное сравнение) оказывается безопасным в плане развития зависти при наличии смирения. В целях удаления себя от переживания зависти, возможно, человеку следует избегать сравнения себя (своих достоинств и достижений) с другими людьми, так как обстоятельства жизненного пути, ценности, цели и задачи каждого человека различны. Полезным также может быть изменение приоритета ценностей – смещение их с материального, приземленного уровня на духовный: по мнению Василия Великого, тот, кто «не поражается мирским как чем-то великим, к тому никогда не может приблизиться зависть» [14].

Несмотря на то, что человек пытается скрыть переживаемое чувство зависти, оно получает определенные формы своего вербального и невербального выражения в человеческой коммуникации. Как говорится, «от избытка сердца говорят уста» (Лк. 6:45) [12, с. 79].

Проведенный нами анализ показал, что в русскоязычной межличностной коммуникации чувство зависти может реализовываться вербально (эксплицитно и имплицитно) и невербально. При эксплицитной реализации используются тематические лексемы (*завидовать, зависть, завидки* и т.д.), при имплицитной реализации они, как правило, отсутствуют, и на актуализацию зависти указывает контекст. Невербальная реализация сопровождает вербальную реализацию и связана с использованием молчания, фонационных и кинесических средств.

Способы **имплицитной реализации** зависти включают речевые действия комплимента, вопроса, признания, намека (составляет отдельную группу, так как может содержать тематические лексемы) и т.п. **Реагирующие речевые реплики** представлены такими речевыми действиями, как раскрытие объектом зависти своих достоинств, удивление, совет, моральная поддержка (контекст (9)) и т.п. **Невербальная реакция** – молчание.

В следующем коммуникативном контексте эмоционально окрашенный (в силу междометия и восклицания) комплимент *Черт, какая память!* рассматривается нами в качестве вербального имплицитного средства реализации зависти, сопровождаемого невербальными фонационными средствами (*завистливо* и *с восхищением*). Междометие, содержащее наименование субъекта демонического мира, служит для выражения чувства досады. Реплика, произнесенная завистливым тоном, была адресована мужем жене. Восхищение памятью супруги в определенной степени смягчает негативность завистливого тона, придает реплике позитивный заряд. Иными словами, если негативно маркированное фонационное средство сочетается с позитивно окрашенным фонационным средством, то негативность первого может ослабляться. Реагирование на имплицитную реализацию зависти представлено раскрытием объектом зависти своего изобретения – системы обучения:

(1) *Она открыла глаза, с трудом перевела дух и, обратив смеющееся, подвижное лицо к Ромашиову, спросила:*

– *Хорошо?*

– *Черт, какая память!* – *завистливо, но с восхищением произнес Николаев, углубляясь в свои тетрадки.*

– *Мы ведь все вместе,* – *пояснила Шурочка.* – *Я бы хоть сейчас выдержала экзамен. Самое главное,* – *она ударила по воздуху вязальным крючком,* – *самое главное – система. Наша система – это мое изобретение, моя гордость. Ежедневно мы проходим кусок из математики, кусок из военных наук <...> потом кусочек из уставов. Затем через день оба языка и через день география с историей* (А. И. Куприн. Поединок).

В приведенном ниже фрагменте вопрос *Когда Палагею с Нилом венчать будешь?* выполняет функцию вербального имплицитного средства, сопровождаемого невербальным фонационным средством *сухо*. Завистливый оттенок речи сочетается с сухостью голоса (*сухо, с завистью*), поскольку негативно заряженное чувство зависти иссушает человека, лишает радости. Реагирующая реплика представлена эмоционально окрашенными речевыми актами, передающими изумление (высокая степень удивления):

(2) *Акулина Ивановна (сухо, с завистью). Когда Палагею с Нилом венчать будешь?*

Перчихин (вскакивая, изумленный). Что-о? С Нилом... ну-у? (М. Горький. Мещане).

В художественном фильме П. Лунгина «Остров» присутствует указание отца Анатолия на завистников (*Это завистники, наверно*). Несмотря на наличие тематической лексемы *завистники*, это указание трактуется нами как имплицитный способ реализации зависти. Данное указание – это своего рода намек отца Анатолия отцу Иову на мучившую его [отца Иова] зависть, попытка открыть ему ее, привлечь к ней его внимание. Данная реплика содержит смягчающий элемент *наврно* и передает смысл «Отец

Иов, ты завидуешь». В ответ отец Анатолий советует вытереть дверную ручку. Несколько позже отец Анатолий задает отцу Иову вопрос (*А вот... я... забыл... за что... Каин... брата своего... Авеля... убил?*), который служит средством имплицитного указания на зависть собеседника (выступает в качестве намека) и приводит последнего в замешательство и возмущение. Вопрос содержит смягчающие средства: мотивировку (*А вот... я... забыл...*) и паузы (фонационный компонент). Через глобально-прецедентные имена *Каин* и *Авель* вопрос отсылает к глобально-прецедентной библейской ситуации зависти, в результате которой произошло убийство Каином своего брата Авеля. Что касается реагирующей реплики, отец Иов знает, что отец Анатолий знает ответ на свой вопрос, поэтому не воспринимает его вопрос серьезно (*Ты все шутки шутишь...*), и вторично, с чувством недовольства указывает на необходимость вытереть дверную ручку (*...ты вон ручку лучше вытри!*). Данное указание вытереть дверную ручку – это и указание, и совет, и форма психологической защиты:

(3) *Отец Иов. Отец Анатолий, кто-то ручку сажеей вымазал.*

Отец Анатолий. Да кто же это? Это завистники, наверно.

Отец Иов. Ну, вытереть надо...

Отец Анатолий. ...А вот... я... забыл... за что... Каин... брата своего... Авеля... убил?

Отец Иов. Ты все шутки шутишь, ты вон ручку лучше вытри!

В следующем контексте присутствует реакция на намек, ранее сделанный завистнику и приведенный выше (в контексте (3)). Данная реакция представляет собой имплицитное признание отца Иова в зависти (*я ведь тоже хотел как ты – людям помогать*), подтверждаемое чувством неприязни к отцу Анатолию (*Я тебя терпеть не могу, старый хрыч*). Реакция на данное признание – молчание объекта зависти:

(4) *Отец Анатолий. Да ты ж меня любишь, отец Иов? Правда? Любишь?*

Отец Иов. Я тебя терпеть не могу... старый хрыч. А ты вот меня спрашиваешь... за что Каин Авеля убил. А я тебе скажу... я ведь тоже хотел как ты – людям помогать... Да не принимает моих жертв Господь.

О том, что намеки отца Анатолия были поняты отцом Иовом, свидетельствуют слова отца Иова в контекстах (4) и (5) (*...думаешь, я без твоих намеков... о грехах своих не знаю?*):

(5) *Отец Анатолий. Да ведь ты меня не любишь, отец Иов. Филарет... тот любит. А ты... ради него стараешься.*

Отец Иов. А за что тебя любить-то? Ты мимо моей кельи без шуток не ходишь... то ручку намажешь, то всякую дрянь подбрасываешь. Или может быть ты... думаешь, я без твоих намеков... о грехах своих не знаю? А?

В настоящей статье рассматриваются следующие способы **эксплицитной реализации** зависти, наблюдаемые в русскоязычной межличностной коммуникации:

- говорящий признается в том, что он/она завидует;
- говорящий признается в том, что он/она видит в себе потенциальную зависть и боится ее возможного проявления;
- говорящий указывает собеседнику на зависть, обвиняет его/ее в зависти;
- что-то, принадлежащее собеседнику, характеризуется как завидное;
- говорящий спрашивает у собеседника, не завидует ли он/она ему/ей;
- говорящий спрашивает у собеседника о том, знает ли собеседник то, чему он [говорящий] завидует, и сам же сообщает о предмете своей зависти;
- говорящий высказывает пожелание, чтобы собеседник ему/ей позавидовал;
- говорящий советует собеседнику не завидовать.

В перечень **речевых реакций** на эксплицитную реализацию зависти входят: вопрос о причинах зависти; вопрос-уточнение; согласие-признание собеседника в зависти; согласие человека с тем, что ему/ей можно позавидовать; отрицание зависти; совет завистнику прекратить себя корить; укор-указание того, почему человек дает совет не завидовать; обвинение объекта зависти в превышении меры и т.п. **Неречевая реакция** на эксплицитную реализацию зависти – молчание.

Безусловно, приведенные перечни способов реализации зависти и реакций не претендуют на их полное представление и не являются закрытыми.

Обратимся к способам эксплицитной реализации зависти и реагирующим речевым действиям.

Говорящий признается в том, что он/она завидует. Человек может не осознавать испытываемую им/ею зависть; признание в зависти свидетельствует об осознании этого чувства (осуществляется через формы: *я завидую, я завистливая* и т.д.). Признание в зависти может одновременно содержать усиливающие и смягчающие средства. В следующем фрагменте признание в зависти, усиленное через увеличение ее степени (посредством лексики *очень*), смягчается уменьшительно-ласкательным обращением (*дружок*):

(6) *Антон <...> (Вытягивается на диване.) Я дома, дома – разве это не чудесно? И то, что идет дождик, а за окнами стемнело... И эти старые обои, и милые, знакомые, родные вещи – все это так прекрасно, правда ведь?*

Ирина. Я очень завидую тебе, дружок.

Антон. Вот видишь! Я просто устал, последние дни мне все время хочется спать и, открывая глаза, видеть одни и те же стены, одни и те же обои (А. Арбузов. Потерянный сын).

Признание в зависти может усиливаться инверсией и абсолютизацией (*каждому холостому*) и смягчаться субъективизацией (*лично я*):

(7) *Прохожий. Лично я каждому холостому завидую.*

Доронин. Почему? (А. Арбузов. Годы странствий).

В определенных случаях признание в зависти сопровождается признанием человеком того, что он изменился в худшую сторону. Человек осознает изменение своего духовно-нравственного состояния, слышит голос совести. В следующем фрагменте говорящий указывает на то, что зло, присутствующее в нем, проявляется в зависти, при этом в передаче эмоционального состояния участвуют междометие со значением досады (эх) и инверсия (*Злая я стала, завистливая*). Реагирующая реплика представлена директивными речевыми актами – советом завистнику перестать себя мучить (*Да будет тебе!..*) и метакоммуникативным речевым актом (*Слушай лучше*):

(8) *Лариса (неожиданно). Эх, не нравлюсь я себе.*

Валя. Подумаешь!.. Главное – мальчикам нравится.

Лариса. Злая я стала, завистливая...

Валя. Да будет тебе!.. Слушай лучше, что расскажу... (А. Арбузов. Иркутская история).

Коммуникативный контекст может сочетать эксплицитные и имплицитные способы реализации зависти. В рассматриваемом ниже фрагменте реплика завистника передает удивление, неверие в способности объекта зависти и противопоставление последнего лицу, более талантливому, по мнению завистника: *Неужели Тучков? <...> Вот Шурка мог бы... В это я бы поверил*. Несколько позже завистник выражает сомнение в отношении завидуемого, сопровождаемое кинесическим невербальным компонентом улыбнулся: *Аккуратный? (Улыбнулся) Ну-ну... Предположим*. Эксплицитный способ признания в зависти представлен словами *Да, завидую*. В свою очередь, речевые действия *Ведь что сделал человечина!* и *Да, великое дело ему досталось* могут рассматриваться как имплицитные способы реализации признания в зависти, в данном случае профессиональной зависти. Реагирующая реплика на второе действие (*Да, великое дело ему досталось*) представлена экспрессивным речевым актом – речевым действием моральной поддержки (*Не грустите, вы еще все успеете*) и дополнена кинесическим невербальным компонентом, имеющим значение моральной поддержки (*гладит его по плечу*). Через обращение к самому себе *А тебе, Мишка Лаврухин, нет фортуны!* передается саможаление завистника по причине своего невезения. В то же время его реплика *Я должен работать. Завтра. С утра. Иначе мне крышка, понимаете, Люся* свидетельствует о том, что успех объекта зависти стимулирует завистника к деятельности.

(9) *Лаврухин (откладывает газету). Неужели Тучков? Ведь что сделал человечина! Сколько жизней солдатских будет спасено... Вот Шурка мог бы... В это я бы поверил.*

Люся. Что вы, Михаил Иванович, Павлик был куда более аккуратный.

Лаврухин. Аккуратный? (Улыбнулся.) Ну-ну... Предположим. (Пауза.) Да, завидую...

Люся. Павлику?

Лаврухин. Верно, теперь Шурка продолжит его работу. Сейчас главное – не упустить время... Ведь тут же к самой гангрене тропка ведет... Да, великое дело ему досталось. А тебе, Мишка Лаврухин, нет фортуны!

Люся (гладит его по плечу). **Не грустите, вы еще все успеете.** Еще очень много нужно сделать и всего придумать.

Лаврухин (вспыхнул). Я должен работать. Завтра. С утра. Иначе мне крышка, понимаете, Люся? (А. Арбузов. Годы странствий).

Говорящий видит в себе потенциальную зависть и признается в боязни ее проявления. В следующем фрагменте это осуществляется через слова *Боюсь зависти*. Фрагмент иллюстрирует присутствие зависти в отношениях между друзьями, возможно, поэтому реакция объекта зависти позитивно заряженная и содержит совет завистнику перестать себя терзать (Полно, милый Илья!):

(10) – Чего ж ты боишься?

– **Боюсь зависти:** ваше счастье будет для меня зеркалом, где я все буду видеть свою горькую и убитую жизнь; а ведь уж я жить иначе не стану, не могу.

– **Полно, милый Илья!** Нехотя станешь жить, как живут около тебя. Будешь считать, хозяйничать, читать, слушать музыку. Как у ней теперь выработался голос! Помнишь *Casta diva*? (И. А. Гончаров. Обломов).

Говорящий констатирует зависть, обвиняет собеседника в ней. Обвинение в зависти может сопровождаться усиливающими средствами. В приведенном ниже фрагменте ими являются лексемы *просто* и *очень*. Реагирующая реплика представляет собой согласие-признание в зависти, оформленное фонационным компонентом *тихо*:

(11) Ольга. <...> **Вы просто сейчас очень завидуете Мише.**

Ведерников (тихо). Да. (А. Арбузов. Годы странствий).

Обвинение в зависти может усиливаться путем использования нескольких тематических лексем. В представленном ниже фрагменте наблюдаются формы *завидно* и *завидки хватают* (просторечный вариант). С обвинением в зависти контрастирует позитивная оценка объекта зависти: *Человек умеет, приспособился. Деньги зарабатывает*. Реагирующая реплика включает обвинение-осуждение объекта зависти в силу превышения ею меры (*Все хорошо, но тоже... в меру*). Как то следует из контекста (12), коммуникант, выступивший в защиту объекта зависти, услышал зависть в словах *Как не будет?!*, поэтому данные слова могут быть отнесены к имплицитным способам реализации чувства зависти:

(12) – **Настя не будет в субботу. Уехала.**

– **Как не будет?!**

– **Человек умеет, приспособился. Деньги зарабатывает. А вам завидно... Вас завидки хватают.**

– *Ну, знаешь... Все хорошо, но тоже... в меру* (Из живой разговорной речи).

Что-то, принадлежащее собеседнику, характеризуется говорящим как завидное. Однако обладатель завидных характеристик (*должность завидная*) может не ощущать их значимости и может быть недоволен своей жизнью (*А что я без должности?*):

(13) – *Брось ты, Петя, память надрывать, – сказал Дмитриев. – Им не понять. У них другое назначение. А нам, как поется, прошлого не жаль. Да и чего тебе жаловаться, дом у тебя дай боже, должность завидная.*

– *Должность... Она разве по человеку дается? А что я без должности? Есть у меня своя пружина или нет – вот в чем проблема! Куда я направлен, я и сам не знаю. Чего я хочу?..* (Д. Гранин. Обратный билет).

Говорящий спрашивает у собеседника, не завидует ли он/она ему/ей. В рассматриваемом фрагменте присутствует эксплицитная (*Или тебе завидно?*) и имплицитная (*Любят тебя бабы*) реализация зависти. Слова *Любят тебя бабы* можно трактовать как имплицитное средство реализации зависти, поскольку, как о том свидетельствует последующий коммуникативный ход (*Или тебе завидно?*), адресат услышал нотки зависти. Слова *А черт их деру. Пускай любят*, по всей видимости, произнесены равнодушным тоном, указывают на отсутствие у объекта зависти эмоций в отношении предмета разговора (разговорное междометие, обычно используемое для выражения сильной досады и неудовольствия [16], служит здесь средством выражения сомнения и равнодушия). Кинесический невербальный компонент *равнодушно пожал плечами* конкретизирует значение реплики. Реакция на эксплицитную реализацию чувства зависти представлена имплицитным отрицанием зависти (*Где уж мне! Я забыл, как и думают про это...*):

(14) – *У Грипы спал?*

– *А тебе что? Ну, у Грипы.*

– *Нет, я так, ничего... Любят тебя бабы.*

– *А черт их деру. Пускай любят, – равнодушно пожал плечами Бузыга. – Или тебе завидно?*

– *Где уж мне! Я забыл, как и думают про это...* (А. И. Куприн. Конокрады).

Говорящий спрашивает у собеседника, знает ли тот, чему он [говорящий] завидует, и сам же отвечает, сообщая о предмете своей зависти, т.е. наблюдается вопросно-ответный ход. В рассказе Н. Павловой говорящий, сравнивая себя с православными верующими Оптиной Пустыни и ощущая их превосходство в силу их дружности, испытывает зависть и грусть:

(15) – *Знаешь, Нина, чему я завидую? – говорит она грустно. – Вот вы, богомолы, все вместе и дружные. А я сорок лет живу в этой деревне, и ни одной подруженьки нет.*

Не только Клава, но и все деревенские нас зовут именно так – богомолы... (Н. Павлова. Новый год, Рождество и катамаран.).

Говорящий высказывает пожелание, чтобы ему/ей (по)завидовали (может выражаться директивным речевым актом *(по)завидуйте*). Поскольку зависть – негативное чувство, то подобное пожелание представляет собой акт недоброжелательства. В анализируемом ниже фрагменте речь идет об алкогольном напитке, поэтому степень недоброжелательства сильно снижается. Парцелляция (*Так что я – выпью. А вы позавидуйте*) способствует выделению пожелания. Реакция собеседника представлена молчанием:

(16) – *Выпить хотите?*

– *Хочу, но – боюсь. Сейчас такое время, когда надо быть абсолютно трезвым, а то можно запаниковать.*

– *Неделя в нашем распоряжении, Мюллер... А это очень много, семь дней, сто шестьдесят восемь часов, что-то около десяти тысяч минут. Так что я – выпью. А вы позавидуите.*

Борман налил себе айнциана, сладко, медленно опрокинул в себя водку... (Ю. Семенов. Приказано выжить).

Говорящий советует собеседнику не завидовать (совет может оформляться директивным речевым актом *не завидуй(те)*). В совете не завидовать может присутствовать снижение ценности предмета зависти, например снижение ценности семейной жизни: *Не завидуй, Лариска... Пеленки, постирушки, тазики, горшочки!* Перечисление используется для акцентирования множества хлопот, связанных с рождением ребенка. Субъект зависти реагирует на совет не завидовать указанием того, почему собеседник дает ему такой совет, выставляя тем самым собеседника в невыгодном свете (*...так рассуждаешь потому, что это для тебя недоступное счастье*):

(17) *Валя (не сразу). Что ж, им комнату отдельную дадут?*

Лариса. Обязаны. У нее Петр знаешь как на котловане отличается?

Валя. Не завидуй, Лариска... Пеленки, постирушки, тазики, горшочки!..

Лариса. Ты, Валентина, так рассуждаешь потому, что это для тебя недоступное счастье (А. Арбузов. Иркутская история).

Осознание чувства зависти и его глубинных причин является необходимым условием изменения человека в сторону добра, его самосовершенствования и самореализации. В русскоязычной межличностной коммуникации чувство зависти может реализовываться вербально (эксплицитно и имплицитно) и невербально. Эксплицитные способы реализации зависти могут быть снабжены различными усиливающими и смягчающими элементами, способными присутствовать в отдельном способе одновременно. Имплицитная реализация зависти может содержать отсылки к библейским прецедентным феноменам. Эксплицитные и имплицитные способы реализации зависти могут быть совмещены в одном контексте. Невербальная

реализация зависти сопровождается вербальную реализацию через использование молчания, фонационных и кинесических средств. Позитивно окрашенное фонационное средство способно ослабить отрицательный характер негативно маркированного фонационного средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воркачев, С. Г.* Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1998. – Т. 57, № 3. – С. 39–45.
2. *Несветайлова, И. В.* Эмоциональные концепты «зависть» и «ревность» в русской и английской лингвокультурах / И. В. Несветайлова. – Армавир : РИО АГПА, 2012. – 176 с.
3. *Григоренко, Н. В.* Концепт «envy» и его языковая репрезентация в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Григоренко. – Белгород, 2008. – 156 л.
4. *Матыцина, М. С.* Средства выражения речевых актов зависти и ревности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. С. Матыцина. – Белгород, 2013. – 184 л.
5. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель-АСТ, 2004. – Т. 2. – 671 с.
6. *Шмелев, А. Г.* Острые углы семейного круга (Психология обыденной жизни) / А. Г. Шмелев. – М. : Знание, 1986. – 96 с.
7. *Куттер, П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей : пер. с англ. / П. Куттер. – СПб. : Б.С.К., 1998. – 115 с.
8. *Муздыбаев, К.* Психология зависти / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 6. – С. 6–12.
9. *Ильин, Е. П.* Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 576 с.
10. *Куницына, В. Н.* Межличностное общение : учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
11. *Лествичник, И.* Лествица / И. Лествичник. – М. : Изд-во Свято-Успен. Псково-Печер. монастыря, 1994. – 274 с.
12. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами и приложениями. – М. : Рос. Библи. об-во, 1995. – 1254 с.
13. *Карелин, Р.* Умение умирать, или Искусство жить / Р. Карелин. – М. : Изд-во. Моск. Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2011. – 448 с.
14. *Василий Великий* свт. Беседа 11, О зависти / Святитель Василий Великий // Творения : в 2 т. – М., 2008. – Т. 1. – 750 с.

15. *Затворник, Феофан. О зависти [Электронный ресурс] / Феофан Затворник. – Режим доступа : <http://azbyka.ru/otechnik/prochee/entsiklopedija-izrechenij-svjatyh-ottsov-i-uchitelej-tserkvi-po-razlichnym-voprosam-duhovnoj-zhizni/32>. – Дата доступа : 17.05.2016.*

16. *Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/281618/>. – Дата доступа : 17.03.2017.*

The paper is devoted to the realization of the feeling of envy in Russian interpersonal communication. In the paper verbal and non-verbal means of this realization are considered. It deals with pragmatic peculiarities of these verbal and non-verbal means.

Поступила в редакцию 28.12.17

А. С. Чекулаева

АКТИВНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЯДРА И ПЕРИФЕРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

(на примере цветолексем *белый* и 白 ‘белый’ в русском и китайском языках)

Статья посвящена исследованию активности семантического ядра и периферии цветолексем в роли модификатора и актуализатора на примере знаков *белый* и 白 ‘белый’ в русском и китайском языках. *Данные цветолексемы проявляют активность на уровне семантического ядра в роли актуализатора и модификатора, на уровне семантической периферии – в роли модификатора.* На данном этапе исследования были выявлены следующие модели знакообразования: 1) актуализатор *индивид* + модификатор *цвет*; 2) актуализатор *постоянный признак (свойство) индивида* + модификатор *цвет*; 3) актуализатор *переменный признак (действие по смене цвета) индивида* + модификатор *цвет*.

Методологическая база: труды Я. Розвадовского [1], А. В. Исаченко [2], В. В. Мартынова [3], А. Н. Гордея [4], теория о семантическом ядре и периферии К. Пайка [5].

Цель – анализ активности семантического ядра и периферии цветолексем.

Задачи: проанализировать активность семантического ядра и периферии в роли модификатора и актуализатора на примере цветолексем *белый* и 白 ‘белый’ в русском и китайском языках; выявить знакообразовательные модели как результат активности семантического ядра и периферии в роли модификатора цветолексем *белый* и 白 ‘белый’ в русском и китайском языках.

Методы: анализ словарных дефиниций, рекурсивный анализ.

Материал: цветолексем *белый*, 白 ‘белый’, а также образованные с их участием номинативные единицы, отобранные методом случайной выборки из словарей русского и китайского языков [6–11].

Объект: семантика языковых знаков *белый* в русском и 白 ‘белый’ в китайском языках, *предмет:* активность в роли *актуализатора* и в роли *модификатора* семантического ядра и семантической периферии вышеуказанных цветолексем.

Исследование способности цветолексем выступить прототипом¹ в процессе порождения номинативных единиц позволяет определить степень активности, которая проявляется в двух аспектах: цветолексема может проявлять себя либо в роли *актуализатора*, либо в роли *модификатора*². При этом цветолексема проявляет активность как на уровне ядерной семантики, так и на уровне семантической периферии.

В результате активности *семантического ядра* в роли *актуализатора* образуются лексические единицы, в аспекте содержания которых имеется стереотип определенного оттенка или степени интенсивности цветолексем-прототипа. Таким образом, цветолексема выступает в роли гиперонима и формирует множество формально-иерархически³ подчиненных ей гипонимов. Результаты нашего исследования показали, что не все цветолексем проявляют одинаковую активность семантического ядра в роли актуализатора⁴, наибольшая активность отмечена у цветолексем *белый* в русском и 白 ‘белый’ в китайском языках.

Данный процесс в большей степени типичен для китайского языка, что обусловлено особенностями строения языковой системы: языковой знак в меньшей степени подвержен диахроническим изменениям, следовательно, проще сохраняет свою исходную или схожую с ней форму. Особенностью системы цветолексем китайского языка является участие в роли актуали-

---

¹ Прототипом китайской цветолексем 皓 ‘белый, ясный’ выступает иероглифический ключ-цветолексема 白 ‘белый’ [11, с. 487].

² Языковой знак, реализованный в речи на конкретном материальном носителе (звуковой волны (для устной речи), черты (для письменной речи), нейронной сети (для «внутренней речи»)), превращается в свой комбинаторный вариант знака. «Устойчивая последовательность комбинаторных вариантов знаков, в которой один вариант знака (модификатор) определяет другой (актуализатор)» [4, с. 33], образует центральный элемент лексической подсистемы языка – номинативную единицу, при этом слово рассматривается в качестве свернутой номинативной единицы: *голуб-ика* = ‘голубая ягода’; *черн-ика* = ‘черная ягода’. Для любой номинативной единицы характерна бинарная структура: определяющее (модификатор) + определяемое (актуализатор). Актуализатор обладает интегральным признаком; модификатор обладает дифференциальным признаком. В процессе свертки двухкомпонентной единицы происходит два типа преобразований: 1) в пользу модификатора с сохранением корня модификатора, причем модифицируемый элемент преобразуется в суффикс (*старый человек* > *старик*); 2) в пользу модифицируемого элемента с сохранением корня модифицируемого элемента, причем модификатор преобразуется в аффикс (*маленький стол* > *столик*) [3, с. 130–134].

³ То есть как на уровне аспекта содержания, так и на уровне аспекта выражения: *белый* – *беленький*.

⁴ Знакообразовательная активность цветолексем-гиперонимов китайского языка более подробно описана в статье автора «Цветовая семантика иероглифических ключей китайского языка» [12].

затора унарной цветолексема 白 ‘белый’, одновременно являющейся иероглифическим ключом, в образовании сложных логограмм, в аспекте содержания которых имеется стереотип *цвет* [12, с. 101–102]. Следует отметить, что цветолексема 白 ‘белый’, стереотип в аспекте содержания которой относится к ахроматическим цветам, обладает широким синтагматическим потенциалом, образуя целый ряд специфических терминов белого цвета, отличающихся незначительными оттенками.

Приведем примеры цветолексем, входящих в гиперо-гипонимическое множество цветолексема 白 ‘белый’, которая одновременно является иероглифическим ключом и, как следствие, актуализатором [10; 11]: 皑 ‘белоснежный, белый; чистый’ (皑如山上雪 ‘белый, словно снег в горах’); 皦 ‘белый; ясный, блестящий; кристально чистый’ (皦日 ‘яркое солнце’); 皓 ‘белый, ясный’ (皓月 ‘ясная луна’), а также ‘седой’ (皓首 ‘седая голова’, образно в значении ‘старец’); 皤 ‘белый; ясный светлый’ (皤天 ‘великое небо, небеса’; 皤月 ‘ясный месяц’); 皙 ‘белый’ (преимущественно о коже человека: 皙白 ‘белолицый, белокожий’); 皤 ‘белый, седой’ (преимущественно о волосах человека: 皤翁 ‘седовласый старец’); 皤 ‘белый, чистый’; 皤 ‘бледно-белый’; 皤 ‘белый, чистый’; 皤 ‘белый’, а также 皤 ‘белый, чистый’¹; 皤 ‘белый; выцветший’ (鸟皤色而沙鸣 ‘птица с выцветшими перьями и хриплым криком’); 皎 ‘белый, яркий’ (皎月 ‘яркая луна’); 晶 ‘ясный, чистый’ (天晶无云 ‘небо чистое, безоблачное’).

В русском языке на современном этапе развития языковой системы немногие цветолексеммы имеют образованные от них знаки, в аспекте выражения которых содержится отсылка к цветолексема-прототипу². Однако мы находим подтверждения активности семантического ядра в роли актуализатора и образование специфических оттенков (*белесый*) или указание на отличие в насыщенности цвета (*беловатый*), а также проявления экстенсификации знака³ (*белый-белый*), что, как правило, в большей степени характерно для устной речи. Примером может служить участие цветолексема *белый* в роли актуализатора в образовании цветолексем *беленький*, *беловатый*, *белесый*, *белехонький*, *белешенький*, *белявый*, *белесоватый*, *белузоватый* [7, т. 1, с. 132], реконструкция модификатора которых требует диахронического исследования. Вышеуказанные свернутые номинативные единицы обозначают оттенки белого цвета, его насыщенность, интенсивность или стилистическую окраску.

¹ Судя по фонетико-семантическому элементу в правой части данных иероглифов, эти знаки имеют отношение к цвету оперения птицы.

² В расчет принимаются унарные знаки, в двухкомпонентной структуре которых цветолексема-прототип выступает в роли актуализатора, а не цветолексема-композицы, типа *бело-черный*.

³ Подробнее о явлении экстенсификации см. [13, с. 4–5].

Цветолексема в ядерном значении также может выступать в роли модификатора, результатом чего является возникновение новой номинативной единицы. В основе процесса знакообразования лежат синтагматические связи цветолексем как элементов предметной области *цвет*, с элементами других предметных областей¹. В результате синтагматической активности семантического ядра языкового знака возникают лексические единицы, обозначающие новые реалии.

Многие цветолексеммы могут иметь условно неограниченную комбинаторику. Только некоторые сочетания номинативных единиц в результате активной репродуктивности переходят в разряд номинативных единиц²: сравним сочетания номинативных единиц *белая кошка*, *белый заяц* и *белый медведь*. В результате семантической конденсации (термин А. В. Исаченко [16, с. 340]) двухкомпонентная номинативная единица может быть преобразована в однокомпонентную (что, возможно, является следствием определенной релевантности в сознании носителя языка): *белый заяц* – *беляк*³, или остаться двухкомпонентной: *белый медведь*⁴ [3, с. 133]. Таким образом, «любое образование новой лексеммы протекает по общему принципу развития от двухкомпонентности к однокомпонентности» [Там же, с. 134], при этом номинативная единица в зависимости от степени семантической конденсации может быть развернутой (*белый медведь*) или свернутой (*беляк*)⁵.

В результате анализа активности семантического ядра цветолексем в роли модификатора нами были выявлены следующие модели знакообразования.

1. Актуализатор *индивид* + модификатор *цвет*

В данной модели актуализатором выступает предмет или явление, в результате соединения с модификатором *цвет* могут образовываться номинативные единицы, в аспекте содержания которых имеются следующие стереотипы: животное (*беляк*, *белый медведь*; 白鸚 ‘какаду’), растение (*белая акация*; 白菜 ‘пекинская капуста’), часть куриного яйца (*белок*; 蛋白 ‘белок’), спиртной напиток (*белое вино*; 白酒 ‘китайская водка’) и т.п. В некоторых случаях можно говорить о стертом актуализаторе, например: *белые*, как обозначение шахматных фигур.

2. Актуализатор *постоянный признак индивида (свойство)* + модификатор *цвет*

---

¹ Подробнее о способах знакообразования см. [14].

² Отличие сочетания от номинативной единицы см. [15, с. 227].

³ Устойчивое сочетание номинативных единиц *белый заяц* в результате процесса семантической конденсации превратилось в свернутую номинативную единицу *беляк*.

⁴ Свертки номинативной единицы не произошло, вероятно, по причине того, что *белый медведь* как фрагмент модели мира не является релевантным для носителей русского языка, так как не встречается в естественной природе в данном регионе.

⁵ Принятая в комбинаторной семантике парадигма частей языка подробно описана в статье А. Н. Гордея «О комбинаторике числовых знаков в китайском языке» [17, с. 12].

Актуализатором в данной модели выступает постоянный признак индивида (т.е. цветовое свойство какого-либо предмета/явления/существа). Например, в русском языке: *белизна* – белый цвет чего-либо в выражениях: *блистать, сверкать, сиять белизной* [8, с. 386]; *белость* – белый цвет чего-либо [Там же]. Примечательно, что большинство цветолексем обозначения цветового свойства предмета не имеют.

3. Актуализатор *переменный признак (действие по смене цвета) индивида* + модификатор *цвет*

Актуализатором в данной модели выступает переменный признак индивида (действие по смене цвета). В русском языке отдельные цветолексемы выступают в роли модификатора языковых единиц, выражающих стереотип *смена цвета предмета*: *чернеть, белеть, краснеть, синеть, голубеть, желтеть, зеленеть, сереть, алеть*, которые могут иметь несколько значений. Например, *белеть* 1) выделяться своею белизной; 2) становиться белым, приобретать белизну; 3) белеть, рассветать [Там же]. В данном случае актуализатором является *быть, становиться, виднеться какого либо цвета*, цветолексема *белый* выступает в роли модификатора. Возможны также варианты с актуализатором *покрывать поверхность каким-либо цветом*: *белить* от *белый* (также как от *черный (чернить), синий (синить), голубой (голубить), зеленый (зеленить), желтый (желтить)*). Большинство цветолексем русского языка не имеет образованной при их участии свернутой номинативной единицы, в аспекте содержания которой имеется стереотип *переходность цвета*. Поэтому стереотип *изменение цвета* может быть выражен исключительно при помощи сочетания номинативных единиц *стать + какого-то цвета*, например: *стать фиолетовым*, либо *делать + какого-то цвета*, например: *красить оранжевым*.

Кроме того, номинативные единицы, в аспекте содержания которых имеется стереотип *стать какого-либо цвета*, могут в результате специфического употребления приобретать семантическую периферию: *побелеть от страха, почернеть от горя, посинеть от холода, позеленеть от зависти, порозоветь от смущения, пожелтеть от болезни, покраснеть от злости, побагроветь от гнева*.

У отдельных цветолексем в процессе длительного функционирования в системе естественного языка может появляться периферийная семантика, передаваемая при помощи номинативных единиц. Например, номинативные единицы *красная армия/红军* ‘красная армия’ и *белая армия/白匪* ‘белобандит, белогвардеец’ содержат модификаторы *красный 红* и *белый 白*, указывающие на то, к какой политической партии принадлежат представители вышеуказанных формирований. Результатом синтагматической активности в случае специфического употребления является возникновение новых лексических единиц. Цветолексема-прототип, как и в случае активности ядра, выступает в роли модификатора.

Приведенные ниже примеры демонстрируют активность русской и китайской цветолексем в роли модификатора при специфической комбинаторике.

Русская цветолексема *белый*:

белое духовенство (в отличие от *черного* – монашествующего); *белая изба* (где печь с трубой, в отличие от *черной*); *белая половина* (горница, чистая половина); *белый двор* (чистый, покрытый, без травы); *белошвейка* (чистая швея, не портниха); *белая кухарка* (не стряпуха, а мастерица, готовившая на господ); *белое оружие* (холодное, рукопашное, не огневое); *белая горячка* (временное, внезапное помешательство); *белая барыня* (приветливое обращение к покупательнице); *белые штаны* (чин генерала); *белые стихи* (стихи без рифмы, мерные строки) [7, т. 1, с. 131–136]; *белобилетник* (человек, освобожденный от военной службы в связи с состоянием здоровья и имеющий соответствующее свидетельство (первоначально так называемый белый билет)); *белогвардеец* (в годы гражданской войны: член белой гвардии); *белоэмигрант* (эмигрант из России в первые годы после революции (1917–1920)) [9, с. 38–39].

Китайская цветолексема 白 ‘белый’ [6, с. 598–603]:

白屋人家 ‘человек из домишка с белыми стенами; бедняк, простолюдин’¹; 白石道人 ‘даосы с белых скал’ (образно об овцах); 白事 ‘похороны; траур’; 白云苍狗 ‘то тучки белые плывут, то вдруг как сизые собаки’ (образно о быстрой смене обстановки, неожиданных переменах); 白燕 ‘белая ласточка’ (образно о счастливой примете); 白兔 ‘заяц-беляк’ (образно о луне); 白龙鱼服 ‘белый дракон в обличье рыбы’ (образно в значении: а) назвавшись груздем, полезай в кузов; по притче о белом драконе, принявшем обличье рыбы; рыбак стрелял в него, на что дракон пожаловался верховному владыке; последний оправдал рыбака; б) инкогнито, о большом человеке); 白面皮 ‘рассердиться, вспылить’.

Таким образом, материал исследования на данном этапе показал, что цветолексема *белый* в русском и 白 ‘белый’ в китайском языках проявляют активность на уровне семантического ядра в роли актуализатора и модификатора, на уровне периферии – в роли модификатора. Возникшая в результате данной активности двухкомпонентная номинативная единица в дальнейшем может быть преобразована в однокомпонентную или остаться двухкомпонентной. В результате анализа активности семантического ядра в роли модификатора в русском и китайском языках были выявлены следующие модели знакообразования: 1) актуализатор *индивид* + модификатор *цвет*; 2) актуализатор *постоянный признак (свойство) индивида* + модификатор *цвет*; 3) актуализатор *переменный признак (действие по смене цвета) индивида* + модификатор *цвет*.

Такого рода активность в роли актуализатора и модификатора могут проявлять только отдельные цветолексемы, отличающиеся частотностью употребления (репродуктивностью), длительной историей развития, легко

---

¹ «В старом Китае народу разрешалось окрашивать стены дома только в белый цвет» [6, т. 2, с. 598].

образующие новые синтагматические связи (в том числе при специфической комбинаторике) с элементами других предметных областей. В целом данная особенность открывает большие возможности в сфере изучения базовых цветолексем, поскольку, проследив продуктивность языковых единиц со значением цвета можно сделать вывод о степени их адаптированности, а следовательно, и о базовости в лексической системе естественного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rozwadowski, J.* Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Т. 3 : Językoznawstwo ogólne. – Warszawa, 1960. – S. 21–95.
2. *Исаченко, А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // *Slavia*. – Praha, 1958. – Roč. XXVI, seš. 3. – С. 334–352.
3. *Мартынов, В. В.* Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.
4. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : БГУ, 1998. – 156 с.
5. *Pike, K.* Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Hague – Paris : Mouton, 1967. – 762 p.
6. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983–1984. – Т. 4.
7. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль – М. : РИПОЛ классик, 2006. – Т. 4.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев (глав. ред.) [и др.]. – М. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965. – Т. 17.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2011. – 1175 с.
10. 古代汉语词典. –北京: 商务印书馆, 2010. – 2087页. (Словарь древнего китайского языка. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2010. – 2087 с.)
11. 现代汉语学习词典. –北京: 商务印书馆, 2010. – 1740页. (Учебный словарь современного китайского языка. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2010. – 1740 с.)
12. *Чекулаева, А. С.* Цветовая семантика иероглифических ключей китайского языка / А. С. Чекулаева // Вести Белорус. гос. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогика. Психология. Филология. – 2016. – № 4. – С. 99–103.
13. *Руденко, Н. И.* Языковые категории интенсивности и экстенсивности (на примере китайского языка) / Н. И. Руденко. – Минск : РИВШ, 2010. – 178 с.
14. *Чекулаева, А. С.* Способы образования цветолексем в русском и китайском языках / А. С. Чекулаева // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 5 (90). – С. 33–41.

15. *Гордей, А. Н.* Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире : материалы IV респ. науч. конф., Минск, 28 сент. 2005 г. / Респ. ин-т высш. шк. ; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск, 2005. – С. 226–229.

16. *Исаченко, А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // *Slavia*. – Praha, 1958. – Roč. XXVI, seš. 3. – С. 334–352.

17. *Гордей, А. Н.* О комбинаторике числовых знаков в китайском языке / А. Н. Гордей // Научные чтения, посвященные В. В. Мартынову : сб. науч. тр. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2015. – Вып. 2. – С. 12–14.

The article is devoted to the study of the activity of the semantic core and periphery of the colour lexemes as a modifier and an actualizer using the example of *white* and 白 'white' in Russian and Chinese. Such activity in the role of an actualizer and a modifier can be manifested only by individual colour lexemes, characterized by frequency of use (reproductivity), a long history of development, easily forming new syntagmatic links (including specific combinatorics) with elements of other subject areas.

Поступила в редакцию 11.01.18

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. М. Басовец

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ДЕАВТОРИЗАЦИИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ

(на материале англоязычных публицистических текстов)

Данная статья посвящена критериям определения степени деавторизации высказывания, реализуемой в конструкциях деавторизации, которые употребляются в англоязычной публицистике. Одним из критериев является выраженность/невыраженность субъекта конструкции деавторизации в структуре предложения. В конструкциях с устраненным (подразумеваемым) субъектом фиксируется максимальная степень деавторизации. Для конструкций с вербально выраженным субъектом степень деавторизации варьируется в зависимости от двух критериев: а) семантики субъекта и б) наличия/отсутствия распространителей. Минимальная степень деавторизации наблюдается в конструкциях с субъектом с семантикой обобщенности, употребленным с распространителями.

Целью данной статьи является определение критериев степени деавторизации высказывания в публицистических текстах на английском языке. Реализация указанной цели потребовала решения следующих *задач*: 1) установление критериев степени деавторизации высказывания в английском языке; 2) выявление ранжирования степени деавторизации в зависимости от определяющих критериев в публицистике; 3) выявление взаимосвязи между повышением/понижением степени деавторизации и референциальными характеристиками субъекта в конструкциях деавторизации.

В лингвистической литературе уже подробно рассматривались понятия *деавторизация высказывания, конструкции деавторизации и степень деавторизации высказывания* [1]. Напомним лишь то, что они тесно связаны со способом передачи информации, когда сведения сообщаются от имени некоторого субъекта – источника информации. При этом такой источник информации должен обладать определенными характеристиками, чтобы квалифицироваться как субъект конструкций деавторизации, а именно а) быть нереферентным (т.е. неидентифицируемым или частично идентифицируемым читателем); б) принадлежать к одной из четырех семантических разновидностей – быть субъектом речи, мысли, оценки или восприятия¹; в) быть вербально выраженным или не выраженным, но подразумеваемым источником информации.

Логично предположить, что, если субъект конструкции деавторизации частично идентифицируем адресантом, т.е. читатель способен соотнести такой субъект с некоторыми представителями какой-либо группы или класса,

---

¹ Принадлежность к той или иной семантической разновидности устанавливается на основе специальных маркеров, подробно рассмотренных в [1, с. 32–41].

то степень деавторизации в конструкциях такого типа будет ниже, чем в конструкциях, в которых субъект не может быть идентифицируемым как представитель какой-либо группы. Иными словами, степень деавторизации в анализируемых конструкциях разная, она может повышаться или понижаться в разных типах конструкций. Сравним:

Experts say that staff and former staff in a number of Carillion group company pension schemes ... face haircuts averaging about 15 per cent ‘**Эксперты говорят**, что работающие и бывшие сотрудники в некоторых программах пенсионного обеспечения группы компаний «Кариллион» ... сталкиваются с сокращениями, составляющими в среднем приблизительно 15 процентов’ (здесь и далее перевод наш. – И. Б.) (The Times. 2018, Jan. 15);

The Status-6 drone... has been rumoured to be in existence since 2016 ‘**Ходят слухи**, что беспилотник «Статус-6»... существует с 2016 года’ (Daily Mail. 2018, Jan. 15).

В первом случае читатель может соотнести источник информации с представителями группы «эксперты», во втором случае идентификация субъекта невозможна, поскольку в предложении не сказано, кто распространяет «слухи». В первом случае круг потенциальных референтов ограничен экспертами, во втором – безгранично широк. Круг потенциальных референтов может сужаться, если в конструкции деавторизации есть указание на некоторое ограничение, выраженное детерминантом. Так, к примеру, группа экспертов может быть сужена до «экспертов по безопасности»:

Security experts say US attempt to link terror and immigration ‘skews the data’ ‘**Эксперты по безопасности говорят**, что попытка США связать террор и иммиграцию «искажает данные»’ (The Guardian. 2018, Jan. 18).

При этом субъект конструкции деавторизации остается неидентифицируемым читателем, но ширина охвата потенциальных референтов меньше.

Именно эти два показателя и определяют **степень деавторизации высказывания**: 1) неидентифицируемость или частичная идентифицируемость субъекта конструкции деавторизации читателем как представителя группы/класса; 2) разная ширина круга потенциальных референтов, соотносимых с субъектом конструкции деавторизации. При этом во всех разновидностях конструкций деавторизации действует следующая закономерность: чем шире круг потенциальных референтов, тем выше степень деавторизации.

Рассмотрим, как варьируется степень деавторизации на конкретных примерах в зависимости от того, каким образом представлен субъект в конструкциях деавторизации. Сравним конструкции деавторизации, начиная с показателя устраненность – выраженность субъекта.

Очевидно, что конструкции деавторизации с устраненным субъектом (т.е. конструкции, в которых субъект вербально не выражен, но подразумевается) реализуют наиболее высокую степень деавторизации по сравнению со всеми другими типами рассматриваемых конструкций, поскольку в них не

содержится ни прямого, ни косвенного указания на круг потенциальных референтов или количество его представителей, а значит, возможность идентификации субъекта в них полностью отсутствует. Например:

The submarine is reported to have a range of up to 6,200 miles... ‘Дальность действия подводной лодки, **как сообщают**, составляет до 6 200 миль...’ (Daily Mail. 2018, Jan. 15);

It is now estimated the Yongbyon plant has developed up to 60 nuclear weapons ‘На данный момент **оценивается**, что завод Йонбене произвел до 60 атомных бомб’ (Daily Mail. 2018, Jan. 15).

В отличие от устраненного субъекта у эксплицитного субъекта степень деавторизации ниже и зависит от двух критериев: 1) семантики лексических единиц, выражающих субъект конструкций деавторизации; 2) его употребления – автономного или в сочетании с распространителями.

Если для выражения субъекта конструкции деавторизации используются неопределенные местоимения и сочетания неопределенного местоимения и существительного (существительное с неопределенным артиклем), такие конструкции деавторизации с субъектом с семантикой неизвестности реализуют очень высокую степень деавторизации ввиду невозможности идентификации читателем:

“There are no real negotiations going on with the Democrats...” one source familiar with the talks said ‘«Никаких реальных переговоров с демократами не проводится...», – **сказал один источник, знакомый с переговорами**’ (The Guardian. 2018, Jan. 11);

According to one source, requirements for his briefing notes have changed significantly in recent months ‘**Согласно одному источнику** в последние месяцы требования к его аналитическим запискам значительно изменились’ (The Guardian. 2014, Aug. 29);

One government official, in a private conversation, recently ranted about the west’s interference in Russia ‘**Один государственный чиновник**, в частном разговоре, недавно **высказывал возмущение** в отношении вмешательства запада в дела России’ (The Guardian. 2014, Aug. 29).

В случае экспликации субъекта конструкции деавторизации посредством сочетания неопределенного местоимения и существительного степень деавторизации естественным образом оказывается ниже, чем при автономном употреблении неопределенного местоимения в позиции субъекта. Сравним:

Some say buy-to-let is dead... ‘**Некоторые говорят**, что бизнес по покупке недвижимости для сдачи в аренду мертв...’ (The Telegraph. 2017, Jan. 28);

But some economists said the bill would most likely be better for the middle class on average than the House bill ‘**Но некоторые экономисты заявили**, что данный законопроект скорее всего будет лучше для среднего класса в целом, чем законопроект Палаты представителей’ (The New York Times. 2017, Nov. 9).

Степень деавторизации в таких случаях ниже по критерию степени охвата возможных референтов, т.е. их количественной ограниченности («некоторые экономисты заявили»), в то время как в случае с автономным употреблением субъекта конструкций деавторизации круг потенциальных референтов неопределенно широк («некоторые говорят»).

Если для номинации субъекта конструкций деавторизации используются местоимения (местоименные прилагательные) в обобщенно-собирательном значении, то степень деавторизации оказывается ниже, чем в случае с неопределенными местоимениями, что обусловлено семантикой данных единиц. Кроме того, различия в семантике таких единиц в составе рассматриваемых конструкций имеет непосредственное отношение к степени деавторизации внутри самой группы. Так, конструкции деавторизации с местоимениями *all* ‘все’, *everybody* ‘каждый’, *anybody* ‘всякий’, *everyone* ‘каждый’, *anyone* ‘любой’ в английском языке, которые имеют значение всеобщности, реализуют более высокую степень деавторизации по сравнению с конструкциями деавторизации, которые содержат субъект со значением множественности, выраженный местоимениями (местоименными прилагательными) *many* ‘многие’, *more* ‘все больше’, *most* ‘большинство’, *plenty* ‘многие’, *others* ‘другие’, *few* ‘мало’. Такие единицы не соотносятся с определенным субъектом и имеют нереферентный статус [2, с. 53]. Сравним:

Many argue that the hormones in water are negligible... ‘**Многие утверждают**, что содержание гормонов в воде ничтожно мало...’ (Daily Mail. 2018, Jan. 15);

Most analysts agreed that the tax bill would cut taxes for the middle class on average ‘**Большинство аналитиков сошлись во мнении**, что законопроект о налогах уменьшит налоги для среднего класса в целом’ (The New York Times. 2017, Nov. 9);

Very few people have a real idea of just how far Russia’s armed intervention in Ukraine will go ‘**Очень мало людей реально осознают**, как далеко зайдет вооруженное вмешательство России в Украину’ (Daily Telegraph. 2014, Sept. 5).

Как видно из приведенных выше примеров, тенденция снижения степени деавторизации сохраняется при употреблении субъекта конструкции совместного с распространителями. В случае автономного употребления указанных местоимений (местоименных прилагательных) в качестве субъекта анализируемых конструкций степень деавторизации очень высокая, поскольку круг потенциальных референтов очень широк. Если в позиции субъекта конструкции деавторизации употребляются местоимения (местоименные прилагательные) в сочетании с существительными в обобщенно-собирательном значении, то реализуется меньшая степень деавторизации по сравнению с автономным употреблением, поскольку круг предполагаемых референтов ограничивается представителями группы, класса.

Наименьшую степень деавторизации по сравнению со всеми рассмотренными выше случаями реализуют конструкции с обобщенно-собирательными существительными в качестве субъекта, которые позволяют читателю соотнести потенциальных референтов с определенной группой или классом. При этом среди конструкций данного типа варьирование степени деавторизации зависит от автономного или неавтономного употребления субъекта. Сравним:

The threat to traditional lotteries posed by controversial disrupter Lottoland is “dissipating”, analysts now believe ‘Угроза традиционным лотереям со стороны противоречивой компании-новатора Лоттолэнд «рассеивается», **считают** теперь **аналитики**’ (The Guardian. 2018, Jan. 2);

That, legal analysts say, provides a plausible case that the president obstructed justice ‘**Это, говорят юристы-аналитики**, является веским доказательством того, что президент препятствовал правосудию’ (The Washington Post. 2017, May 16).

Как видно из приведенных выше примеров, при самостоятельном употреблении существительных в позиции субъекта рассматриваемых конструкций («аналитики») степень деавторизации выше, чем в случае, когда обобщенный субъект характеризуют различные распространители («юристы-аналитики»). В качестве распространителей в исследуемых текстах используются прилагательные, существительные в родительном падеже или определительные придаточные предложения, которые хоть и не способствуют точному определению субъекта, однако в некоторой степени ограничивают круг потенциальных референтов и следовательно снижают степень деавторизации.

Однако иногда в публицистических текстах используются определители, которые не способствуют снижению степени деавторизации в анализируемых конструкциях. К ним относится ограниченный набор слов «с диффузной семантикой» [3, с. 214] таких, как *countless* ‘многочисленные’, *multiple* ‘многочисленные’, *different* ‘разные’, *various* ‘различные’. Данные единицы, употребленные совместно с существительными в обобщенно-собирательном значении, не только не способствуют сужению круга потенциальных референтов, но и «размывают смысловое содержание» [Там же] и границы референтной группы:

Multiple legal analysts and critics of the president said Trump’s remark was the clearest indication so far that he has tried to obstruct the various inquiries into possible collusion between Moscow and his presidential campaign... ‘**Многочисленные юристы-аналитики и критики президента** сказали, что комментарий Трампа до сих пор оставался самым четким признаком его попыток препятствовать различным расследованиям возможной тайной связи между Москвой и его президентской кампанией...’ (The Guardian. 2017, Dec. 3).

Таким образом, степень деавторизации (т.е. невозможность или возможность частичной идентификации читателем субъекта конструкции деавторизации, а также ширина круга потенциальных референтов) в рассматриваемых конструкциях разная и обусловлена референциальными характеристиками

субъекта исследуемых конструкций. Максимальную степень деавторизации в англоязычных публицистических текстах реализуют конструкции деавторизации с устраненным субъектом (*it is reported*). Для остальных конструкций деавторизации она варьируется в зависимости от двух факторов: 1) семантики субъекта конструкции деавторизации и 2) его употребления (совместно с распространителями или без них). В частности, в конструкциях деавторизации, в которых представлен субъект с семантикой неизвестности (*some believe*), степень деавторизации максимальная (так как возможность идентификации субъекта полностью отсутствует); в конструкциях деавторизации с субъектом с семантикой всеобщности (*all believe*) степень деавторизации ниже, чем в предыдущем случае, но выше, чем в конструкциях деавторизации с субъектом с семантикой множественности (*many believe*), так как у субъекта с семантикой всеобщности круг потенциальных референтов шире, а значит, и степень деавторизации выше, чем у субъекта с семантикой множественности. При автономном употреблении лексической единицы в качестве субъекта анализируемой конструкции степень деавторизации более высокая по сравнению с употреблением в составе различных сочетаний (кроме случаев совместного употребления существительных в обобщенно-собирательном и метонимичном значении с определителями с диффузной семантикой *countless* 'многочисленные', *multiple* 'многочисленные', *different* 'разные', *various* 'различные', которые не способствуют снижению степени деавторизации), т.е. языковые единицы, сужающие круг потенциальных референтов субъекта конструкции деавторизации, снижают степень деавторизации (ср.: *analysts say* – *legal analysts say*). Минимальная степень деавторизации наблюдается в конструкциях деавторизации с субъектом с семантикой обобщенности, употребленным с распространителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басовец, И. М. Языковые средства деавторизации высказывания в публицистическом и научном тексте (на материале белорусского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. М. Басовец. – Минск, 2013. – 135 л.
2. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 608 с.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал ; Ин-т языкознания Рос. акад. наук ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

The article is devoted to defining the criteria of the sentence deauthorization degree in deauthorization structures that are used in English newspaper articles. One of the criteria is the explicit/non-explicit subject of the deauthorization structure in the sentence. Structures with non-explicit (implied) subjects show the maximum deauthorization degree. In structures with verbally expressed subjects, the deauthorization degree varies depending on the two criteria: a) semantics of the subject and b) presence/absence of determiners to such subjects.

Поступила в редакцию 31.01.18

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ

Статья посвящена изучению подходов к пониманию структуры текста и возможным формам ее представления, а также роли структуры текста в решении вопросов внутрижанровой вариативности и межжанровой дифференциации.

На примере текстов в жанре академического эссе демонстрируется анализ их семантической структуры с выделением конкретных семантических компонентов (*введение, постановка проблемы, тезис, аргумент, иллюстрация, решение проблемы, тенденция, заключение*) и языковых средств актуализации данных компонентов в дискурсе. Устанавливается корреляция компонентов суперструктуры с элементами традиционной композиции текста.

Структура является одним из ключевых онтологических понятий, характеризующих деятельность человека, направленную на познание окружающей его действительности [1], и выступает в качестве глобального способа организации объекта как некой целостной данности [2, с. 56] и неотъемлемого атрибута всех материальных и концептуальных систем [1].

В лингвистике исследование текста как продукта речемыслительной деятельности проводится с целью установления механизмов репрезентации в нем восприятия мира [3], а также для выявления способов его структурирования и последующей жанровой дифференциации [4]. Это в значительной степени осложняется отсутствием общепринятого понимания лингвистического статуса текста, многообразием форм его существования и сложностью внутренней организации. В данном случае речь идет о том, считать ли текст единицей языка, речи или коммуникации; чем задаются его верхняя и нижняя границы; каков его знаковый статус; какие критерии определяют его жанровую принадлежность. Помимо этого, текст строится из единиц различных уровней языковой системы во всем многообразии связей и взаимоотношений между ними. Ввиду упомянутых причин структура текста исследуется с различных ракурсов: функционального, семиотического, коммуникативного, содержательного и т.п.

Традиция грамматики текста базируется на таком его свойстве, как членимость, т.е. возможность его деления на составные элементы, обладающие достаточной целостностью. В качестве этих элементов предлагалось рассматривать сверхфразовые единства, абзац, сложное синтаксическое целое и т.п. Такой подход, однако, не позволяет выявить структурную специфику текстов различной жанровой принадлежности, поскольку выделяемые элементы являются универсальными для любого текста, «данью описания текста как реализации языковой системы» [5, с. 58].

Изучение текста с точки зрения семантики предполагает выявление особенностей структурирования содержащихся в тексте различных типов информации [6]. В этом случае текстовая структура представляется в терминах системы денотатов, сетки денотатов, комплекса текстовых сеток,

элементарных пропозиций и т.п. Несомненным преимуществом данных теорий является возможность нелинейного представления текстовой организации наряду со всем спектром взаимоотношений между содержательными компонентами [5]. Вместе с тем отмечается, что такое представление о структуре «расходится с синтаксической организацией текста» [7, с. 125], а также в этом случае «происходит неизбежная потеря важных смысловых элементов и в конечном итоге – существенное искажение смысла» [Там же]. Помимо этого, ни структурный, ни семантический подход не рассматривают коммуникативно-прагматический аспект текста, акцентирующий внимание на отношениях автора и читателя.

В коммуникативно-прагматической структуре текста выделяются категории адресанта и адресата, репрезентированные в тексте посредством метазнаков, дейктических слов и эгоцентрических элементов, пресуппозиции и связанные диалогическими отношениями. Теория диалога, основанная на положении М. Бахтина о том, что истинная сущность текста проявляется «на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [8, с. 263], была впоследствии дополнена и перенесена на нехудожественные тексты и является сегодня одним из приоритетных направлений лингвистических исследований.

Интересной представляется концепция структуры текста Н. В. Панченко [5, с. 54–56], которая аккумулирует в себе приведенные выше подходы и рассматривает текст как языковой знак, применяя к анализу его структуры трехчастный принцип структурирования семиотики Ч. Морриса на синтактику, семантику и прагматику. При таком комплексном характере исследования автором учитываются все три типа текстовой организации: конструктивная, обусловленная свойствами членимости, связности и целостности, которая строится на синтагматической и парадигматической осях; семантическая, представляющая текст в виде единства денотативной и концептуальной структур; коммуникативно-прагматическая, конституируемая диалогизирующими фигурами автора и читателя. Взаимодействие этих типов текстовой организации «обеспечивает динамику текста, создает гибкий смыслопорождающий механизм и в конечном счете обеспечивает жизнь текста» [Там же, с. 79].

К анализу текста обращаются также и с позиций когнитивно-коммуникативного подхода к изучению языковых явлений [9]. В рамках этого подхода особый интерес представляет концепция Т. А. ван Дейка о суперструктуре. Под ней понимается схема, состоящая из семантических компонентов, характеризующих тот или иной жанр [10]. Компоненты суперструктуры носят обобщенный характер, категоризируя различные виды информации, представленной в тексте, и не передают конкретного смысла текста. Схему текста новостей Т. А. ван Дейк представляет определенным образом организованной совокупностью таких компонентов, как *эпизод*, *событие*, *обстоятельство*, *фон*, *последствия*, *оценка* и т.п. Некоторые компоненты суперструктуры являются терминальными, т.е. не разложимыми на субкомпоненты, другие же могут подвергаться дальнейшему дроблению

на субкомпоненты и выступать по отношению к ним в качестве суперкомпонентов. Так, в суперструктурной схеме новостных текстов Т. А. ван Дейка *эпизод* является суперкомпонентом по отношению к входящим в него субкомпонентам *событие* и *последствие*. *Последствие* включает в себя два терминальных компонента – *действия* и *вербальные реакции*, а в компонент *событие* входит терминальный компонент *главное событие* и компонент *фон*, который имеет свою внутреннюю разветвленную структуру [10, с. 256].

Суперструктура понимается нами не только как формальная сущность, отражающая специфику структурирования текстов определенной жанровой принадлежности, но и как носитель соответствующего прагматического значения, поскольку «сама структурно-смысловая организация текста создает конкретные предпосылки для его адекватного понимания. Практически весь текст, его параметры и элементы упорядочиваются автором текста таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, последовательно реализующуюся в акте коммуникации в соответствии с интенцией автора» [11, с. 34], т.е. структурирование текста не является случайным, а происходит в соответствии с определенными закономерностями.

В нашем исследовании, признавая знаковую природу текста, раскрывающуюся в единстве структуры, семантики и прагматики, мы понимаем под его структурой семантическую структуру, которую мы также будем называть прототипической, поскольку она является универсальной моделью жанра, т.е. его прототипом.

Использование теории суперструктур в отношении академического эссе в нашем исследовании обуславливается тем, что в рамках данного подхода структура текста рассматривается не с точки зрения формы или композиции, а с точки зрения его содержания. Это имеет существенное значение для нашего исследования, поскольку целью его является выявление структурных типов эссе, функционирующих в академическом дискурсе. Традиционная грамматика текста в данном случае не способствует достижению поставленной цели, поскольку все типы академического эссе характеризуются преимущественной композиционной однородностью.

Содержательная структура и ее компоненты выделялись нами в процессе логико-семантического анализа с опорой на языковые средства, характерные для передачи определенного типа информации, являющейся частью общего содержания текста, т.е. с опорой на дискурсивные маркеры. Описание типовой схемы, таким образом, позволяет передать не только особенности структурирования текстов исследуемого нами жанра, но и их языковые характеристики.

На первом этапе исследования был выявлен общий перечень семантических компонентов содержательной структуры академических эссе и языковых средств их актуализации в дискурсе. В данный перечень вошли следующие компоненты: *введение, постановка проблемы, тенденция, тезис, аргумент, иллюстрация, решение проблемы и заключение*.

Функция компонента *введение* заключается в кратком описании содержания эссе, в общих словах представляется его проблематика. Данный компонент характеризуется строго фиксированным начальным положением в тексте и рядом однозначных языковых маркеров. К таким маркерам относятся имена существительные со значением графического представления количественных данных (*diagram* ‘диаграмма’, *graph* ‘график’, *chart* ‘схема’); глаголы с дескриптивным значением, используемые для обобщенной интерпретации графического представления количественных данных и цели их представления (*show, demonstrate, compare* ‘показывать’, ‘демонстрировать’, ‘сравнивать’); а также имена существительные со значением характера изменения количественных данных (*growth* ‘рост’, *change* ‘изменение’, *increase* ‘увеличение’, *reduction* ‘сокращение’). Например: *The chart compares the percentage of male and female teachers in different educational settings from nursery school to university. Significant differences between men and women are evident* ‘На графике сравнивается процентное соотношение мужчин и женщин, занятых в различных образовательных учреждениях – от детского сада до университета. Существенные различия очевидны’ (здесь и далее перевод наш. – П. Г.).

Компонент *постановка проблемы* содержит информацию об актуальности какой-либо общественной проблемы. Вербализация актуального характера того или иного социального феномена осуществляется при помощи ряда средств. Во-первых, в качестве языковых маркеров в данном случае выступают лексические единицы, выражающие связь с настоящим временем: имена прилагательные (*recent* ‘недавний’, *modern* ‘современный’) и наречия (*now* ‘сейчас’, *currently* ‘в текущий момент’, *today* ‘сегодня’). Вторую группу языковых маркеров *постановки проблемы* формируют грамматические формы времени глагола present continuous (настоящее длительное) и present perfect (настоящее совершенное), выражающие наиболее тесную связь действия с текущим моментом и свидетельствующие об актуальности происходящего. Третья группа представлена лексико-синтаксическими структурами, используемыми для передачи неоднозначности, противоречивого характера того или иного положения вещей в современном обществе. Данный эффект достигается за счет использования сложноподчиненных предложений с придаточными уступки, вводимых при помощи союзов *although, though* ‘хоть’, предлогов *despite, in spite of* ‘несмотря на’; последовательности простых предложений, связанных вводными словами и союзами в начальной позиции со значением противопоставления (*however* ‘однако’, *but* ‘но’), а также местоимениями с противоположным значением (*some – others* ‘некоторые’ – ‘другие’). Например: *One of the most significant advances in civilization is the development of modern methods of food production and preparation. Convenience foods have now become the norm in many societies. Although some people idealise traditional cooking practices and believe they will prevail indefinitely, demographic trends suggest...* ‘Одно из наиболее значимых достижений цивилизованного мира – это открытие современных методов производства и приготовления пищи. Полуфабрикаты стали сейчас нормой во многих странах.

Несмотря на то, что некоторые люди идеализируют традиционные подходы к приготовлению пищи и полагают, что данная тенденция сохранится и в будущем, демографическая ситуация свидетельствует...’.

В компоненте *тенденция* автором устанавливаются взаимосвязи между результатами количественного анализа, представленными при помощи различных графических средств – диаграмм, схем, таблиц и т.п. В дискурсе данный компонент маркируется наречиями и именами существительными со значением приблизительного количества (*approximately* ‘приблизительно’, *roughly* ‘огрубленно’, *nearly* ‘почти’, *minority* ‘меньшинство’, *majority* ‘большинство’), именами прилагательными и формами наречий со значением степени проявления признака (*the lowest, the highest, more* ‘самый низкий’, ‘самый высокий’, ‘более’): *Women held **nearly** all of the teaching posts in nursery and primary schools and **the majority** of posts in secondary schools (**approximately** 56 per cent)* ‘Женщины занимали **практически** все позиции учителей в детских садах и начальной школе, а также **большинство** позиций в средней школе (**приблизительно** 56 процентов)’.

Будучи жанром академического дискурса, эссе направлено не только на проверку умений и навыков интерпретации количественных результатов исследования в письменной форме, но также формулирования и последовательной аргументации собственной позиции автора по рассматриваемой проблеме. На уровне семантической структуры эта особенность академического эссе проявляется в таких компонентах, как *тезис*, *аргумент* и *иллюстрация*. *Тезис* представляет собой авторское утверждение обобщающего характера в отношении рассматриваемой в эссе проблемы и актуализируется в конструкциях *there are a number of reasons for believing that, it's likely/unlikely that* ‘имеется ряд оснований полагать, что’, ‘вероятно/маловероятно, что’ и/или путем отрицания точки зрения, представленной в *постановке проблемы*. Такой набор маркеров *тезиса* мы можем наблюдать в упомянутом выше эссе о современной пищевой промышленности: *Although some people idealise traditional cooking practices and believe they will prevail indefinitely, demographic trends suggest that this is **unlikely** to be the case. In fact, **there are a number of reasons for believing that** convenience foods are likely to grow in popularity.* ‘Несмотря на то, что некоторые люди идеализируют традиционные подходы к приготовлению пищи и полагают, что данная тенденция сохранится и в будущем, демографическая ситуация свидетельствует о том, что **вероятность этого не велика**. В частности, **имеется ряд оснований полагать**, что популярность полуфабрикатов возрастет’. Данный пример иллюстрирует, как в одном сложноподчиненном предложении связаны компоненты *постановка проблемы* (придаточная часть) и *тезис* (главная часть). При этом формулировка последнего завершается в следующем предложении.

Примечательно, что в академическом эссе аргументация носит не такой ярко выраженный фактуальный характер, как в научном или публицистическом дискурсе, что, по всей вероятности, связано с тем, что в академическом эссе акцент делается на проверку умений автора рассуждать. По

этой причине аргументация в текстах данного жанра является скорее логической и вербализируется при помощи местоимений и вводных слов, указывающих на порядок следования аргументов (*one* ‘один’, *another* ‘еще один’, *first* ‘первый’, *second* ‘второй’), в сочетании с ключевыми словами и конструкциями, маркирующими тезис (*reason* ‘причина’, *fact* ‘факт’, *explanation* ‘объяснение’, *it is likely/unlikely that* ‘вероятно/маловероятно, что’): ***Another reason convenience foods are likely to become more popular is the increase in the number of adults, especially women with children, who work in full-time employment*** ‘Еще одна причина, по которой рост популярности полуфабрикатов является весьма вероятным, заключается в увеличении числа людей, особенно женщин с детьми, занятых полный рабочий день’.

Важно отметить, что в изучаемых нами текстах аргументы носят компактный характер и всегда уточняются иллюстрацией, компонентом структуры, который поясняет аргумент через реальные жизненные ситуации и маркируется структурами *for example, for instance* ‘например’, *such as* ‘такой, как’. Рассмотрим пример иллюстрации аргумента, приведенного в предыдущем абзаце: ***In the UK, for example, working mothers significantly outnumber stay-at-home mothers*** ‘В Великобритании, например, количество работающих мам значительно превышает количество тех, кто находится дома с детьми’.

Семантический компонент решение проблемы содержит размышления автора о возможных путях улучшения положения вещей в какой-либо общественной сфере. Языковыми средствами актуализации данного компонента выступают словосочетания имен существительных со значением ‘решение’ и имен прилагательных с оценочным значением, передающих степень важности для автора описываемого существительного, например: *a possible consideration* ‘возможное решение’, *an alternative solution* ‘альтернативное решение’, *an effective approach* ‘эффективный подход к решению’: ***One possible approach is to regulate agricultural and industrial activity so that pollution and disruption to natural habitats is kept to a minimum*** ‘Возможным решением проблемы может стать регулирование сельскохозяйственной и промышленной деятельности с целью минимизации загрязнения и разрушения естественной среды’.

Финальную позицию в академическом эссе всегда занимает компонент заключение, представляющий собой детализированную и конкретизированную версию введения. Приведем для сравнения пример введения и заключения:

Figures 1 and 2 show economic growth and patterns of household expenditure from 1995 until 2010 ‘Графики 1 и 2 отражают экономический рост и закономерности в расходах на ведение домашнего хозяйства с 1995 по 2010 года’.

Overall, the figures suggest that economic growth has an effect on patterns of household expenditure ‘Таким образом, графики свидетельствуют о том, что экономический рост влияет на закономерности в расходах на ведение домашнего хозяйства’.

Заключение в сжатой форме дублирует значительное количество информации из *введения*, дополняя ее наиболее существенными деталями из авторских рассуждений. Маркерами данного компонента выступают вводные слова обобщающего значения (*overall* ‘таким образом’, *in brief* ‘одним словом’, *to sum up* ‘подводя итог’) и повтор лексико-синтаксических конструкций из *введения*.

На основании проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что эссе как один из продуктивных жанров англоязычного академического дискурса обладает свойственной только ему суперструктурой, выступающей в качестве жанрообразующего критерия. Суперструктура академического эссе состоит из определенного числа компонентов, коррелирующих с конвенциональными элементами композиции текста. Так, *введение* и *постановка проблемы* соответствуют вводной части композиции, тенденция, решение проблемы, тезис, аргумент и иллюстрация – основной части, а *заключение* – финальной. Однако в отличие от композиционных элементов, суперструктурные компоненты дают глубокое и четкое представление о строении текстов изучаемого жанра и их языковой специфике, отражаемой маркерами семантических компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Фак-т журналистики, 2011. – 392 с.
2. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика / З. Я. Тураева. – 3-е изд. – М. : Либроком, 2012. – 144 с.
3. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация : учеб. пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб. : Книжный Дом, 2007. – 472 с.
4. Сысоева, Т. А. Структура текстов как критерий разграничения жанров: инвариант и варианты / Т. А. Сысоева // Молодые ученые в инновационном поиске : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25 мая 2012 г. : в 2 ч. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск, 2012. – Ч. 1. – С. 173–178.
5. Теория текста : учеб. пособие / Ю. Н. Земская [и др.]. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 377 с.
6. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество : избр. тр. / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1998. – 366 с.
7. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. / М. Я. Дымарский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 326 с.
8. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 276 с.
9. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 226 с.

10. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.

11. Клеменцова, Н. Н. Смысловая структура текста и его понимание / Н. Н. Клеменцова // Текст в речевой деятельности: перевод и лингвистический анализ : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; под ред. А. А. Романова, А. М. Шахнарвича. – М., 1988. – С. 34–35.

The article deals with structural and semantic characteristics of academic essays in English. The results of the analysis help to single out the components of semantic structure of the academic essay and their language markers in discourse.

Поступила в редакцию 07.12.17

Е. Д. Долматова

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ АЛЛОФОНИЧЕСКОГО И СВОБОДНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ

В результате исследования экспериментально доказано сосуществование и взаимодействие двух видов фонетического варьирования в процессе функционирования английских шумных согласных в речи билингвов: структурно обусловленного, аллофонического и свободного, индивидуального. Установлены и описаны перцептивные признаки свободных и аллофонических вариантов реализации шумных согласных фонем в речи носителей языка. Определен набор наиболее частотных свободных вариантов в фонетической реализации согласных фонем в спонтанной речи билингвов, а также пределы вариативности согласных фонем с учетом различных условий их функционирования.

Данная статья продолжает цикл работ по проблемам субординативного билингвизма и фонетической интерференции, которые интенсивно разрабатывались на протяжении нескольких десятилетий и продолжают развиваться в настоящее время [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Изучение литературы по проблеме дает основание утверждать, что наиболее глубокое освещение получила фонетическая интерференция в просодической подсистеме [1; 2; 3; 4; 8], в то время как реализация сегментных единиц в иноязычной речи изучена в значительно меньшей степени, несмотря на общепризнанную важность как системных различий, так и различий в артикуляционно-перцептивных базах взаимодействующих языков в овладении иноязычной речью [5; 6; 7]. Большая часть исследований фонетической интерференции была направлена на установление различий между эталоном и реализациями сегментных и просодических единиц в речи носителей языка с точки зрения частотности отклонений от избранного эталона и их устойчивости относительно общего уровня владения языком и,

следовательно, этапа его изучения. При этом исследователи, как правило, подчеркивали необходимость дальнейшего изучения данной проблемы с целью определения существенности установленных различий для решения вопроса о допустимости или предпочтении того или иного варианта в речи [8; 9]. В этой связи актуальным представляется осуществление комплексного исследования, направленного на изучение свободного (индивидуального) варьирования сегментных единиц в речи носителей и неносителей языка [7].

Важно подчеркнуть, что вывод о наличии альтернативных, свободных, или индивидуальных, вариантов в произносительной норме языка может быть сделан только на основании сравнения реализаций в рамках одного и того же аллофона [10]. Иными словами, свободное варьирование может быть установлено с достаточной надежностью только при учете аллофонического. Фонетическая реализация аллофонов согласных представляет особый интерес с точки зрения дальнейшего изучения речи билингвов. При этом, естественно, необходимы конкретные экспериментальные данные о фонетической специфике реализации согласных в речи неносителей языка, с целью получения которых и предпринято настоящее экспериментально-фонетическое исследование, посвященное установлению характера вариативности в реализации английских шумных согласных фонем в связной речи билингвов с высоким уровнем владения английским языком и определению статуса выявленных модификаций с точки зрения системы современного английского консонантизма и произносительной нормы языка.

С учетом современной языковой ситуации в Беларуси материалом для исследования послужили спонтанные высказывания дикторов-билингвов (4 женщин), коренных жителей Беларуси, пользующихся русским языком в повседневном общении и свободно владеющих английским языком в качестве иностранного. Для получения записей естественной спонтанной речи им было предложено рассказать, какие английские пословицы, поговорки, идиомы они (не)знают, что они означают, в каких ситуациях они могли бы их использовать и т.д.; попадали ли они в ситуацию, когда носители языка неверно понимали какое-то выражение, и т.д. Выбор предмета разговора обусловлен тем, что для более корректного раскрытия особенностей реализации согласных в речи разных говорящих необходимо было получить высказывания, идентичные в логико-модальном и стилистическом отношении и имеющие совпадающие лексические элементы для обеспечения позиционного разнообразия всех согласных фонем. По окончании записи был получен экспериментальный материал, представляющий собой спонтанную речь билингвов, общей протяженностью звучания 90 минут.

Полученные звучащие спонтанные высказывания были зафиксированы в письменной форме со слуха и после некоторой предварительной обработки предъявлены аудиторам-фонетистам для осуществления просодической разметки, необходимой для выделения аллофонов английских шумных согласных.

Исследование проводилось методом аудитивного анализа с привлечением 5 аудиторов-фонетистов. В их задачу входило описание каждого из встретившихся в материале вариантов согласных в речи неносителей языка на основе заданного им списка возможных модификаций фонем [10, л. 43].

Согласно полученным результатам, наименее значительные перцептивные изменения в речи билингов характерны для глухих щелевых и смычно-щелевых согласных. Глухие щелевые согласные в 3 % случаев подвергаются озвончению, как правило, в интервокальной позиции. Звонкие щелевые согласные демонстрируют тенденцию к частичному оглушению (11 %) и полному оглушению (5 %). В группе смычно-щелевых согласных были зарегистрированы только частично оглушенные варианты (17 %).

Наиболее значительная вариативность характерна для смычно-взрывных согласных. По результатам аудитивного анализа в речи билингов в качестве наиболее перцептивно заметных было выделено 8 вариантов (без подразделения на аллофоны) для глухих смычно-взрывных согласных (*сильно-/средне-/слабоаспирированные, неаспирированные; аффрицированные, фрикативизированные; одноударные /озвонченные; безвзрывные*) и 7 вариантов для звонких смычно-взрывных согласных (*звонкие со слабым/сильным взрывом; частично оглушенные; полностью оглушенные; безвзрывные; аффрицированные и с неполной смычкой*).

Встречаемость названных вариантов в спонтанной речи билингов показана на рис. 1, 2. Как видно из приведенных данных, среди возможных реализаций глухих смычно-взрывных согласных доминируют варианты, имеющие полную структуру, т.е. состоящие из смычки, размыкания преграды (взрыва) и шумового (аспиративного) участка.

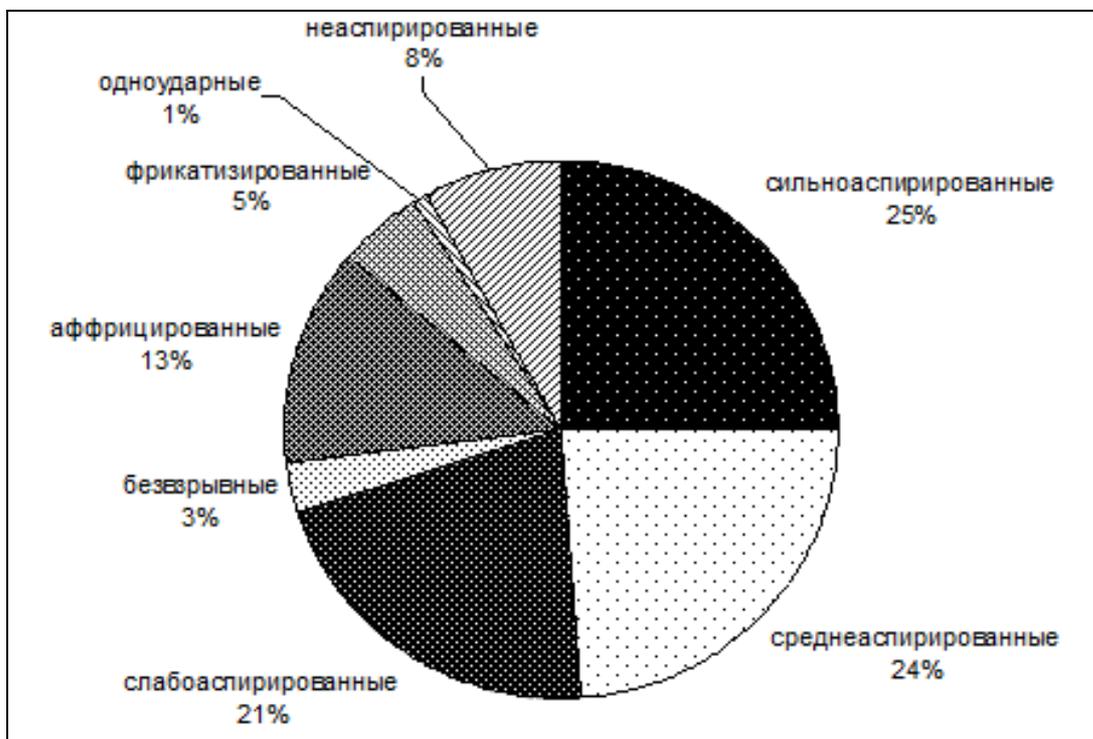

Рис. 1. Встречаемость вариантов глухих согласных в речи билингов

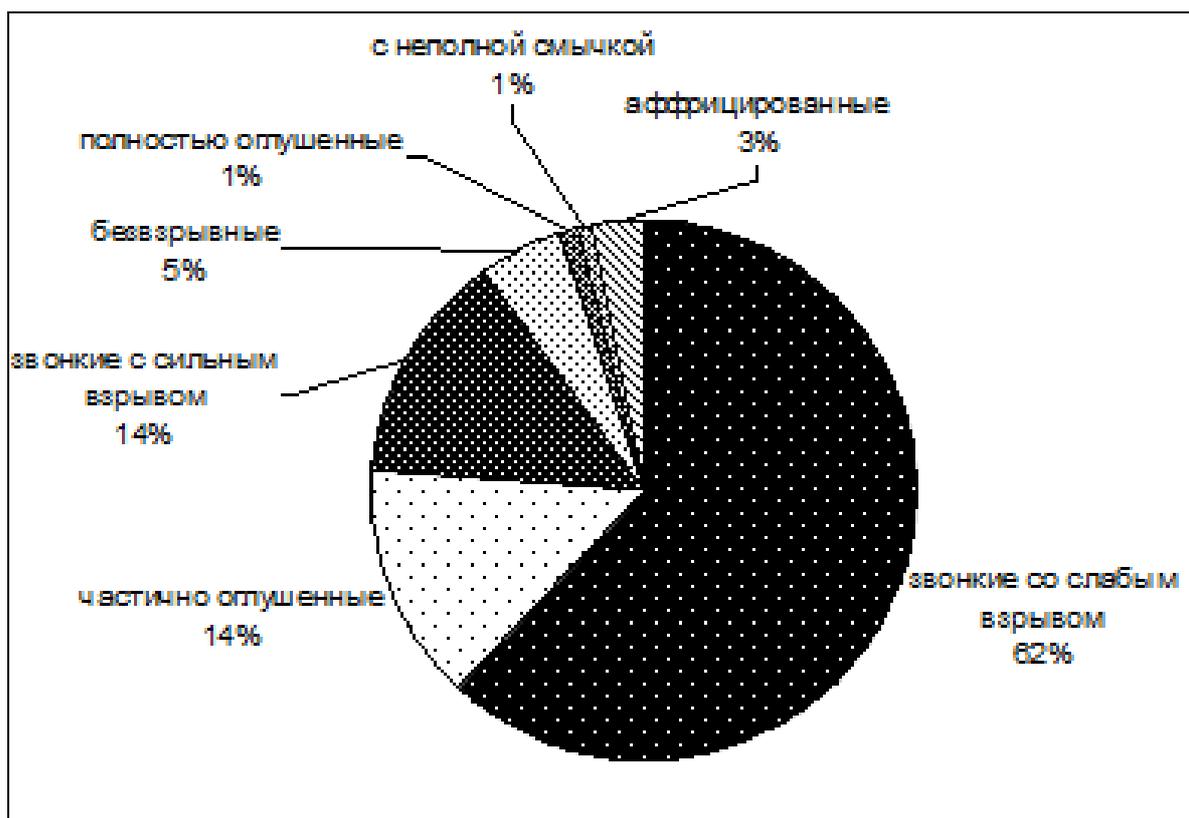

Рис. 2. Встречаемость вариантов звонких смычно-взрывных согласных в речи билингвов

С учетом различий по степени аспирации эти реализации составляют 70 %. Данные варианты различаются, однако, по степени аспирированности. Очевидно, что варианты с полной структурой ассоциируются с основными аллофонами глухих смычно-взрывных согласных [p], [t], [k]. Второй ранг по частотности (13 %) занимают аффрицированные реализации, в то время как остальные варианты глухих смычно-взрывных согласных – неаспирированные, безвзрывные, фрикатизированные и одноударные/озвонченные – все вместе составляют около 17 % (рис. 1). Среди вариантов реализаций звонких смычно-взрывных фонем (рис. 2) доминанту составляют звонкие согласные со слабым взрывом, а наименее частотными являются реализации с неполной смычкой и полностью опущенные варианты. Последние характерны для апикально-альвеолярного [d].

Более детальное рассмотрение показывает, что у билингвов распределение вариантов реализации глухих и звонких смычно-взрывных согласных внутри отдельных фонем неодинаково. Как видно из данных, приведенных в табл. 1 и 2, все выделенные варианты наблюдаются только у фонем [t] и [d], т.е. качественные различия наиболее ярко проявляются у апикально-альвеолярных согласных.

Т а б л и ц а 1

Встречаемость вариантов глухих смычно-взрывных фонем [p], [t], [k]
в речи билингвов

Вариант	Фонема					
	t		p		k	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Сильноаспирированный	39	1	6	4	13	3
Среднеаспирированный	14	3	11	3	49	1
Слабоаспирированный	5	5,5	39	1,5	38	2
Неаспирированный	1	7,5	39	1,5	–	–
Аффрицированный	25	2	–	–	–	–
Фрикатизированный	10	4	–	–	–	–
Одноударный/озвонченный	1	7,5	–	–	–	–
Безвзрывной	5	5,5	5	5	–	–

Т а б л и ц а 2

Встречаемость вариантов звонких смычно-взрывных фонем [b], [d], [g]
в речи билингвов

Вариант	Фонема					
	d		b		g	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Звонкий со слабым взрывом	40	1	82	1	75	1
Звонкий с сильным взрывом	30	2	–	–	5	4
Частично оглушенный	14	3	15	2	10	2
Полностью оглушенный	2	6.5	–	–	–	–
Безвзрывной	7	4	3	3	5	4
Аффрицированный	5	5	–	–	5	4
С неполной смычкой	2	6.5	–	–	–	–

Обращает на себя внимание значительный процент реализаций смычно-взрывных фонем [p], [t], [k] со слабой степенью аспирации или без аспирации вообще, что, по-видимому, связано с влиянием родного языка, в котором данные согласные произносятся без аспирации.

Поскольку среди всех групп согласных смычно-взрывные демонстрируют наибольшее количество вариантов реализации, данная группа согласных стала предметом специального изучения с точки зрения взаимодействия аллофонического и свободного (внутриаллофонного) варьирования в речи билингвов [10].

По результатам обсуждаемого этапа аудитивного анализа оказалось возможным выделить позиции, наиболее и наименее устойчивые к модификациям согласных в английской спонтанной речи носителей английского языка. Анализ встречаемости различных вариантов реализации смычно-взрывных фонем в идентичных позиционных условиях свидетельствует о том, что они отличаются наибольшей стабильностью в сочетании СГ

перед ударным гласным в начальной (*Too 'good to be true*) и ядерной (... *their ambition ex'ceeds their 'talents*) акцентных единицах (а.е.). В данных позициях глухие смычно-взрывные согласные реализуются как сильно- или среднеаспирированные согласные со смычкой и взрывом. В начальной а.е. перед ударным гласным билингвы чаще используют среднеаспирированный вариант. Сильная степень аспирации характерна для словоначальных согласных перед ударным гласным в ядерной а.е. В речи билингвов перед ударным гласным в начальной а.е. отмечаются неаспирированные варианты реализации глухих смычно-взрывных согласных.

Словоначальные аллофоны звонких смычно-взрывных согласных перед ударным гласным независимо от положения а.е. во фразе произносятся в подавляющем большинстве случаев без оглушения. Частичное оглушение звонких словоначальных согласных у билингвов характерно для начальной а.е.

В словоначальной позиции перед безударным гласным (*To 'let the 'cat 'out of the >bag ...*) в речи носителей языка превалируют слабоаспирированные и неаспирированные варианты. Отличительной особенностью речи билингвов является их стремление к выбору «сильных» согласных, представленных в равных долях сильно-/среднеаспирированными вариантами. В данной позиции увеличивается число случаев частичного оглушения звонких словоначальных согласных по сравнению со словоначальными согласными перед ударным гласным.

Следует также отметить, что как внутрииндивидуальное, так и межиндивидуальное варьирование словоначальных согласных, особенно в ударных слогах, выражено достаточно слабо. Можно заключить, таким образом, что инициальное положение и ударность слога устойчиво ассоциируются у билингвов с определенными качествами звука и не способствуют их модификациям.

В группе интервокальных согласных независимо от ударности/неударности предшествующего гласного, напротив, такой стабильности в реализации смычно-взрывных фонем, как в СГ, не наблюдается. Для данной позиции характерна множественность реализации глухих смычно-взрывных согласных: они допускают от 5 до 6 вариантов по сравнению со звонкими, которые представлены 1 или 4 вариантами. В позиции после безударного гласного перед ударным (*The 'proof of the 'pudding is in the 'eating*) глухие смычно-взрывные согласные в речи билингвов представлены сильно-/средне-/слабоаспирированными, неаспирированными и аффрицированными реализациями. У звонких интервокальных согласных в аналогичных позиционных условиях отмечена тенденция к аффрикатизации/фрикатизации, особенно апикально-альвеолярного [d], что может быть объяснено небрежной манерой произнесения.

Анализ показал, что в качестве ведущей тенденции для интервокальных глухих смычно-взрывных согласных выступает использование аффрицированных/фрикатизированных и слабоаспирированных вариантов после удар-

ного гласного перед безударным (... *that if 'someone has a 'repu'tation ...*) или между двумя безударными гласными (... *{ you an'ticipated.*). Особо отметим, что между двумя безударными гласными у билингвов, в отличие от носителей языка, чаще используется один вариант реализации согласного с приданием несвойственного ему оттенка в конкретном фонетическом контексте – сильноаспирированный. Одноударный (flapped) озвонченный вариант глухого смычно-взрывного согласного [t], возникающий в результате отсутствия контроля над фазами смычки и взрыва со стороны говорящего, в нашем экспериментальном материале был отмечен в речи билингвов только в позиции между двумя безударными гласными.

Звонкие интервокальные согласные, как и следовало ожидать, произносятся максимально звонко. Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от носителей языка, у которых звонкий интервокальный согласный между двумя безударными гласными представлен 4 вариантами (субаллофонами), билингвы стараются максимально использовать усвоенный аффрицированный (сильный) вариант реализации согласного.

В группе словоконечных согласных в позиции после ударного гласного в речи билингвов, в отличие от речи носителей языка, не выявлено тенденции к множественности вариантов реализации смычно-взрывных фонем. Так, например, глухие словоконечные согласные после ударного гласного в срединной акцентной единице (*Never 'put 'off un'til to,morrow ...*) у билингвов представлены одним вариантом – сильноаспирированным, в то время как носители языка в данной позиции используют 9 субаллофонов; звонкие согласные у носителей языка реализованы 6 вариантами, в то время как у билингвов – двумя. Таким образом, билингвы, по сравнению с носителями языка, в меньшей степени модифицируют артикуляторно-перцептивные качества звука в зависимости от степени связанности между смежными элементами высказывания, обусловленной, в первую очередь, семантико-синтаксическими связями последних.

Характерно, что те билингвы, которые произносят смычно-взрывной [t] как одноударный озвонченный в интервокальной позиции в слове, не используют этот же вариант согласного, как носители языка, в словоконечной позиции на стыке акцентных единиц, если последующее слово начинается с безударного гласного, как, например, в высокочастотных словосочетаниях, таких как *a sort of* ‘как бы, вроде’, *a lot of* ‘много’, когда полнозначное слово в них является слабоударным или безударным во фразе, и т.д. В данной позиции билингвы выбирают «чужой» – сильноаспирированный – аллофон, что снижает естественность их речи.

В позиции конца слова после ударного гласного в ядерной а.е. (*'Out of sight, { 'out of 'mind*) глухие смычно-взрывные согласные реализуются и как сильно-/ среднеаспирированные, и как слабоаспирированные / неаспирированные, и как безвзрывные. При этом если слово является более выделенным просодически в силу своей смысловой важности во фразе, то предпочтение в реализации конечного согласного отдается сильновзрывному варианту.

Сравнение частотности различных вариантов реализации словоконечных смычно-взрывных согласных в позиции после безударного гласного показывает, что доминанту в речи большинства билингвов составляют среднеаспирированные согласные. Следует также отметить, что словоконечные согласные в безударной поствокальной позиции (*'Don't pro`crastinate*) в большей степени подвержены замене на безвзрывные реализации. Наиболее общим основанием для использования безвзрывных аллофонов служит стремление к экономии усилий в процессе спонтанного говорения, степень проявления которого регулируется языковыми факторами, так же, как и индивидуальными произносительными предпочтениями билингвов.

В позиции абсолютного конца фразы/синтагмы независимо от ударности/неударности предшествующего гласного звонкие согласные чаще реализуются звонко со слабым взрывом. Безвзрывные варианты преобладают в словоконечной позиции после безударного гласного, частично и полностью оглушенные варианты – в позиции после ударного гласного в ядерной акцентной единице.

Вышеуказанные особенности варьирования английских смычно-взрывных согласных в спонтанной речи билингвов отражены в табл. 3, 4, 5, 6.

Т а б л и ц а 3

Встречаемость вариантов глухих смычно-взрывных согласных в различных позиционных условиях реализации в речи билингвов, %

Перцептивный вариант	Позиционное условие реализации фонемы											
	начальная позиция в слове (Cɹ)			интервокальная позиция в слове (ɹCɹ) →				конечная позиция в слове (ɹC)				
	Cɹ+			Cɹ→	ɹCɹ+	+ɹCɹ	ɹCɹ	+ɹC			ɹC	
	н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.					н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н/ср.а.е.	к.а.е.
Сильноаспирированный	4	6	17	11	6	15	14	–	4	19	2	2
Среднеаспирированный	16	7	20	14	11	11	–	–	–	9	7	5
Слабоаспирированный	3	8	8	26	18	21	5	3	–	5	–	3
Неаспирированный	7	–	–	7	13	53	–	7	–	13	–	–
Аффрицированный	–	–	–	–	4	58	22	4	–	–	12	–
Фрикатизированный	–	–	–	–	–	90	–	–	–	–	10	–
Одноударный/ озвонченный	–	–	–	–	–	–	100	–	–	–	–	–
Безвзрывной	–	–	–	–	–	–	–	17	–	49	17	17

Таблица 4

Встречаемость вариантов звонких смычно-взрывных согласных в различных позиционных условиях реализации в речи билингвов, %

Перцептивный вариант	Позиционное условие реализации фонемы											
	начальная позиция в слове (Сг)			интервокальная позиция в слове (гСг) →				конечная позиция в слове (гС)				
	Сг+			Сг→	гСг+	+гСг	гСг	+гС			гС	
	н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.					н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н./ср.а.е.	к.а.е.
Звонкий со слабым взрывом	17	5	12	17	16	20	–	3	2	3	2	3
Звонкий с сильным взрывом	17	5	12	17	16	20	–	3	2	3	2	3
Частично оглушенный	22	7	7	43	–	–	–	–	–	14	–	7
Полностью оглушенный	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100	–	–
Безвзрывной	–	–	–	–	20	–	–	60	–	20	–	–
Аффрицированный	–	–	–	–	33	33	34	–	–	–	–	–
С неполной смычкой	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100	–

Таблица 5

Внутриаллофонное варьирование глухих смычно-взрывных согласных в речи билингвов, %

Перцептивный вариант	Позиционное условие реализации фонемы											
	начальная позиция в слове (Сг)			интервокальная позиция в слове (гСг) →				конечная позиция в слове (гС)				
	Сг+			Сг→	гСг+	+гСг	гСг	+гС			гС	
	н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.					н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н./ср.а.е.	к.а.е.
Сильноаспирированный	18	34	40	23	17	13	43	–	50	45	11	20
Среднеаспирированный	64	33	45	27	28	9	–	–	50	20	33	40
Слабоаспирированный	9	33	15	46	39	18	14	25	–	10	–	20
Неаспирированный	9	–	–	5	11	15	–	25	–	10	–	–
Аффрицированный	–	–	–	–	6	26	36	25	–	–	33	–
Фрикатизированный	–	–	–	–	–	18	–	–	–	–	11	–
Одноударный/ озвонченный	–	–	–	–	–	–	7	–	–	–	–	–
Безвзрывной	–	–	–	–	–	–	–	25	–	15	12	20

Внутриаллофонное варьирование звонких смычно-взрывных согласных
в речи билингвов, %

Перцептивный вариант	Позиционное условие реализации фонемы											
	начальная позиция в слове (СГ)			интервокальная позиция в слове (ГСГ) →				конечная позиция в слове (ГС)				
	СГ+			СГ→	ГСГ+	+ГСГ	ГСГ	+ГС			ГС	
	н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.					н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н./ср.а.е.	к.а.е.
Звонкий со слабым взрывом	73	60	80	55	72	80	–	40	100	33	25	50
Звонкий с сильным взрывом	7	20	10	15	14	13	–	–	–	–	50	25
Частично оглушенный	20	20	10	30	–	–	–	–	–	33	–	25
Полностью оглушенный	–	–	–	–	–	–	–	–	–	17	–	–
Безвзрывной	–	–	–	–	7	–	–	60	–	17	–	–
Аффрицированный	–	–	–	–	7	7	100	–	–	–	–	–
С неполной смычкой	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	25	–

Полученные результаты доказывают сосуществование и взаимодействие двух видов фонетического варьирования в речи билингвов: аллофонического (структурно обусловленного) и свободного, проявляющегося в виде индивидуального (межиндивидуального и внутрииндивидуального).

Анализ аллофонического и свободного варьирования в реализации английских согласных в речи русско-английских билингвов свидетельствует о том, что артикуляция согласных фонем в речи носителей английского языка отличается недостаточной «гибкостью», что ведет к сужению объема аллофонических модификаций, свойственных английской произносительной норме. Сужение диапазона варьирования согласных в речи носителей английского языка можно объяснить их разной «восприимчивостью» к новым тенденциям произношения: речевые привычки билингвов в неродном языке являются более однообразными по сравнению с носителями языка. Иными словами, свободное варьирование в реализации согласных в речи носителей языка проявляется слабее: они преимущественно используют усвоенный базовый вариант реализации согласного в сильной (СГ+) позиции, не проявляя свойственной носителям языка свободы выбора.

Внутриаллофоническое свободное варьирование в речи билингвов существенно отличается от данного явления в речи носителей языка. Билингвы часто произносят согласные в идентичной позиции по-разному в результате смешения различных аллофонов, в то время как внутриаллофоническое

варьирование у носителей языка отражает свободное варьирование в норме, которое не нарушает структурно обусловленных, т.е. предсказуемых, модификаций сегментных единиц, составляющих суть аллофонического варьирования.

Проведенное исследование, безусловно, не исчерпывает затронутой проблемы. Напротив, оно показывает необходимость ее развития с привлечением большего количества испытуемых и открывает перспективы для проведения дальнейших исследований, направленных на разграничение в речи билингвов, с одной стороны, свободных (индивидуальных) вариантов реализации английских согласных, находящихся в пределах произносительной нормы, с другой стороны, вариантов, ассоциируемых с отклонениями от нормы, т.е. с иноязычным акцентом. Таким образом, важно получить доказательство существенности отличий, выявленных при анализе речи билингвов по сравнению с речью носителей языка. Такие доказательства могут быть получены путем обнаружения тех модификаций в структуре согласного, которые непосредственно влекут за собой восприятие правильного / неправильного, естественного / неестественного произношения.

Установление объективных различий между отклонениями от нормы и свободными фонетическими вариантами будет способствовать формированию научно-теоретической базы для повышения эффективности обучения, в частности, в языковом вузе, когда речь идет о достаточно тонких, но устойчивых отклонениях, выявляемых на высоком уровне владения языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишневская, Г. М.* Английская интонация (в условиях русской интерференции) : учеб. пособие / Г. М. Вишневская. – Иваново : ИГУ, 1985. – 84 с.
2. *Вольская, Н. Б.* Интонационные ошибки русских студентов и их оценка носителями английского языка / Н. Б. Вольская // Фонетическая интерференция: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. М. Вишневская. – Иваново, 1985. – С. 50 – 58.
3. *Метлюк, А. А.* Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учеб. пособие для ин-тов и ф-ов. иностр. яз. / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 112 с.
4. Интерференция звуковых систем / Л. В. Бондарко [и др.]; под общ. ред. Л. В. Бондарко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 279 с.
5. *Троценко, Г. С.* Аллофонное варьирование в неродном языке: экспериментально-фонетическое исследование на материале русской речи англичан : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. С. Троценко ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1989. – 16 с.
6. Аллофоническое варьирование гласных в речи носителей и неносителей английского языка / Е. Б. Карневская [и др.] // Исследования английской звучащей речи : сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и магистрантов кафедры фонетики английского языка / Е. Б. Карневская (отв. ред.). – Минск : Мин. гос. лингв. ун-т, 2007. – С. 44–55.

7. Карневская, Е. Б. Когнитивные основы идентификации отклонений от произносительной нормы в реализации сегментных единиц / Е. Б. Карневская // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 27–28 апр. 2010 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 3. – С. 43–46.

8. Когнитивно-типологические основы определения отклонений от произносительной нормы языка: отчет о НИР / (промежут.); рук. Е. Б. Карневская.; испол.: Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова [и др.]. – Минск, 2010. – 116 с. – Библиогр. : с. 86–94. – № госрегистрации 2006867.

9. Карневская, Е. Б. Критерии определения качества звучащей речи как актуальная задача фонетических исследований / Е. Б. Карневская // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 23–24 апр. 2015 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – Ч. 4. – С. 5–6.

10. Долматова, Е. Д. Модификации английских согласных в связной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Д. Долматова. – Минск, 2014. – 200 л.

The article is concerned with the study of allophonic and free variation of English consonants in the spontaneous speech of bilinguals. Concrete forms of co-occurrence of two kinds of phonetic variation in the subsystem of English consonantism have been revealed – allophonic and free variation in bilinguals.

Поступила в редакцию 01.02.18

Г. А. Каспирович

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТАХ

В настоящей статье в фокусе внимания автора находятся словообразовательные тенденции в немецкоязычных апеллятивных текстах. На конкретных примерах рассматриваются эффективные модели словообразования современных немецких неологизмов. Словообразовательные конструкции, созданные по определенным принципам, могут быть обобщены, поскольку характерны для различных конкретных лексических элементов.

Находясь в постоянном движении, язык все время совершенствуется, имея свое настоящее, прошлое и будущее. Обогащение словаря – это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамического характера. Лексика подвергается непрерывным изменениям в соответствии с языковыми законами. При этом возникают новые реалии, предметы, явления находящие отражение в новых словах и новых значениях.

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом к изучению словообразования (раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов). Поднимаются вопросы о статусе словообразовательных единиц, о словообразовательных значениях и т.п., которыми в разное время занимались такие ученые, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, В. Фляйшер [1], М. Д. Степанова, В. Хенцен [2], И. Эрбен [3] и др.

Признавая постоянное развитие языка, Бодуэн де Куртенэ распространяет принцип изменчивости на все элементы слова – корень, приставку, суффикс и окончание – и считает необходимым, разлагая слово на морфемы, следовать живому чувству языка, оперировать не «какими-то фикциями, витающими в туманной атмосфере праязыка...», но живыми частями склоняемых и спрягаемых слов» [4].

По словам М. Д. Степановой, «словообразование в системе языка тесно связано как с грамматикой, так и с лексикой, потому что глубокое изучение словообразовательных средств позволяет более точно рассмотреть лексический состав языка» [5, с. 9].

Особый интерес для исследователей представляют различные словообразовательные модели, или конструкции. Словообразовательные значения существуют в рамках определенной словообразовательной модели, которая является определенным макропрототипом, отражающим или воспроизводящим в ряде новых дериватов сложные иерархические связи.

Создание новых слов в языке – это сложный когнитивный процесс, происходящий под влиянием экстралингвистических факторов, тем не менее он идет в русле уже существующих прототипов, используемых по аналогии в соответствии со структурными моделями. В частности, говоря о словообразовательной модели, мы имеем в виду определенную стабильную структуру, обладающую обобщенным категориальным значением (значением прототипа) и развивающую ряд других, иерархически связанных лексических значений, что предполагает наличие определенной семантики.

Деривационная лексика как особый пласт словарного состава языка всегда находилась в фокусе особого внимания исследователей. Обнаруживая широкий спектр внутренних характеристик, производные слова рассматриваются с различных позиций, как функциональных, так и когнитивных [6; 7; 8]. Однако феномен деривации остается дискуссионным и не получил до сих пор исчерпывающего разрешения [9]. Он «практически не рассматривался “изнутри” — не исследовалась его семантика как таковая» [10].

Вслед за В. Фляйшером, деривацию в данном исследовании мы рассматриваем как процесс образования новых слов (с помощью формальных средств). Производные и сложные слова, возникающие в ходе деривации, обозначаются термином *дериваты*. Ключом к правильной интерпретации деривата является его зависимость от морфологической и словообразовательной структур.

Многие лингвисты подчеркивают особую роль *глагола* в деривационных процессах. Так, например, вслед за А. А. Потебней, утверждавшим главенство глагола в системе других частей речи и видевшим в развитии языка процесс непрерывного отглаголивания («глагол создает предложение», «он имеет синтез своею грамматической функцией») [11, с. 60], В. В. Виноградов указывает на то, что «глагол – самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка» [6].

Наиболее продуктивной моделью является пара «глагол – существительное», или *субстантивная деривация*, которая «затрагивает морфологические, синтаксические и семантические возможности лексических единиц, устанавливая синтаксические и семантические соответствия между глагольной основой и номинативом». Данный словообразовательный тип характеризуется также «регулярностью и семантической монолитностью», а следовательно, почти все глаголы могут участвовать в образовании имен действия.

Особенно активными при образовании отглагольных существительных являются *nomina actionis* (имена действия), *nomina agentis* (отглагольные имена существительное, обозначающие деятеля, отправителя действия) и *nomina qualitatis* (отадъективные имена). Например, *Eos-Fahrer*, *Autoversicherer* (*nomina agentis*). *Nomina actionis* встречается, например, в конверсии *Reichsein* при преобладании, в первую очередь, синтаксической функции. Другим примером *nomina actionis* может служить дериват с очень продуктивным суффиксом *-ung* (*Finanzoptimierung*). *Nomina qualitatis* встречается на примере *Essenswürdigkeit*, где прослеживается аналогия с *Sehenswürdigkeit*.

Что касается *аугментативов* (увеличительно-усиливающие слова или формы слова), то они встречаются у существительных чаще, нежели у прилагательных. Как и следовало ожидать, большей частью это существительные с иностранными аугментативными элементами *Top-*, *Super-*, *Star-*, *Premium-*, *Turbo-*, *XXL-*. В структуре многих из них присутствует собственный семантический компонент ('viel', 'schnell', 'groß').

Все это объясняется теми же факторами, что и в случае с прилагательными: аугментативы воздействуют слишком прямолинейно и имеют несколько архаичный характер. Вследствие этого они не оказывают скрытого воздействия, а их вклад в создание имиджа бренда и без того незначителен.

Достаточно продуктивным является образование композитов по модели с **A + S**. В то же время количество прилагательных, употребляющихся в качестве первого компонента в немецкоязычных рекламных текстах, весьма ограничено. Наиболее активными первыми компонентами являются следующие: *Sport-* (от *sportlich*), *Direkt-*, *Online-*, *Original-*, *Erst-*.

Велико количество лексем, образованных по модели **S+S**, причем число отглагольных и неотглагольных существительных примерно одинаковое.

В качестве deverбальных основных компонентов к особо частотным можно отнести существительные *Konzept* и *Lösung*: они образуют композиты, составляющие определенную группу слов, и используются, в первую очередь, в автомобильной и банковской рекламе. Что касается продуктов

питания, то там эту функцию берет на себя многократно употребляемое существительное *Genuss*. Очень распространены реляционные композиты с лексикализированными *nomina agentis*, например, *Händler, Besitzer, Anbieter*.

Компонент *System*, присутствующий у неотглагольных реляционных композитов, – один из самых употребительных. Очень часто позицию основного компонента занимают реляционные существительные, служащие обозначениями людей: *Spezialist, Experte* (‘в области гражданско-правовой защиты, рынка ценных бумаг’ и т. д.), а также *Kunde, Partner*. Два последних существительных встречаются исключительно в названиях, относящихся к сфере страхования и автомобильной отрасли: *AXA-Kunde* (клиент страховой компании AXA), *SEAT-Partner* (партнер автомобилестроительной компании SEAT).

Большое количество неологизмов репрезентируют имя собственное (большей частью название бренда или продукта). В данном случае второй компонент слова образуется при непосредственном участии первого, не отделим от него, что представляет собой синтаксические отношения «агент–тема», например: *Michelin Reifen, Ford Steuersparmodell*. Вторая группа выявленных композитов с именем собственным включает в себя новообразования с добавочным посессивным значением: *Postbank Finanzcenter, Allianz Experte*. В очень многих лексемах, образованных по этой модели, присутствует компонент *Berater* в качестве второго сегмента.

Среди новообразований, базирующихся на отношениях «части целого» (*Teil-von-Verhältnis*), большинство словообразовательных конструкций – это специальные термины из области рекламы автомобилей, обозначающие прежде всего моторы, иногда подкрепленные конститuentами с позитивным коннотативным значением, например, *Hybrid-Limousine, Starjet-Motor*. Исключениями являются лишь такие лексемы, как *Kräutersulz*, и не относящиеся к терминологическим лексическим единицам *Vertrauensvorsorge, Luxus-Wohnmobil, Serviceversicherer*.

Композиты с целевой направленностью, первый компонент которых выполняет функцию темы, являются чаще всего номинациями технических новинок (*Kinderkopfstütze, Panoramaglasdach*), апеллируют к определенной целевой аудитории, реализуя суггестивную функцию (*Altersvorsorge-Bank*). *Gesundheitskasse* представляет собой частный случай образования лексем, созданной по аналогии с предыдущей. Креативные потенции языка наиболее отчетливо обнаруживаются в текстах жанра рекламы, так как продуцент рекламного сообщения, испытывая потребность в необычных средствах выражения, сознательно прибегает к созданию оригинальных слов.

Наряду с большим количеством лексем, образованных по модели **S+S**, высок удельный вес номинаций, относящихся к словотворчеству автора, окказиональных композитов, служащих, как правило, для обозначения названий брендов и товаров: *McDonald's Qualitäts-Scout, BMW Fahrdynamikkonzept, Kitekat Frischebeutelmultipack, Commerzbank Topzins-Anlage*. Как видно из

примеров, это многокомпонентные словосложения, распространенные сложные слова (*mehrfache Komposita*) (Schmidt), состоящие из трех и более компонентов.

В диапазоне имени прилагательного в рекламных текстах не так уж редко встречаются двухсоставные сложные имена прилагательные, образующие самые разные модели, в частности, «имя прилагательное + имя прилагательное». В этой связи весьма интересна, на наш взгляд, реклама чистящих салфеток для промышленных целей в следующем апеллятивном тексте:

*Pflege auf höchstem Niveau,
extrem leistungsfähige Tücher,
wahlweise zickzackgefaltet
oder als ungefaltete Formattücher,
erhältlich reiner Frischzellstoff,
nimmt auch größere Mengen Flüssigkeit
problemlos auf,
extrem **supernassreissfest**. [Medstore].*

Supernassreissfest – это композит, образованный от двух прилагательных со значением ‘суперпрочный, нервующийся даже в мокром состоянии’, выполняющий функцию обозначения (достаточно яркого) качества продукта, его прочности.

Ниже приведенное рекламное объявление демонстрирует словообразовательную модель имени прилагательного совсем иного рода: «глагольная основа + имя прилагательное»:

Hallo Skeptiker...

Tja, es ist mal wieder so weit. Die Bäume verlieren die Blätter, der Wind pfeift um die Häuser und die Nasen fangen wieder an zu laufen. So auch die meine ... Ich sitze schon seit fast 2 Wochen mit einer laufenden Nase und tränenden Augen vor meinem PC. Von meinen bisher genutzten, „billigen“ Papier-Taschentüchern bekam ich immer eine wunde, gereizte und rote Nase, die man nur mit Creme einigermaßen Schmerz hemmend machen konnte. Doch seit ich in der TV-Werbung die neue Werbung von den Tempo-Plus-Tüchern gesehen habe, dachte ich mir, es kann ja nicht schaden diese mal auszuprobieren.

Die Tempo-Plus-Tücher sind 4-lagig und dadurch auch sehr reißfest. Sie sind, wie man auch in der TV-Werbung sehen kann, sogar nach der Waschmaschine noch vollständig und nicht wie die anderen Konkurrenten, in lauter kleine Fussel aufgelöst. Ein anderer Vorteil ist auch, dass dank dem AloeVera die Tücher sehr geschmeidig und anschmiegsam für die Nase sind.

Jeder, der mich persönlich kennt, weiß, dass ich von Herbst an eigentlich immer eine rote, wunde Nase habe. Doch seit ich die Tempo-Plus-Tücher verwende, ist die Nase zwar nach dem ständigen putzen leicht gereizt, doch bei weitem nicht mehr so schlimm, wie bei den „billigen“ Produkt-Konkurrenten.

*Fazit: Ich bin von Tempo plus sehr begeistert und werde es mir mit Sicherheit wieder kaufen. Der Preis ist absolut in Ordnung, da die Tempo-Taschentücher wirklich halten was sie versprechen und wirklich „**Durchschnupfsicher**“ sind.*

Testet die Taschentücher von Tempo mal und ihr werdet wissen, was ich meine !!! [Ciao].

Данная реклама салфеток «Tempo Plus Aloe» обладает ярко выраженным перлокутивным эффектом. Эффект убеждения, создания определенного эмоционального фона достигается за счет умелой композиционной линии объявления, где повествование ведется от первого лица, показываются явные достоинства товара в сравнении с «дешевыми» конкурентами. Немалую роль в реализации суггестивной задачи – побудить реципиента приобрести данный товар – играет окказионализм *durchschnupfsicher* (ganz einfach, dass das Taschentuch nicht reißt, wenn man sich schneuzt und es deshalb nass wird ‘качество салфетки просто-напросто такое, что она не рвется, когда становится мокрой, после того как человек высморкается’). Правда, глагол *schnupfen* означает, как правило, ‘что-то втягивать носом, нюхать’, в то время как здесь его значение – ‘высморгать нос, дословно: удалить из носа’. Вероятно, проиллюстрированный окказионализм образован и выбран для рекламного текста ввиду своего звучания и образности. В данном апеллятивном тексте он служит для необычного обозначения качества рекламируемого продукта.

Для преодоления трудностей в восприятии громоздких лексем авторы часто прибегают к поясняющему дефису (*Erläuterungsbindestrich*), который, по мнению В. Фляйшера и И. Барца [1], представляет собой явление на стыке морфем, служащее исключительно для образования сложных существительных. Поясняющий дефис употребляется во избежание семантических несуразностей, например: *Gipsschwefelsäurefabrik* ‘фабрика, на которой производится серная кислота из гипса’, *Gips-Schwefelsäure-Fabrik* ‘фабрика, на которой производятся гипс и серная кислота’.

Итак, в немецкоязычных апеллятивных текстах (текстах рекламного стиля) обнаруживается в плане словопроизводства ряд специфических моделей (словообразовательных конструкций) в области создания производных и сложных слов. В процессе образования сложных слов действует тенденция к созданию многосоставных композитов по моделям **A + S**, **S + S** и др., среди которых модель **S + S** является безусловным лидером.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fleischer, W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen : Niemeyer, 1995. – 382 S.
2. *Henzen, W.* Deutsche Wortbildung / W. Herzen. – Tübingen, 1965. – 314 S.
3. *Erben, J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – Berlin : West, 1975. – 191 S.
4. *Бодуэн де Куртенэ, И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : АН СССР, 1963. – Т. I. – 385 с.
5. *Степанова, М. Д.* Теоретические основы словообразования в немецком языке / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М. : Высш. шк., 1984. – 264 с.

6. *Виноградов, В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.
7. *Кубрякова, Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 150 с.
8. *Курилович, Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.
9. *Ташлыкова, М. Б.* О качествах и свойствах имен качеств и свойств / М. Б. Ташлыкова // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. – Иркутск, 2003. – Вып. 2. – С. 174–189.
10. *Урысон, Е. В.* Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопр. языкознания. – 1996. – № 4. – С. 25–38.
11. *Потебня, А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Ciao – Plus_Aloe_Vera [Electronic resource]. – 2017. – Режим доступа : http://www.ciao.de/Tempo_Taschentucher_Plus_Aloe_Vera_Test_2070600. – Дата доступа : 11.12.2017.
- Medstore – medstore.at/cell-tork-wascht [Electronic resource]. – 2017. – Режим доступа : <https://medstore.at/cell-tork-wascht-cher-20x20cm-8-lagig-wei-pack-1300-st-ck.html>. – Дата доступа : 11.12.2017.

The article is devoted to the peculiarities of word-formation processes in German appellative texts. The effective models of word formation of modern German neologisms are considered on concrete examples.

Поступила в редакцию 11.12.17

А. В. Ломовая

ИСТОЧНИКИ ВАЛЕНТНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ОТАДЪЕКТИВНЫХ ЦВЕТОВЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье рассматривается специфика семантико-синтаксической валентности английских глаголов, образованных путем конверсии от имен прилагательных со значением цвета. Исследуются условия актуализации интранзитивных и транзитивных валентностных моделей таких глаголов. Выявлено семь языковых факторов, способствующих выбору той или иной валентностной конфигурации цветового предиката. Очерчиваются основные внеязыковые параметры, определяющие именное наполнение открываемых предикатом аргументных позиций и нейтрализацию цветового компонента семантики глагола.

Языковые единицы, вербализирующие концепт «цвет», неизменно вызывают интерес лингвистов. Такая популярность объясняется значительным семантическим, фразеологическим, когнитивным, а также культурологи-

ческим потенциалом слов и выражений, называющих цветовые оттенки. За годы исследований было создано немало терминов для обозначения таких единиц: «термин цвета», «хроматоним», «колороним», «наименование/название/имя цвета», «выражение с цветовым компонентом» [1]. При необходимости уточнения части речи, а также для синонимических замен использовались описательные выражения типа «название цвета», «прилагательное/существительное/глагол/наречие со значением цвета или с цветовым компонентом» [1]. Для глаголов были предложены такие термины, как «глаголы цветовой семантики», «глаголы цветового обозначения», «глаголы цветового отражения», «цветовые глаголы» [2; 3]. Последний термин представляется нам наиболее удачным ввиду своей лаконичности.

Данная работа посвящена глаголам английского языка, образованным путем конверсии от прилагательных, называющих цвет (далее – *цветовые глаголы*). В качестве отправной точки анализа была использована теория Б. Берлина и П. Кея, согласно которой универсальный набор цветов в языках мира включает 11 наименований: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый [4, р. 2]. Таким образом, материалом исследования стали образованные от соответствующих прилагательных глаголы (в алфавитном порядке: *to black, to blue, to brown, to green, to grey, to orange, to pink, to purple, to red, to white, to yellow*), а также предложения с ними, отобранные из Британского национального корпуса текстов [5]. Цель исследования заключается в выявлении внеязыковых и языковых факторов, определяющих валентность цветовых глаголов в английском языке.

Валентность глагола-предиката представляет собой сложное явление, включающее ряд характеристик, как-то: синтаксические связи с элементами поверхностной структуры предложения, семантические отношения между предикатом и актантами глубинной структуры предложения, а также классы имен, заполняющих открываемые предикатом позиции. Таким образом, комплексный анализ валентности предполагает изучение трех параметров: формально-синтаксических, логико-семантических и референтных, а также сопоставление реализуемой валентности с эталонной (подробнее о методике анализа см. [6]). В качестве такой «эталонной» валентности была использована общая для цветовых глаголов словообразовательная модель «*to become/make+colour*» и созданные на ее основе интранзитивная и транзитивная модели типичного предложения с такими глаголами (где Pr_{adj} – отадъективный предикат, инкорпорирующий наименование цвета).

Интранзитивная модель – «Somebody/something Pr_{adj}»: *And above their heads the monitors showed captions rolling, and the screens **blackened*** 'Высоко над ними мониторы показали финальные титры, и экраны **почернели**'¹. Данная модель отражает некаузирванное приобретение или проявление цвета тем или иным предметом реальности.

---

¹ Здесь и далее в статье перевод дефиниций и предложений с английского языка на русский наш. – А. Л.

Транзитивная модель – «Somebody/something Pr_{adj} somebody/something»: *He **blackened** out a couple of his front teeth with stage cosmetics* ‘Он **вычернил** несколько передних зубов при помощи театрального грима’. Такая модель отражает свернутую каузативную ситуацию, т.е. воздействие субъекта на некий объект, в результате чего данный объект приобретает новый цветовой признак.

Последовательное изучение вышеупомянутых параметров валентности позволило выделить *семь языковых факторов*, предопределяющих валентностные характеристики цветочных глаголов.

1. *Интранзитивная* модель валентности цветочных глаголов реализуется в том случае, если агентивная позиция заполняется неодушевленным именем существительным. Сюда относятся такие классы имен, как

а) природные явления:

*As they [noises] quietened, the sun-colours on the stone **yellowed, orangeed, reddened*** ‘Уличный шум стихал, и отблески солнечных лучей **желтели, оранжевели, краснели** на каменной стене’;

б) растения:

*The older leaves on my potato plants **are distinctly yellowing*** ‘Более старые листья на картошке явно **желтеют**’;

в) вещи (артефакты):

*The drive to the house **was greening** with disuse* ‘Дорога, ведущая к дому, **позеленела**, так как ею давно никто не пользовался’;

г) части тела человека:

*His face **was purpling** down the left side and one eye was closed* ‘Левая часть его **лица** медленно **багровела**, а один глаз был закрыт’.

2. *Транзитивная* модель валентности цветочных глаголов реализуется при наличии следующих условий:

1) агентивная позиция заполняется одушевленным именем существительным:

*He'd **greyed** his temples and eyebrows with a spray* ‘Он **окрасил** виски и брови в **седой цвет** при помощи спрея’;

*Every night she greased her face, **whited** everything out and redrew it* ‘Каждый вечер она **наносила** на лицо жирный крем и **белила**, а потом заново его рисовала’;

2) агентивная позиция заполняется неодушевленным именем существительным, которое представляется одушевленным (при помощи приема персонификации):

*When morn **purples** the east* ‘Когда утро **окрашивает** восток в **багровый цвет**’;

*On what does it depend? – On whether this poxy oven's **browned** the shepherd's pie or not* ‘От чего это зависит? – От того, **поджарила** эта дешевая духовка пирог [до **коричневой** корочки] или нет’;

3) наличие в предложении инструментатива (иногда – тавтологического):

*He **had blacked** his eyelids with collyrium* ‘Он **вычернил** веки сурьмой’.

*He'd got the front shoes on and **blacked** them with black* ‘Он надел свои парадные туфли и **почистил** их [черной] ваксой’;

4) наличие пассивного залога с выраженным деятелем (может быть представлен метонимическим именем или процессом):

*Stilton is **blued** by using the Roquefort penicillium* ‘Сыр Стилтон **подкрашивается в голубой цвет** при помощи плесени *Roqueforti penicillium*’;

5) наличие пассивного залога с невыраженным деятелем, когда

а) подразумеваемый деятель – человек:

*The steps were neatly **blacked**, the wood of the door polished to a satin finish* ‘Ступеньки **были** аккуратно **покрыты черной** мастикой, деревянная дверь была отполирована до глянцевого блеска’;

б) подразумеваемый деятель – явление природы либо время:

*The meal was laid in the large, cold, timber-ceilinged dining-room; a joyless room filled with oil paintings of rural scenes **yellowed** by age* ‘Обед был подан в огромной холодной гостиной, потолок которой был облицован деревянными панелями; это была безрадостная комната, наполненная **пожелтевшими** от времени холстами с пасторальными сценами’;

б) сочетание пассива с инструментативом (при этом глагол может выражаться неличной формой Past Participle):

*She threw both panes open, to be rewarded by a vista of church spires, each unmistakably decorated by copper strips and inlays, **greened** with age and atmosphere* ‘Она распахнула ставни – из окна открывался великолепный вид: множество церковных шпилей, каждый из которых был украшен медными полосами и инкрустациями, **позеленевшими** от времени и атмосферных явлений’.

Тем самым языковые факторы задают общий шаблон реализации валентностной конфигурации цветового предиката, а также особенности синтаксической структуры предложения с таким предикатом. В то же время непосредственное окружение предиката (т.е. наиболее частотный класс имен, заполняющий открываемые предикатом позиции) предопределяется рядом *внеязыковых факторов*. Эти факторы представляют собой отражение картины мира носителей английского языка и потому могут быть индивидуальными для рассмотренных глаголов.

Так, фразовый глагол *to black out* впервые возникает в театральном контексте (‘погасить огни на сцене после окончания представления’), но далее развивается в значения ‘временно потерять сознание’ (интранзитивная модель) и ‘организовать затемнение во время воздушного налета’ (транзитивная модель) [7]. Соответственно, непременным условием реализации интранзитивной модели является наличие антропоморфного субъекта действия:

*Under conditions where lesser men **blacked out** into unconsciousness, Vologsky could stay awake* ‘В тех условиях, когда более слабые люди падали в обморок, Вологски оставался в сознании’;

Транзитивная модель *to black something out* предполагает наличие объекта воздействия, представленного существительными *home/house, town, city* или их синонимами, причем значение предиката может генерализироваться до 'отключать электричество' (часто без указания причин):

Large sections of the capital were blacked out and quiet after hours of gunfire and arson attacks 'Целые кварталы столицы **были затемнены** и безмолвны после долгой перестрелки и атак поджигателей';

Homes were flooded and blacked out, rivers burst their banks, as fierce storms lashed the country 'Дома **были затоплены и лишены электричества**, реки вышли из берегов из-за сильных дождей, которые обрушились на страну'.

Тем не менее нами были выявлены некоторые закономерности влияния внеязыковых факторов на валентность цветочных глаголов. В о - п е р в ы х, тип модели и характеристики левого/правого окружения предиката могут предопределяться появлением устойчивых ассоциаций того или иного цвета с определенной сферой деятельности или социальным явлением.

1. Транзитивная модель *to black something out* используется для отражения ситуации цензуры, так как для удаления запрещенного материала традиционно использовалась черная краска (чернила) [7]. Такая модель реализуется при наличии в правом окружении предиката существительных, называющих рукописные или печатные документы (*letter, report*):

There is an FBI report on the incident with over 200 pages blacked out for national security reasons 'Отчет ФБР, касающийся данного происшествия, содержит более 200 страниц, **подвергнутых цензуре** из соображений национальной безопасности'.

2. Интранзитивная модель *to grey* 'стареть' отражает не столько индивидуальные признаки старения (т.е. седые волосы, которые описываются в английском языке прилагательным *grey*), сколько социально значимое явление – старение европейских наций [8], поэтому в левом окружении такого предиката выступают существительные *nation* и *population*:

It was only when the government started to cut drug prices after 1980, because it wanted to stop health bills rising further as the population greyed 'Это произошло только тогда, когда правительство стало снижать цены на лекарства после 1980 года: оно хотело прекратить рост цен на медицинские услуги, так как население страны **старело**'.

3. Транзитивная модель *to grey something out* 'сделать недоступным элемент управления (кнопку, пункт меню, поле ввода)' относится к сфере компьютерных технологий и указывает не только на фактическое выделение серым цветом элемента интерфейса, но, прежде всего, на невозможность его использования [8]:

You will notice in the dialog box that appears that the Type is already set to Date and that the Date Unit box is not greyed out 'Вы увидите в появившемся диалоговом окне, что в поле «Тип» уже установлено значение «Дата», и поле «Единица времени» **уже доступно**'.

4. Транзитивная модель *to white something out* ‘замазывать штрихом’ отражает не только сам процесс нанесения на печатный текст белой корректирующей жидкости, но также указывает на процесс исправления ошибок, что может поэтически переосмыслиться в значение ‘очищать, избавляться от негативных чувств’ [8]:

*I bathe and dress, and paste my face in gauzy liquid, **whiting out** the spots and the sweat* ‘Я умываюсь и одеваюсь, и погружаю лицо в прозрачную жидкость, **смывая начисто** пятна и пот’.

Во-вторых, ряд транзитивных моделей актуализируется при описании видов деятельности, суть которых заключается в направленном воздействии на человека. В этом случае цветовой компонент, как правило, нейтрализуется.

1. Появление модели *to brown somebody off* ‘раздражать, удручать’ связывается с устаревшим значением слова *brown* ‘печаль, уныние’ [7]:

*Not a pleasant task but the men get **browned off** sitting on their hunkers here, doing precious little but dig* ‘Это не очень приятная обязанность, но люди начинают **раздражаться** из-за того, что они все время сидят на корточках и копают’.

2. Модель *to green somebody* ‘воздействовать на кого-либо с целью защиты окружающей среды’ вызвана переосмыслением прилагательного *green*, которое с 1971 года начинает ассоциироваться с движением защитников природы [7]:

*The first is that there is in the developed world a new culture of environmental awareness. The electorates **are being greened*** ‘Во-первых, в развитых странах существует новая культура экологической грамотности. Электорату постоянно **внушают идею о важности защиты окружающей среды**’.

3. Развитию модели *to black somebody* ‘поместить в черный список’ способствовало переосмысление прилагательного *black* в составе идиоматических словосочетаний *a black book* и *a black list* со значением ‘список нежелательных персон’ [7]:

*After that I **was blacked** by the quality schools* ‘После этого я был **занесен в черный список** всеми лучшими школами’.

Таким образом, выбор той или иной модели валентности для цветowych отадективных глаголов английского языка определяется рядом языковых и внеязыковых факторов. Такие языковые характеристики, как одушевленность/неодушевленность субъекта действия, необходимость отражения каузатора действия и/или инструмента воздействия в поверхностной структуре предложения, задают интранзитивную либо транзитивную модель реализованного цветового предиката. В то же время внеязыковые факторы, а именно закрепление тех или иных цветов за определенной сферой человеческой деятельности, ограничивают классы референтов, способных заполнять открываемые цветовым предикатом позиции, а также вызывают нейтрализацию цветового компонента в семантике таких предикатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова, Д. Н.* К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке / Д. Н. Борисова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 21 (122). – С. 32–37.
2. *Желтобрюх, В. Ф.* Семантическая структура предложений с непроцессуальными глаголами цветового обозначения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В. Ф. Желтобрюх ; Киев. гос. пед. ин-т. – Киев, 1984. – 23 с.
3. *Говорухо, Р. А.* Особенности выражения субъекта перцепции в итальянском и русском языках / Р. А. Говорухо // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков [Электронный ресурс]. – 2009. – № 1. – Режим доступа : http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/7.pdf. – Дата доступа : 13.06.2017.
4. *Berlin, B.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkley ; Los Angeles ; Oxford : Univ. of California Press, 1991. – 196 p.
5. British National Corpus Concordances [Electronic resource]. – Mode of access : <http://phrasesinenglish.org/searchBNC.html>. – Date of access : 03.03.2017.
6. *Ломовая, А. В.* Факторы, определяющие валентность отыменных конверсионных глаголов в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Ломовая. – Минск, 2014. – 204 л.
7. *Harper, D.* Online Etymology Dictionary / D. Harper [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.etymonline.com>. – Date of access : 21.03.2017.
8. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Electronic resource]. – Harper Collins Publishers, 2008. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access : 21.03.2017.

The article studies the sources of semantic and syntactic valency of English verbs, zero-derived from colour adjectives. It is argued that the valency of such colour verbs could be accounted for by a set of linguistic and extralinguistic factors, the former including animate or inanimate subjects and objects, the latter presupposing connections with some socially relevant sphere.

Поступила в редакцию 20.12.17

В. В. Яскевич

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА СЛУХ

В статье дается обзор лингвистической литературы в области усвоения иноязычного произношения и особенностей декодирования речевых сигналов. Перечислены факторы, влияющие на успешность овладения произношением неродного языка и понимания иноязычной речи на слух. Поставленный фонетический эксперимент позволил определить степень информационных потерь в зависимости от темпа речи и уровня владения

английским языком как иностранным. Подробно изучены типы ошибок и неточностей восприятия и их принципиальное отличие от восприятия носителями языка. В зависимости от уровня владения языком это могут быть ошибки в идентификации фонемного состава слов, в слоговой делении или синонимические замены.

Фонология во многом опирается на два психических процесса, связанных с использованием языка в режиме реального времени которые, несмотря на их сложность, для носителя языка протекают быстро и легко. Речь идет о восприятии, включающем когнитивную обработку высшего порядка для соединения звука и смысла, и речепроизводстве, требующем нервно-мышечного контроля со стороны артикуляторных органов. Экспериментально доказано, что эти два процесса тесно взаимосвязаны [1]. Высокая точность в имитации иноязычного произношения непосредственно соотносится с высоким уровнем понимания иноязычной речи на слух. Следовательно, все факторы, способствующие успешному усвоению иноязычного произношения, одновременно являются факторами, гарантирующими эффективность декодирования устных речевых сигналов.

Опыт преподавания показывает, что иноязычное произношение – одно из самых серьезных препятствий на пути усвоения нового языка. Именно поэтому исследования, направленные на изучение процесса освоения иноязычного произношения и его восприятия на слух, никогда не теряют своей актуальности.

Существует множество теорий и гипотез о степени влияния нейрокогнитивных, социальных или психологических особенностей, а также интерференции родного языка на процесс ассимиляции в новой языковой среде. Однако очевиден тот факт, что по крайней мере один язык уже представляет собой базу знаний, которая может как ограничить нашу способность воспринимать другой язык, так и обеспечить большую естественность коммуникации. Человек наделен сложной способностью к имитации и восприятию речевых сигналов, однако большинству неносителей языка, не удается имитировать, воспроизводить и интерпретировать звуковую систему так же точно и безошибочно, как это делают носители языка.

В целом ряде частных исследований предпринимаются попытки описания всех факторов, способствующих успешному усвоению иноязычного произношения и навыков аудирования. Одним из основных факторов, несомненно, является возраст. Общий подход «чем раньше – тем лучше» оказывается правильным и заслуживает своего места в фонетических исследованиях. После того, как язык полностью освоен ребенком в возрасте 10–13 лет, достичь полной беглости в новом языке становится намного сложнее. Это, прежде всего, связано с тем, как устроены центры Брока и Вернике в коре головного мозга, а также с тем, как они функционируют у двуязычных и одноязычных носителей языка [2].

Фундаментальное различие между детьми и взрослыми заключается в том, что взрослые уже обладают средствами абстрактного мышления, которые можно рассматривать как поворотный момент в формировании

мыслительного процесса. Для овладения любой языковой системой необходимо усвоить новые языковые модели, сформировать соответствующие языковые категории, которые могут не существовать в родном языке, и определить их взаимосвязи с другими категориями в системе. Этот процесс затрудняется, если новая система постоянно рассматривается сквозь призму системы родного языка, как это происходит у взрослых.

На успешность усвоения иноязычного произношения оказывает ощутимое влияние такой фактор, как погружение в языковую среду. По некоторым данным, всего 5–10 процентов от изучающих язык взрослых могут достичь естественности [3]. Один из способов осуществления этой амбициозной цели – это языковая практика в стране изучаемого языка. Доказано при этом, что длительность периода пребывания не гарантирует успешности усвоения. Качество опыта языкового погружения также имеет огромное значение, поскольку оно делает процесс адаптации к тонкостям иностранного языка намного более продуктивными. Решающее значение имеет мотивация и желание достичь полной ассимиляции с изучаемой культурой [3].

Исследования также свидетельствуют о том, что врожденные склонности к языкам, необычная когнитивная гибкость и индивидуальные особенности памяти, свойственные некоторым носителям языка, оказываются одним из самых существенных факторов на пути к успеху.

Настоящее исследование направлено на изучение еще одного из аспектов восприятия иноязычной речи на слух, а именно уровня владения иностранным языком. Очевидно, что полнота восприятия находится в прямой зависимости от языкового уровня. Однако большой интерес представляют собой не только вопросы полноты восприятия, но и сам характер ошибок в восприятии и их отличие от восприятия носителей языка.

Поставленный нами эксперимент, позволяющий определить особенности восприятия иноязычной речи на слух, был построен с учетом различных темповых вариаций. Для этой цели нами были подобраны предложения примерно одинаковой протяженности, а именно состоящие из 6–7 однозначных слов. Все предложения находились в рамках одной тематики (искусство), одного научно-популярного стиля, а также имели одинаковую степень смысловой насыщенности и грамматической сложности. Данные фразы были распределены на три порции, предполагающие различную скорость прочтения. Для осуществления трех серий записей был привлечен носитель южнобританской произносительной нормы, мужчина 37 лет с высшим образованием, коренной житель Лондона. Перед диктором стояла задача прочесть первую серию предложений в замедленном темпе, вторую серию – в естественном для него темпе и, наконец, третью – в ускоренном темпе.

Полученные таким образом аудиозаписи сначала предъявлялись для прослушивания и последующей записи на слух трем носителям языка. Данная группа испытуемых была контрольной и позволила определить степень полноты восприятия речевых сигналов на родном языке.

Вторую группу испытуемых составили три подгруппы носителей русского языка (по 10 человек в каждой), изучающих английский язык как иностранный на разных уровнях (высший, средний, начальный). Их задача была аналогична той, которая стояла перед носителями языка.

Полученные материалы от двух групп испытуемых затем анализировались на предмет информационных потерь при восприятии на слух, а также характера ошибок, допущенных при воспроизведении прослушанных фраз.

Оценка информационных потерь проводилась с использованием формального метода. Каждое пропущенное слово, как полнозначное, так и служебное, считалось информационным пробелом с процентным весом, соразмерным лексическому составу его фразы (таблица).

Процентное соотношение информационных потерь у носителей (L1) и неносителей (L2) языка, %.

Темп	L1	L2 (высокий)	L2 (средний)	L2 (начальный)
замедленный	0	0	21	32
нормальный	0	3	33	50
ускоренный	1	11	42	65

Как видно из таблицы, носители языка воспроизводят услышанную информацию практически в полном объеме. Ошибки обнаруживаются лишь при ускоренном темпе и составляют только 1 %. Допущенные неточности не искажают содержание фраз. Например: *Atr serves a function – Art has a function.*

У испытуемых с высоким уровнем владения языком показатели максимально приближены к носителям языка, а именно: при медленном темпе информационных потерь нет, при нормальном темпе они составляют 3 %, а при ускоренном темпе – 11 %. Анализ ошибок восприятия обнаруживает существенное сходство с неточностями, допущенными носителями языка. Среди них часто фигурируют синонимические замены, которые не искажают смысл высказывания. Например:

*It can be **backed up** by facts. – it can be **proved** by facts;*

***May** be used. – **Can** be used;*

***Must** be done. – **Should** be done.*

Как правило, испытуемые данной группы не допускают ошибок в идентификации фонемного состава слов, но могут неверно интерпретировать слогораздел и, следовательно, не достаточно тонко чувствовать аллофоническое варьирование. Например:

Artifacts – art effects; As a form of art – as a former art; Art is – artist.

Такие ошибки у данной группы испытуемых возникают только в тех случаях, когда фраза или ее фрагмент не теряют смысла несмотря на ошибочное слоговое деление.

У испытуемых с невысоким уровнем владения языком результаты восприятия иноязычной речи на слух, как и ожидалось, существенно отличаются от носителей языка. Например, при нормальном темпе, который воспринимается ими как довольно быстрый, теряется половина содержания высказывания. В ускоренном темпе эта цифра увеличивается до 65 %. Неспособность адекватно декодировать речевой сигнал связана с тем, что у данных испытуемых не сформировано умение выделять из речевого потока фонетически полезные признаки, которые представляют собой слуховые ключи к звуковому распознаванию речи. Их опыт погружения в языковую среду ограничен, чем и объясняется отсутствие так называемого «фонологического» воспитания слуха [4].

Как известно, в процессе языковой реконструкции слушающий опирается не только на акустическую информацию, но и другие языковые знания, синтаксические правила, устойчивые словосочетания и т.д. [5]. У данной группы испытуемых эти компетенции находятся в стадии формирования. Об этом можно судить не только по результатам понимания содержания, но и по типам ошибок, допущенных при воспроизведении речевых сигналов. Анализ показывает, что испытуемые неправильно выделяют фонетически полезные признаки, испытывая давление фонологической системы родного языка. Это, в свою очередь, приводит к неверной интерпретации фонемного состава слов. Например: *branch – bunch; explored – explode; unable – enable; evolved – involved; internal – eternal*.

Испытуемые данной группы в процессе восприятия речи не доходят до этапа лингвистической интерпретации звуковой стороны речевого сообщения. В результате фразы или их части оказываются лишёнными смысла. Например:

*Art is **explored** by a branch of philosophy – Art is **explode** by a branch of philosophy;*

*Painters are **unable** to calculate the effect... – Painters are **enable** to calculate the effect...;*

*A **branch** of philosophy – A **bunch** of philosophy.*

Группа испытуемых со средним уровнем владения языком теряет примерно 20 % информации при прослушивании фраз в медленном темпе, 33 % – в нормальном темпе и 42 % – в ускоренном темпе. Ошибки восприятия, допущенные данной группой, занимают промежуточное положение между группами с высоким и начальным уровнем. Частотными оказываются случаи неверной идентификации фонемного состава слов, так же, как для групп с начальным уровнем, однако замена на другое слово осуществляется лишь в том случае, когда лингвистическая интерпретация словарного состава позволяет сформулировать понятное, осмысленное предложение. Например:

*Art can be a social **protest**. – Art can be a social **process**;*

*It's a **visual** kind of art. – It's a **usual** kind of art;*

*Art is an **internal** appreciation... – Art is an **eternal** appreciation.*

Таким образом, восприятие звучащей речи на слух носителями и неносителями языка обнаруживает некоторые качественные различия. В частности, даже при высоком уровне владения иностранным языком неносители не всегда способны распознать тонкие фонетические нюансы аллофонического варьирования, которые оказываются существенными для полного понимания высказывания. При более низком уровне владения языком слушающие порой не доходят до стадии лингвистической интерпретации речевых сигналов, что в результате приводит к искажению воспроизводимой информации. Перспективу данного исследования может составить фонетический эксперимент, направленный на определение степени резистентности слухового восприятия речи к разного рода помехам у носителей и неносителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Somatosensory plasticity and motor learning / D. J. Ostry [et al.] // *Journal of Neuroscience*. – 2010. – Vol. 30. – P. 5384–5393.
2. *Lamb, S. M. Pathways of the Brain: The neurocognitive basis of language* / S. M. Lamb. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – 416 p.
3. *Gass, S. M. Second Language Acquisition* / S. M. Gass, L. Selinker. – 3rd ed. – N. Y. : Routledge, 2008. – 612 p.
4. *Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи* / Л. В. Бондарко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. – 199 с.
5. *Кодзасов, С. В. Общая фонетика: учебник* / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.

The article deals with the differences in the nature of oral speech perception in native and non-native speakers. The phonetic experiment helped us reveal that even advanced learners of English are not always able to identify subtle allophonic variation taking place at syllable boundaries. Additionally the research allowed us to establish the nature of perception mistakes based on the level of L2 acquisition.

Поступила в редакцию 12.12.17

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**С. С. Ключенович****ПРАГМАТИКА ТЕКСТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ
КОМПОЗИТНОГО УНИВЕРБА: ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В центре исследования находятся проблемы языковой экономии на уровне формальной и семантической структуры слова в современном немецкоязычном дискурсе. Указанная компрессия содержания может стимулироваться целым рядом вне- и внутриязыковых факторов. Исследование предлагает типологию единиц номинации, возникающих в результате этого процесса, а также обращается к вопросам их интерпретации и перевода на русский язык.

Любой перевод с одного языка на другой, т.е. подбор либо создание определенной единицы, возможен только в том случае, когда завершен такой этап анализа оригинала, как интерпретация. Еще бóльшую актуальность этот тезис приобретает тогда, когда мы имеем дело с лексическими новациями, порождаемыми под влиянием прагматики текста. В таких случаях может наблюдаться как компрессия информации на уровне слова в принципе, так и установление довольно необычных смысловых отношений на межлексемном уровне.

Об актуальности семантических исследований свидетельствуют не только переиздание трудов авторитетных специалистов (Апресян, 1995; Лайонз, 2003; Колшанский, 2010), но и появление новых работ в этой области (Löbner, 2003; Grzega, 2004; Kühn, 2006; Pafel, Reich, 2016).

Рассмотрение процесса номинации в тесной связи с речевой деятельностью подводит к необходимости обратить внимание на такое языковое явление, как универбация, которую можно понимать как «выражение одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов» [1, с. 451]. Несомненно, что технология универбации исключительно ярко демонстрирует действие тенденции к экономии языковых средств в процессе коммуникации. Л. А. Бускунбаева в своей диссертации защищает положение, в соответствии с которым указанный закон является «одним из главных и необходимых для естественного функционирования и развития языка» [2, с. 4]. Впрочем, Н. С. Валгина, анализируя законы развития современного русского языка, уже несколько ранее указала на «особенно активное действие закона речевой экономии» [3, с. 12]. В настоящее время существуют также исследования германистов, где говорится о «реализации принципа языковой экономии» именно в немецких сложных словах [4, с. 372; 5, с. 8].

Механизм выбора способов номинации в языке характеризуется исключительной тонкостью, он действует не единообразно. Поэтому, например, соотносимость сложного слова и соответствующей синтаксической конструкции, устанавливаемая в парадигматическом плане, отражает лишь статическую сторону связи словосложения и синтаксиса. В тексте это всякий раз взаимодействует с фоном коммуникации, вследствие чего как раз возможны «многочисленные случаи встречаемости сравниваемых единиц в рамках одного и того же контекста», которые не могут объявляться случайным явлением. Их взаимодействие имеет не только семантическую и структурную, но и стилистическую, интенционально задаваемую направленность [6, с. 7], поскольку оно бесспорно служит реализации прагматики текста, в терминах теории речевых актов – его перлокуции.

Производные единицы номинации, возникшие в результате процесса универбации, появляются в текстовой реализации, когда сам контекст «подготавливает почву» для подобной единицы с целью наиболее адекватного выстраивания информации. Однословная цельнооформленная конструкция, обретая статус номинативного знака, чаще выполняет функцию обобщения предваряющей ее возникновения информации, но при этом еще и имплицитно указывает на ту часть семантики, которая не получает прямого внешнеформального выражения. Только через анализ контекста способны проявиться скрытые, закладываемые создателем текста значения семантической структуры композита, но для такого анализа с целью прояснения требуется «изучение всех видов окружения единицы, всех контекстных связей». Еще Г. В. Колшанский сформулировал тезис, который гласит, что статус отдельных слов «может быть определен лишь в пределах, гарантирующих однозначность функционирования этих единиц» [7, с. 5].

Итак, в ракурсе текстообразования компрессивный способ языкового именованья подразумевает, что производимые этим способом единицы способны «впитывать» дополнительные семантические компоненты, обуславливаемые контекстом [8, с. 25–28; 9, л. 83–88]. Внутренний механизм этого процесса действует так, что «подобные слова представляют собой результат свертывания (компрессии, универбации), в котором эксплицитно выраженные значения и соответствующие им материальные компоненты перешли в имплицитные, увеличив смысловую емкость сложного слова и сделав возможным появление в его структуре новых значений» [10, с. 115; 11, с. 195–197].

Представленное исследование имеет своей целью рассмотреть реализацию семантического потенциала слова, функционирующего в современном немецкоязычном дискурсе, и проанализировать трудности, возникающие на уровне интерпретации при переводе текста на русский язык.

В выборке эмпирического материала, которая была составлена на основе отбора сложных существительных из современных немецкоязычных текстов, возможно выделить, несмотря на кажущуюся формальную однотипность производных, несколько групп:

- 1) композиты, которые вобрали в себя другой композит;
- 2) композиты как контекстуальные синонимы;
- 3) композиты, значение которых генерирует контекст.

Примером первой группы может служить производное *Helmholtz-Zentren* 'научно-исследовательские центры имени Гельмгольца'. Формальное отсутствие лексемы *Forschung* в самом универбе компенсируется за счет ее упоминания в по ходу развертывания текста: *Forschungsprogramme der Helmholtz-Zentren* (HGF-InfoHeft).

По сути, имеет место оптимизация распределения лексемного материала по принципу равномерного формального представления в структуре высказывания с целью облегчения восприятия, с одной стороны, и обеспечения однозначной интерпретации – с другой.

Заслуживает внимания и следующий текст экономической тематики: *Vor diesem Hintergrund haben bereits fast alle Volkswirte ihre Wachstumserwartungen für 2009 kräftig auf im Mittel ein halbes Prozent nach unten geschraubt* (Handelsblatt). Как видим, за счет контекста ментально восстанавливается *Wirtschaftswachstum* 'экономический рост', репрезентируемое в данном случае формально лексемой *Wachstum*. Таким образом, речь идет о прогнозах относительно экономического роста страны. Думается, именно присутствие в самом высказывании агенса *Volkswirte* 'экономисты' делает избыточной формальную экспликацию названия той сферы, развитие которой они прогнозируют. По сути, языковая экономия, т.е. подразумевание именно *экономического роста*, достигается в данном высказывании за счет «перекладывания» части семантики на агенса *Volkswirte* 'экономисты'.

Еще бóльший интерес в рамках перво группы выделенных нами единиц номинации представляет универб *Klimaschutz*, где, как мы можем наблюдать, произошло своего рода «поглощение» композита *Klimawandel*. Этот словообразовательный процесс можно отобразить следующим образом:

Klimaschutz ← *Klimawandel* + *Schutz*.

Если представить это в максимально расчлененном виде, то получится такой вариант:

Klimaschutz ← *das Klima vor dem Wandel schützen*.

При любой раскладке становится очевидно, что лексема *Wandel* формально «пропадает» при образовании нового, уже более емкого в смысловом отношении универба. Верно прочесть его семантику реципиенту помогает «медийность» темы и наличие соответствующих фоновых знаний.

Актуальным вопросом, в частности и для Беларуси, является на данный момент Болонский процесс, что естественным образом отражается и в языке. Так, на круглом столе, проходившем в БГУ в октябре 2016 года, представитель Германии сказал следующее: *Belarus hat seit dem Beschluss zu seiner Aufnahme bereits einige Schritte zur Entwicklung seines Hochschulsystems für den Bologna-Prozess unternommen. [...] Aus deutscher Sicht war die **Bologna-Integration**, gerade auch in ihrer Praxis, nicht immer ohne Herausforderungen.*

Ставший устойчивым словесный комплекс *Болонский процесс* (*Bologna-Prozess*), без сомнения, емкий уже сам по себе. Однако в языке наблюдается еще большее конденсирование семантики, и словосочетание *Integration in den Bologna-Prozess* ложится в основу вторичного универба¹ *Bologna-Integration*, который можно соответственно перевести, например, как *интеграция страны в Болонский процесс*. Схематично это языковое явление можно представить в виде следующего алгоритма:

$$\begin{aligned} l_x + l_y &= uv'; \\ uv' + l_z - l_y &= uv''. \end{aligned}$$

Примечательно, что эта формула отражает лишь формальную сторону словообразовательного процесса на уровне полнозначных лексем. Семантическая же формула универба *Bologna-Integration* выглядит следующим образом: $uv'' = l_x + (l_y) + l_z$. Скобки предполагают формальную непредставленность соответствующей лексемы в структуре композита.

Также безусловный интерес вызывает немецкое производное *Sitzland*, которое употреблено в следующем текстовом фрагменте: *Ihre Grundfinanzierung erhalten die Helmholtz-Zentren zu 90 Prozent vom Bund und zu 10 Prozent von den jeweiligen **Sitzländern*** [HGF-InfoHeft]. Именно совместное упоминание в данном высказывании *Bund* и *Land* призвано натолкнуть реципиента на мысль, что речь идет об административно-региональной единице ФРГ *Bundesland* 'федеральная земля'. Дальнейший анализ контекста показывает, что емкое производное *Sitzländer* подразумевает *die Bundesländer, wo die Forschungszentren ihren Sitz haben* 'те федеральные земли, где находятся исследовательские центры'.

Параллельное использование разнотипных технологий универбации наблюдается в следующем случае: *In der Tat geht es um nicht mehr und nicht weniger als die Verabschiedung des weltweit ambitioniertesten **Energiekonzeptes**. Damit wird erstmals auch in Deutschland ein Konzept vorgestellt und heute verabschiedet, das alle Sektoren, nämlich den **Strom**, die **Wärme**, die Mobilität, die Nachfrageseite und die Angebotsseite, gleichermaßen umfasst. Dieses schlüssige, technologieoffene und marktorientierte Gesamtkonzept liefert eine Antwort aus einem Guss. (Energiekonzept < Strom- und Wärmeerzeugung) (Das Parlament, 28.10.2010)*. Как видно из приведенного фрагмента, за композитом *Energiekonzept* стоит в смысловом отношении словосочетание *Konzept der Energieversorgung*, однако ради краткости формы и в силу того, что тема контекстуально обозначена, лексема *Versorgung* элиминируется, и в результате возникает компактный, однако семантически емкий универб *Energiekonzept*. В этом плане интересно также употребление слов *Strom* и *Wärme*. Коллокация этих многозначных лексем в рамках темы энергетики уже серьезно

---

¹ Можно предложить также для обозначения подобных словообразовательных конструкций термин *универб второго порядка*.

заужает их значение, поддерживается это также и контекстуальным гиперонимом *Sektoren*. В итоге мы приходим к следующей интерпретации такого семантического конденсата, как *Strom* < *Stromversorgung* ‘электроснабжение’, соответственно, *Wärme* < *Wärmeversorgung* ‘теплоснабжение’¹. Прагматика автора вполне понятна: термины-конденсаты четче фиксируют отрасли энергетики, не «размывая» при этом емкие номинации «лишними» лексемами, а это, в свою очередь, концентрирует внимание читателя на главном. Более того, элиминация лексемы *Versorgung* позволяет не только скомпактировать высказывание, но и избежать нежелательной тавтологии (*Energieversorgungskonzept*, а через строчку: *Stromversorgung*).

В каком-то смысле аналогичным универбу *Energiekonzept* можно считать следующий пример: *Die Helmholtz-Gemeinschaft unterhält eine Außenstelle in Moskau mit folgenden Aufgaben... Das Helmholtz-Büro Moskau sitzt im Deutsch-Russischen Haus in Moskau*. По сути, процесс компактирования исходной синтаксической конструкции в словообразовательную выглядел примерно так: *das Büro der Helmholtz-Gemeinschaft* > *das Helmholtz-Büro*. Очевидно, что «автор» нового универба руководствовался, в первую очередь, намерением создать компактную назывную единицу. Подобная конденсация информации предполагает в то же время определенную тематическую посвященность немецкоязычного реципиента. А к этой категории относится и переводчик, призванный выполнять функцию межкультурного посредничества. В случае с универбом *Helmholtz-Büro* калькирование невозможно, так как возникнет грубое смысловое искажение. Поэтому необходим ментальный «возврат» к исходной конструкции (*das Büro der Helmholtz-Gemeinschaft*), а затем уже формулирование русскоязычного варианта (*представительство Объединения имени Гельмгольца*).

Вторая группа производных попала в нашу выборку в силу контекстуальной синонимии. Рассмотрим в качестве иллюстрации следующий пример из современного медийного дискурса: *Die Münchner Anklagebehörde gibt sich überzeugt, dass die Riege der Anwälte, die die Deutsche Bank gegen die Milliardenklagen von Kirch vertreten hat, die Ziviljustiz angelogen hat*. < предтекст: *Der deutsche Anwalts-Adel in der Defensive: Ex-Ministerpräsident Mappus verklagt die Kanzlei Gleiss Lutz wegen angeblicher Falschberatung. Gegen den Platzhirschen Hengeler Mueller ermittelt sogar die Staatsanwaltschaft (F.A.Z.)*.

Сама конструкция *Anklagebehörde* ‘орган, предъявляющий обвинение’ воспринимается в немецком языке не совсем однозначно, в отличие от строгого термина *Staatsanwaltschaft* ‘прокуратура’, который и предшествует

---

¹ Более подробно такой тип универбации рассматривается в работе: *Ключенович, С. С. Потенциал текста в плане конденсации семантики на уровне слова: вопросы интерпретации и перевода // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2017. – № 2 (87). – С. 70–76.*

употреблению синонима, эксплицирующего основную функцию прокуратуры (*anklagen* ‘обвинять, предъявлять обвинение’). Присутствие строгого термина в предтексте обеспечивает уверенное соотнесение с ним последующего синонима.

Пожалуй, еще более примечательным является слово *Baugeld*. Несмотря на кажущуюся простоту составляющих его лексем, интерпретация данного композита представляет определенные трудности в силу неоднозначности межкомпонентных отношений, возникающих в рамках этого универба. Анализ контекста, в котором речь идет о выделении кредитов на строительство жилья, позволяет найти синоним-термин *Baudarlehen*. Становится понятным, что введение в текст слова *Baugeld* продиктовано соображениями стилистики (желание избежать монотонности), стремлением к упрощению и языковой экономии. Соположение же композита *Baugeld* с термином *Baudarlehen* снимает проблему однозначной интерпретации.

Третья группа производных отражает ситуацию, когда контекст членит композит на компоненты альтернативно словарному значению и соединяет их заново в соответствии с замыслом текста. Рассмотрим это явление на примере универба *Exportland*, известного своим словарным значением ‘страна-экспортер’. Так, в докладе на тему малого и среднего бизнеса рассматриваются перспективы развития немецких компаний. Заголовок соответствующего слайда звучит следующим образом: *Die wichtigsten Exportländer heute und in drei Jahren*. Рейтинг стран, где отсутствует такой экспортер с мировым именем как Германия, явно настораживает. Дальнейший анализ контекста позволяет установить, что речь идет о странах-потребителях немецкого экспорта, т.е., по сути, странах-импортерах.

Описанный случай побудил нас задаться вопросом, насколько это единичное «перекраивание» словарного значения в принципе такого вполне устоявшегося термина, как *Exportland* ‘страна-экспортер’. Обращение к интернету через поисковик «Гугл» привело нас на баварский сайт, где описывалась актуальная экономическая ситуация в этом регионе Германии. В качестве заголовка к тексту фигурировало следующее высказывание: *China – zweitwichtigstes Exportland Bayerns*. Знакомство с последующим текстом, где речь шла о том, что Бавария успешно реализует свой промышленный потенциал в торговле с Китаем, позволил сделать вывод, что контекст снова изменил «вектор» семантики в двухлексемном универбе на противоположный по сравнению со словарным значением. В данном случае не допустима интерпретация по принципу ‘das Land, das exportiert’. Уместной же является следующая трактовка: ‘das Land, **in das** Bayern exportiert’, т.е., по сути, речь в тексте идет о ‘стране-импортере баварской продукции’. Как видим, в качестве ключевой смыслопередающей лексемы выступает антоним к слову *Export*. В качестве же перевода самого заголовка можно предложить, например, следующие варианты:

- а) *Китай занимает второе место в экспорте Баварии;*
- б) *Китай – второй по величине импортер баварской продукции.*

Таким образом, выборка композитных универбов, составленная на основе текстовых реализаций, свидетельствует об активности описанных словообразовательных процессов в современном немецком языке. Возникающие производные демонстрируют конденсацию больших объемов семантики, причем без обращения к фоновым знаниям или без анализа контекста интерпретация семантики композита может оказаться невозможной либо неверной.

В случае с универбами более высокого (например, второго) порядка у переводчика может возникнуть необходимость в реконструкции имевших место словообразовательных процессов с целью «восстановления» элиминированной/ых лексем(ы). По сути речь идет о прослеживании развития определенной темы и соответственно вербальной фиксации ее смысловых опор в соответствующем производном.

В случае с синонимами наподобие *Baugeld* или такими иносказаниями как *Anklagebehörde*, очевидна размытость семантики по сравнению с их строгими терминами-соответствиями. Тем не менее использование таких конструкций продиктовано прагматической ориентацией текста на разнообразие языковой репрезентации определенных денотатов либо фрагментов действительности.

«Перекраивание» семантики композита при порождении текста (*Exportland*) также отвечает определенному прагматическому замыслу: потребности в компактной номинации, привязке к тексту, фиксации внимания читателя.

Как видим, рассмотренные производные неоднородны в плане типологии их возникновения и прагматики их использования в тексте. Общим для них, однако, является следующее: их семантика формируется под влиянием типового либо уникального контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Синтетизм / В. Г. Гак // Языкознание. Большой энцикл. словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : БРЭ, 1998. – С. 451.
2. Бускунбаева, Л. А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Л. А. Бускунбаева ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 22 с.
3. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
4. Зинцова, Ю. Н. Реализация принципа языковой экономии в немецких композитах / Ю. Н. Зинцова, О. А. Орлова, Г. А. Иванова // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2(2). – С. 372–375.

5. *Ключенович, С. С.* Способы пополнения словарного состава современного немецкого языка = *Wege der Wortschatzerweiterung der deutschen Gegenwartssprache: учеб.-метод. пособие / С. С. Ключенович.* – Минск: МГЛУ, 2007. – 59 с.
6. *Поротиков, В. И.* Сложные и сложнопроизводные существительные с глагольным элементом в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. И. Поротиков. – М., 1974. – 30 с.
7. *Колшанский, Г. В.* Контекстная семантика / Г. В. Колшанский ; отв. ред. Ю.С.Степанов. – М.: Наука, 1980. – 150 с.
8. *Polenz, P. von* Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / P. von Polenz. – 2., durchges. Aufl. – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 1988. – 392 S.
9. *Ключенович, С. С.* Имена действия композитного типа в структуре текстов различных функциональных стилей немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. С. Ключенович. – Минск, 2002. – 115 л.
10. *Гильдина А. К.* Соотношение номинации и предикации в сложном слове / А. К. Гильдина // Предикативность и полипредикативность: межвуз. сб. науч. тр. ; отв. ред. Я. Г. Биренбаум. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – С. 114–120.
11. *Ключенович, С. С.* Многозначность композита как переводческая проблема / С. С. Ключенович // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 21–22 апр. 2009 г.: в 5 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2009. – Ч. 2. – С. 194–197.

The article focuses on the problems of language economy on the level of the formal and semantic word structure in modern German discourse. The above mentioned content compression can be stimulated by various extra- and intralinguistic factors. The study offers a typology of nomination units that are created as a result of this process. The article also considers the problem of interpretation and translation of these lexical units into Russian.

Поступила в редакцию 29.01.18

Л. В. Солонович

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕНСАЦИЯ ПОТЕРЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются способы лексико-стилистической компенсации потерь при переводе художественного текста на материале произведений Г. Бёлля «*Ansichten eines Clowns*», «*Das Brot der frühen Jahre*». На основе анализа исходного и вторичного текста выявлены добавочные элементы переводного текста, составляющие основу лексико-стилистической компенсации. Определены такие способы компенсации, как идиоматизация, метафоризация и стилистическая интенсификация.

Художественный текст характеризуется наличием множества лексико-стилистических средств, призванных осуществлять такую важнейшую функцию художественной литературы, как эстетическое воздействие. Эстетическое значение слова основано на экспрессивности, но выходит за ее пределы и включает метафорическую, символическую и аллюзивную семантику [1]. Среди стратегий реализации эстетического воздействия ученые отмечают использование широкого спектра таких лингвистических ресурсов, как анафоры, эпифоры, анафорические и эпифорические повторы, сравнения, метафоры, олицетворения, метонимии, языковая игра [2, с. 85]. Эстетическая функция определяется также эмоциональным воздействием конкретных знаков, в результате чего происходит восприятие читателем социального и жизненного содержания, воплощенного в художественном произведении [3, с. 43].

Эстетическое воздействие языка связано как с содержанием высказывания, так и с его оформлением. Основными средствами языкового оформления художественных текстов являются стилистические ресурсы лексики языка оригинала: средства словесной образности (тропы и фигуры речи, напр., метафора, метонимия, сравнение и др.); стилистически окрашенные языковые единицы, в том числе эмоционально-экспрессивная лексика; фразеология, поскольку фразеологизмы, как правило, выразительнее синонимичного ему слова или свободного словосочетания [4]. Важность передачи этих компонентов значения подчеркивает В. Н. Комиссаров в одной из своих работ: «Наибольшую роль в передаче коннотативного аспекта семантики слова оригинала играют его эмоциональный, стилистический и образный компоненты» [5, с. 82]. Не все указанные средства поддаются эквивалентному переводу в силу различных факторов (лингвистических, экстралингвистических, межъязыковых и межкультурных), поэтому подлежат компенсации в переводном тексте иными способами и средствами.

Стратегия компенсации является сложным языковым феноменом и может быть параллельной (компенсация в той же части текста), смежной (на некотором расстоянии от утраченного стилистического приема текста оригинала), смещенной (на значительном расстоянии) и обобщенной (текст перевода содержит стилистические приемы, которые адаптируют его для читателей) [6, с. 33–34]. Зарубежные ученые выделяют два несколько иных вида компенсации: обусловленные языковой системой и контекстом [7].

Прием компенсации используется для восполнения семантических и/или стилистических потерь средствами переводного языка в том случае, если в процессе перевода имеют место смысловые, стилистические, экспрессивные потери. В случае использования семантической (смысловой) компенсации в качестве объекта выступают такие явления, как безэквивалентная лексика, все виды реалий: географические, этнографические, исторические, фольклорные, мифологические, бытовые, общественные и т.д. При переводе террито-

риальных и социальных диалектов имеет место «замена одного выразительного средства другим» [8, с. 66], то есть используется стилистическая и экспрессивная компенсация. По мнению Л. С. Бархударова, компенсация «используется особенно часто там, где необходимо передать чисто внутрилингвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника – диалектальную окраску, неправильности или индивидуальные особенности речи, каламбуры, игру слов и пр., а также и при передаче прагматических значений» [9, с. 220]. Ученые также выделяют образную компенсацию, когда переводчик восполняет имевшую место потерю образной метафорической информации в канве речевого произведения как целого. Все указанные виды можно объединить термином *лексико-стилистическая компенсация*, поскольку она затрагивает как лексический, так и стилистический компоненты языковых единиц.

Анализ теоретических источников по проблеме компенсации показал, что основные исследования в этой области направлены на выявление классификаций и объектов компенсации. С точки зрения практической ценности целесообразным представляется выявление основных способов компенсации, которые в совокупности образуют общую стратегию лексико-стилистической компенсации.

Материалом исследования являются произведения Г. Бёлля «*Ansichten eines Clowns*», «*Das Brot der frühen Jahre*» и их русские переводы. В результате анализа фактического материала было выявлено 186 случаев использования лексико-стилистической компенсации, включающей такие способы, как идиоматизация, метафоризация и стилистическая интенсификация, т.е. использование стилистически окрашенной и эмоционально-экспрессивной лексики во вторичном тексте при ее отсутствии в оригинале. Рассмотрим указанные способы компенсации более подробно.

Идиоматизация при переводе предполагает замену слова или свободного словосочетания фразеологической единицей и является продуктивным способом лексико-стилистической компенсации, о чем свидетельствует количественный анализ материала: всего было выявлено 68 случаев компенсации посредством устойчивых выражений. Обратимся к примерам.

Компенсация посредством фразеологизмов позволяет усилить коммуникативный эффект некоторых отрывков оригинальных текстов, привести не только образность, но и эмоциональную окраску в перевод. Например: ... *denn ich wusste und sah auch* ‘... **видел воочию** ...’. В данном примере переводчик применяет фразеологизм ‘видеть воочию’, отсутствующий в языке оригинала, что приводит к эмоциональному усилению перевода.

В следующем примере переводчик также вводит в русский текст оригинала фразеологизм, который интенсифицирует данный отрывок в экспрессивном и стилистическом аспектах: ... *solcher Zimmer gibt es aber nur zwei oder gar eins* ‘... однако таких комнат бывает **раз-два и обчелся**’. Как

показывает данный пример, стилистически нейтральное *gibt es aber nur zwei oder gar eins* ‘таких комнат всего две или даже одна’ автор русского перевода использует экспрессивный фразеологизм, принадлежащий к разговорному функциональному стилю. Приемом интенсификации переводчик воспользовался и в данном примере: *Ich sah nur diesen grellgrünen Mantel* ‘Глядя **в упор** на это кричаще зеленое пальто’. Такие переводческие трансформации ведут к преломлению прагматического эффекта во вторичных текстах в сторону усиления. Использование фразеологизмов в тексте перевода, при их отсутствии в оригинале, мы можем наблюдать в следующих примерах: *und außerdem sorgt mein Agent, der meine Eigenheiten kennt, für eine gewisse Reibungslosigkeit* ... ‘кроме того, импресарио, изучив мой характер, заботится, чтобы все, так сказать, **шло как по маслу**...’. В данном примере переводчик эмоционально усиливает русский перевод, употребляя фразеологизм *idmi как по маслу* вместо стилистически нейтрального *Reibungslosigkeit*.

Фразеологические единицы, использованные в тексте перевода, могут быть стилистически либо эмоционально окрашенными: *Ich schwitzte vor Aufregung* ‘От волнения меня **прошиб пот**’ (разг. экспрес.). Стилистически нейтральное *schwitzen* ‘потеть’ заменяется разговорной идиомой ‘прошиб пот’. Такая тенденция повышает общий экспрессивный тон фрагмента текста: ... *jetzt fangen Sie wohl von der Jungfrau Maria an* (нейтр.) ‘Теперь **в ход пошла** (разг.) дева Мария’.

Метафоризация ориентирована не только на заполнение понятийных лакун и номинацию, но и на прагматический эффект, который метафора вызывает у реципиента [10]. В переводе метафоризация используется, как правило, для компенсации утраченных в процессе перевода метафорических единиц с целью придания большей образности и экспрессивности переводному тексту. Анализ фактического материала позволил выявить 45 случаев компенсации посредством метафоризации.

В примере ... *totmüde* ‘... устал как собака’ в составе лексемы исходного текста зооним отсутствует, а в переводе он используется и является характерным для носителей русского языка при обозначении идеи сильной усталости. В выражении *Du bist gemein, sagte Brielach, einfach gemein* ‘Ну и **свинья** же ты, – сказал Генрих, – просто **свинья**’ для усиления воздействия на читателя также используется зооморфная метафора, хотя в оригинале используется прилагательное ‘низкий, подлый’. Аналогичную тенденцию можно проследить в следующем примере: *Und das Frühstück, das ist gemein,...* ‘Нет, ты подумай, какое **свинство** ...’. На основе этих примеров можно сделать вывод, что у русскоязычного читателя зооморфная метафора ‘свинья’ ассоциируется с такими качествами, как низкий, подлый.

В предложении ... *dieses halbseidene Zeug, das er von der Kanzel heruntergesagt hatte* ‘... сладкая жвачка, коей он потчевал прихожан

с кафедры' обе части фразы подвергаются метафоризации, что привносит в текст перевода большую образность, однако слегка искажает смысл высказывания. Слово *halbseiden* 'сомнительный' используется здесь в переносном смысле и имеет пометку «разг. неодобр.» В русском варианте слово *жвачка* также используется в метафорическом значении 'нудное, надоедливое повторение одного и того же', однако сема 'сомнение' теряется в переводе.

В предложении *Ich bin in Bonn geboren und kenne hier viele Leute* 'В Бонне я родился, знаю здесь **каждую собаку**' выражение *много людей* метафоризируется и передается как 'каждая собака'. Данная трансформация придает высказыванию образность, однако в переводном тексте присутствует некоторая грубость, отсутствующая в оригинале.

Прием метафоризации представлен и в нижеследующих примерах:

... *der im Filmgewerbe eine große Rolle spielt* '... который слышит важной **птицей** (разг. фам.) в кино'. Немецкий вариант *eine große Rolle spielen* 'играть большую роль' нейтрален, в переводе иронически используется зооним для обозначения человека.

Образность выражения, отсутствующая в оригинале, усиливает экспрессивное воздействие высказывания перевода: *Die siebenhundert Mark, die Maries Mutter ihr hinterlassen hatte, waren nach einem Monat weg* 'Семьсот марок, которые Мария получила в наследство от матери, **растаяли** уже через месяц'. Словосочетание *weg sein* 'пропадать' заменяется образным 'растаять'. В следующем примере использование выражения *seсть за парту* во вторичном тексте вместо *ein Studium anfangen* 'начать учебу' также приводит к преломлению коммуникативно-прагматического эффекта переводного текста в сторону усиления: *ich sollte nach sechs Bühnenjahren noch ein Studium anfangen* 'но если он думает, что после шести лет работы на сцене мне следует снова **сесть за парту**'.

В отдельных случаях метафоризация используется с целью подчеркнуть чувства персонажей произведения: *Ich höre immer nur* 'Вы мне **все уши прожужжали**', где вместо лишнего образности слова *hören* 'слышать' используется образное выражение 'все уши прожужжали' и таким образом подчеркивается недовольство героя.

Метафоризация посредством сравнений и метафорических эпитетов является непродуктивным способом метафоризации в качестве компенсации. Так, эпитет в структуре метафоризации был обнаружен только в одном случае: ... *wenn ich sehe, wie jemand vergeblich versucht, gelockert auszusehen* 'Когда я вижу, что люди безуспешно подделываются под **размагниченных стилиг**'.

Метафоризация посредством сравнения встречается чаще, однако по отношению к другим лексико-стилистическим средствам ее удельный вес мал. В примере *Er war nicht schuldig, nur auf eine Weise dumm* 'Он не был

виноват, просто он всегда **как в шорах** эпитет *dumm* ‘глупый’ заменяется сравнением *как в шорах*, которое намекает на ограниченность персонажа романа.

При помощи сравнения, имеющего в своей основе лексему *маятник*, передается в переводе на русский язык равномерное многократное движение из одного направления в другое: *Sie ging vor dem Fußende des Doppelbettes auf und ab* ‘Она, **словно маятник**, ходила у изножия широкой кровати’.

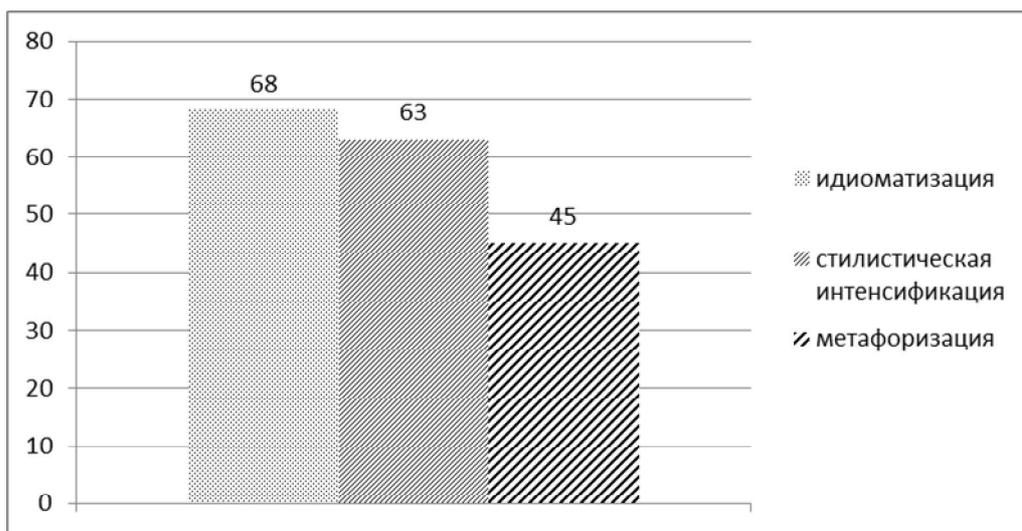
Приведем несколько примеров, когда экспрессивно-эмоциональные и стилистические характеристики слов не совпадают в оригинальном и переводном тексте. В данных примерах речь также идет о компенсации посредством стилистической интенсификации, т.е. замены нейтральных лексических единиц стилистически окрашенными. Всего в результате сопоставительного анализа исходного и вторичного текста было выявлено 63 случая указанных замен.

Ich dachte auch an die Gossen, in denen ich einmal liegen würde ‘Я думал также о канаве, в которой со временем буду **валяться**’. Нейтральное слово *liegen* ‘лежать’ заменено экспрессивным ‘валяться’ (разг.), что усиливает воздействие фрагмента переводного текста.

... *die jüdischen Yankees* ‘... пархатые янки’. Дословный перевод выражения ‘еврейские янки’. В переводном тексте используется вульгаризм, в то время как в оригинале подобная стилесема отсутствует. В данном случае добавочная коннотация формирует у читателя отрицательное отношение к евреям и подчеркивает негативное отношение к ним героя.

Стилистическая интенсификация может реализовываться посредством добавления одного или нескольких компонентов значения. В предложении *Ich bin nicht seßhaft* (нейтр.) ‘По натуре я **бродяга**’ (разг.) фиксируется добавочный стилистический компонент, а именно разговорный ранг слова в переводном тексте. В примере *Was ist nun mit meinem Bruder?* (нейтр.) ‘А как там мой **братец?** (экспрес.)’ экспрессивность достигается за счет использования уменьшительно-ласкательного суффикса во вторичном тексте. Словообразовательные средства как способ достижения экспрессивности переводного текста отмечены и в следующих примерах: *Was machte diesen lebenswürdigen Mann* (нейтр.), *meinen Vater* ‘Что делало моего отца, милейшего **старичка**’. *Diese Leute* (нейтр.) *verstehen nichts*. ‘**Людишки** (экспрес.) эти ничего не смыслят’. Оценочность, отсутствующая в исходном тексте, также имеет место при переводе: *die gedankenlosen* (нейтр.) *Hunde* ‘**тупоголовым** (разг. фам. презр.) животным’.

Из приведенных примеров следует, что стилистическая интенсификация наряду с идиоматизацией и метафоризацией является продуктивным способом компенсации потерь и обусловлена утратой стилистических и эмоционально-экспрессивных компонентов значения в процессе перевода. Детальный анализ способов лексико-стилистической компенсации представлен в виде диаграммы (рисунок).

Способы лексико-стилистической компенсации

Таким образом, наиболее активными языковыми средствами в процессе лексико-стилистической компенсации являются фразеологические единицы и стилистически окрашенная лексика, а наиболее продуктивным способом компенсации – идиоматизация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева, Е. Н.* Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина) [Электронный ресурс] / Е. Н. Матвеева // *Игорь-Северянин : король поэтов.* – Режим доступа : <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii3.html>. – Дата доступа : 08.01.2017.
2. *Дацко, Д. А.* Способы реализации стратегии оказания эстетического воздействия на читателя [Электронный ресурс] / Д. А. Дацко // *Филол. науки. Вопр. теории и практики.* – 2013. – № 11. – Ч. 2. – Режим доступа : www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/20.html. – Дата доступа : 08.01.2017.
3. *Гаибова, М. Т.* Прагмалингвистический анализ художественного текста : учеб. пособие / М. Т. Гаибова. – Баку : Азерб. гос. ун-т, 1986. – 85 с.
4. *Жеребило, Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 485 с.
5. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода: лингвистические аспекты : учебник / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 250 с.
6. *Циркунова, С. А.* Использование приема компенсации при переводе игры слов / С. А. Циркунова // *Перевод: традиции и современные технологии : сб. статей / под ред. И. И. Убина.* – М. : Всерос. центр пер. науч.-техн. лит. и док., 2002. – С. 32–41.
7. Thome, G. Methoden des Kompensierens in der literarischen Übersetzung / G. Thome // *Kultur und Übersetzung, methodologische Probleme des Kulturtransfers / Hrsg. G. Thome, C. Giehl, H. Gerzymisch-Arbogast.* – G. Narr Verlag, Tübingen, 2002. – S. 131–154.

8. *Рецкер, Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2007. – 237 с.
9. *Бархударов, Л. С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отн., 1975. – 239 с.
10. *Телия, В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М., 1988. – Режим доступа : http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. – Дата доступа : 10.10.2015.

The article deals with the ways of lexical-stylistic compensation of losses when translating a literary text on the material of H. Böll's works "Ansichten eines Clowns", "Das Brot der frühen Jahre" and their translations into Russian. Based on the analysis of the original and secondary texts, additional elements of the translated text which form the basis of lexical-stylistic compensation were identified. Such methods of compensation as idiomatization, metaphorization and stylistic intensification were defined.

Поступила в редакцию 17.01.18

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**М. В. Чернышевич****АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ
АВТОМАТИЧЕСКОГО СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗА ТЕКСТА**

В статье рассмотрены некоторые аспекты решения задачи автоматического сентимент-анализа текста, сглажены терминологические разногласия, формально определена структура мнения, включающая наиболее важные с точки зрения конечного пользователя компоненты, определены основные требования к качественному решению целевой задачи.

Мнения, эмоции и сентименты выражают психическое состояние людей в зависимости от влияния разных обстоятельств и предметов окружающего мира. Их можно разделить на позитивные (радость, счастье, привязанность и пр.), негативные (печаль, гнев, страх и пр.) и нейтральные. Мнения и эмоции являются важной частью общения, которые во многом обуславливают действия людей.

Хотя компьютерная лингвистика и обработка естественного языка (ЕЯ) имеют богатую историю, автоматический анализ мнений в тексте стал предметом активных исследований только в последнее десятилетие. Для этого есть несколько причин. Во-первых, данный анализ имеет широкий спектр коммерческих применений и, прежде всего такого, как предоставление обратной связи от клиентов к производителям продуктов и услуг, а бизнес-потребности всегда провоцируют высокую мотивацию для исследований и экспериментов в соответствующей области. Во-вторых, технический прогресс и современные информационные технологии сделали возможным генерацию, сбор и обработку большого количества данных, требуемых для эффективного решения задачи и широко представленных, в первую очередь, в социальных сетях в виде мнений и оценок пользователей о поставляемых продуктах (товарах) и оказываемых услугах.

Так как обозначенная задача является относительно новой в сфере автоматической обработки ЕЯ, то в связанной с ней терминологии в различных источниках все еще наблюдаются разночтения. Так, общепринятыми переводами оригинального термина *sentiment analysis of text* на русский язык являются ‘анализ эмоциональной окраски текста’ или ‘анализ тональности текста’. Достаточно широко используемым стал и вариант ‘сентимент-анализ текста’.

Анализ эмоциональной окраски текста – задача автоматического анализа мнений и эмоциональной лексики, выраженных в тексте [1]. Цель решения данной задачи – это, прежде всего, распознавание эмоционально окрашенных фрагментов текста и далее распознавание объектов (собственно объектов, фактов, процессов, событий и т.п., их атрибутов и свойств), в отношении

которых в анализируемом тексте высказано субъективное мнение, и формирование их по определенным критериям оценки. При этом общее описание задачи сентимент-анализа в существующей литературе неоднозначно и это во многом обусловлено тем, что в качестве центральной единицы сентимент-анализа в разных источниках рассматриваются такие разные категории, как мнение, оценка, эмоции или чувства автора сообщения.

Рассмотрим подробнее понятия мнения и оценки.

Согласно Н. Д. Арутюновой, оценка – это признак значимости отдельного объекта для субъекта. Автор дает следующее определение: оценка – «это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [2]. Таким образом, оценка является абстрактной категорией и реализуется в языке в виде оценочного предложения.

Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение понятия *мнение* (о фактах, событиях, лицах) – это суждение, выражающее чью-нибудь субъективную точку зрения, субъективное (личное) отношение к чему-нибудь [3].

Таким образом, с точки зрения задачи АСАТ, которая в первую очередь предполагает распознавание субъективного отношения автора к объектам окружающего мира, понятия оценки (оценочного предложения) и мнения являются в какой-то степени эквивалентными.

Нет однозначного мнения и о структуре оценки. Так, например, Т. В. Маркелова предлагает выделять в структуре оценки четыре основных компонента: субъект, объект, характер оценки и основание [4, с. 10].

Субъект оценки – индивид, приписывающий ценность определенному объекту путем выражения оценки, исходя из эмпирического опыта и общепринятых норм.

Объект оценки – предмет окружающего мира, по отношению к которому дается оценка.

Характер оценки – выражение определенного отношения между субъектом и объектом. Это отношение может быть определено категорией, как положительное или отрицательное, или позицией на шкале оценок, состоящей из зоны положительного и зоны отрицательного. Высказывание посетителя ресторана “*The ice cream in this restaurant was amazing!*” ‘Мороженое в этом ресторане было изумительным’ содержит положительную оценку (положительный характер оценки), близкую к максимальному значению на шкале оценок.

Основание оценки – это компонент высказывания, который выражает ее суть и является реальной основой оценочной конструкции.

Помимо обязательных элементов, структура оценки предполагает и наличие факультативных. К ним относят аксиологические предикаты мнения, ощущения, восприятия, а также мотивировки, различные средства интенсификации и деинтенсификации [5, с. 12].

В области прикладной лингвистики, сложилось немного иное представление оценки (мнения). Так, у Б. Лью [6, с. 19] оно состоит из следующих компонентов.

Entity – объект, по отношению к которому высказано мнение. Он может относиться к одному или к целому классу объектов реального мира, процессов, ситуаций и т.д. В качестве объектов чаще всего выступают продукты, услуги, люди, организации, события или любой объект конкретного обсуждения.

Всякий объект действительности, выступающий в роли предмета оценки, обладает не определенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств и компонентов, каждый из которых может в свою очередь оцениваться. В то время как Т. В. Маркелова не разделяет объект и его свойства на отдельные категории [4, с. 10], Б. Лью разграничивает свойства и характеристики объекта в особые компоненты оценки – аспекты объекта [6, с. 19]. Так, в предложении *This phone has great camera* ‘У этого телефона отличная камера’ можно выделить объект *phone* и аспект объекта *camera*.

Value – оценка, высказанная в мнении, также – тональность мнения. Оценка может быть категориальной, то есть относиться к одной из определенных заранее категорий, например, положительная, негативная или нейтральная. Кроме того, оценка может ранжироваться по некоторой шкале, например от 1 до 5, с заданным шагом. В данном случае значение оценки будет указывать на ее интенсивность от крайне негативной (1) до крайне позитивной (5).

Holder – автор или источник мнения.

Time – время, когда мнение было высказано.

Заметим, что представленная выше структура Б. Лью относится к понятию «мнение», в то время как близкая к ней структура, рассматриваемая Т. В. Маркеловой, – к понятию «оценка» [6, с. 51]. У Б. Лью эта категория также присутствует, но только как один из компонентов мнения (*value*), указывающий на тональность отношения между субъектом и объектом. Такие и другие различия в терминологии, как показывает анализ, действительно существуют в рассматриваемой задаче, что, как правило, характерно на начальных этапах развития той или иной области научных исследований. Мы в данной работе полагаем эквивалентными, во-первых, понятия мнения, эмоции и сентимента, а во-вторых – понятия оценки и тональности. Такая позиция ближе к позиции Б. Лью, о чем, собственно, подтверждает сформулированная нами цель решения задачи АСАТ, то есть мы исходим из того, что это решение, как эффективное, должно строиться на строгом структурном формальном представлении содержащихся в текстах мнений (эмоций, сентиментов) и распознавании, прежде всего, их тональности (оценки) и объектов (включая отдельные аспекты), в отношении которых высказано мнение. При этом тональность мнения в итоге может быть представлена либо теми же лексическими единицами, которые распознаны в оценочном предложении

в качестве таковых, либо, что характерно именно для современного подхода к решению указанной задачи, формализована на основе предварительной классификации тональности мнений.

На примере небольшого отзыва проиллюстрируем приведенные выше категории: *I bought an iPhone a few days ago. The touch screen is cool. But the camera resolution is really disappointing. 10.02.2017* ‘Я купил iPhone несколько дней назад. Отличный сенсорный экран. Но разрешение камеры разочаровало’.

Текст данного сообщения содержит несколько предложений, описывающих впечатление пользователя о телефоне. Предложение (1) содержит только фактическую информацию. Предложения (2) и (3) содержат мнение автора об отдельных аспектах телефона. Таким образом, это мнение, которое мы условно обозначим C , содержит следующие компоненты: субъект мнения h – сам автор сообщения, объект мнения o – телефон *iPhone*, аспекты объекта a – *touch screen* и *camera resolution*. Тональность v мнения по отношению к аспектам объекта разная: позитивная по отношению к *touch screen* и негативная по отношению к *camera resolution*.

Описанный опыт был получен пользователем в определенную дату t , вероятно, довольно близкую к дате публикации сообщения.

Таким образом, в компьютерной лингвистике принято рассматривать мнение в виде кортежа из пяти компонентов (субъект, объект, аспект, тональность, время):

$$C = (h, o, a, v, t),$$

где h – субъект, o – объект, a – аспект, v – тональность, t – время.

Если проанализировать вышеперечисленные компоненты мнения с точки зрения поставленной задачи АСАТ, то следует отметить, что такие компоненты, как субъект (автор) и время, во-первых, часто не имеют четкого формального выражения в тексте, а, во-вторых, не столь актуальны для массовых приложений, поэтому они остаются за рамками нашего анализа. Таким образом, наиболее важными компонентами мнения в рамках поставленной задачи являются: объект, его аспекты и тональность:

$$C = (o, a, v).$$

Определенная нами структура мнения предопределяет также ряд подзадач, решение которых необходимо в рамках комплексной задачи АСАТ:

- 1) распознавание эмоционально окрашенных текстовых фрагментов (оценочных предложений);
- 2) определение и категоризация объектов и их аспектов (характеристик), о которых высказывается мнение;
- 3) оценка тональности мнений по отношению к объектам и аспектным терминам в соответствии с разработанной шкалой.

За последнее десятилетие было проведено большое количество исследований и предложены различные методы решения данных подзадач,

которые условно можно разделить на две основные группы: построенные на использовании лингвистических правил (шаблонов, паттернов) и вероятностно-статистические методы.

Первые предполагают разработку экспертами специальных паттернов, учитывающих взаимосвязи слов внутри предложения. Во многих работах, например [7; 8; 9], правила применяются к структуре текста, полученной в результате его морфологической и синтаксической предобработки. Кроме этого, обычно требуется разработка большого количества таких лингвистических ресурсов, как словари тонально-окрашенной лексики, словари характеристик и параметров объектов и др.

Вторая группа методов основана на использовании различного рода частотных характеристик текста [10; 11], построении вероятностных моделей [13], машинном обучении с учителем [14; 15; 16; 17]. Эти методы предполагают наличие заранее размеченной коллекции (корпуса) текстов, на которой происходит обучение моделей.

Проведенный анализ показал, что каждая из указанных выше групп методов, наряду с достоинствами, обладает определенными недостатками, которые либо затрудняют, либо делают даже неэффективным их использование в промышленных системах обработки текстовых документов. Так, методы, основанные на лингвистических правилах, наиболее трудоемки по сравнению с методами в рамках других подходов, однако при хорошем наполнении тональных словарных списков и покрытии паттернами различных способов выражения сентимента по отношению к объекту, они позволяют достичь хороших качественных показателей. Недостаток этих методов, помимо их трудоемкости, в том, что довольно трудно «покрыть» правилами все возможные способы выражения целевых отношений в ЕЯ, и таким образом данный подход показывает обычно невысокую полноту, но высокую точность решения задачи.

Методы на основе машинного обучения демонстрируют сегодня наилучшие результаты при решении многих задач автоматической обработки ЕЯ. Кроме того, важным преимуществом является универсальность этих методов по отношению, прежде всего, к ЕЯ и типу решаемой задачи сентимент-анализа текста, обучение непосредственно на текстовых единицах, без необходимости создания широкого пространства признаков и разработки лингвистических ресурсов. К недостаткам статистических методов можно отнести необходимость аннотирования большого корпуса текстов для тренировки и тестирования модели. Кроме того, существующая сложность внутренней структуры классифицирующих моделей делает процесс интерпретации результатов здесь слабо контролируемым. Наконец, классификатор, обученный на текстах одной предметной области, может не «справляться» со своей задачей для текстов из другой предметной области.

В целом проведенный анализ показал, что современное качественное решение комплексной задачи АСАТ, пригодное для использования в промышленных системах обработки текстов, может быть построено на основе

комбинированного метода решения задачи, объединяющего технологии машинного обучения и экспертных лингвистических правил. Кроме того, необходим достаточно глубокий лингвистический анализ текстовых документов, включающий, кроме грамматического и синтаксического, также семантический уровень их анализа. Именно семантический анализ обеспечивает высокую степень унификации фактов, выраженных различными синтаксическими конструкциями, и по этой причине позволяет распознавать самый широкий спектр аспектов тональности и самой тональности в соответствии с гибкой шкалой.

Система АСАТ должна выявлять оценочные высказывания в текстах произвольной предметной области и источников с высокими показателями полноты и точности работы. Для этого необходимо разработать модули фильтрации недостоверных мнений, коррекции слов, не соответствующих нормам ЕЯ, разграничения фактической и субъективной информации. Кроме того, промышленная система должна быть универсальной (легко адаптироваться) по отношению к различным языкам и индивидуальным особенностям языка субъекта.

Таким образом, в данной статье сглажены некоторые существенные с точки зрения поставленной задачи терминологические разногласия, все еще существующие в рассматриваемой предметной области, формально определена структура мнения, включающая наиболее важные, с точки зрения конечного пользователя, компоненты, определены основные требования к качественному решению целевой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pang, B.* Opinion mining and sentiment analysis / B. Pang, L. Lee // Foundations and Trends in Information Retrieval. – 2008. – Vol. 2. – С. 1–135.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука – 1988. – 337.
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ «Технологии», 2003.
4. *Маркелова, Т. В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т. В. Маркелова. – М. : МПУ, 1993. – 125 с.
5. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / В. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 246 с.
6. *Liu, B.* Sentiment Analysis and Opinion Mining / B. Liu // Morgan & Claypool Publishers. – 2012. – 180 с.
7. *Khan, A.* Sentiment classification from online customer reviews using lexical contextual sentence structure / A. Khan, B. Baharudin, K. Khan // ICSECS 2011 : Software Engineering and Computer Systems. – 2011. – С. 317–331.
8. *Паничева, П.* Система сентиментного анализа АТЕХ, основанная на правилах, при обработке текстов различных тематик / П. Паничева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – 2013. – С. 101–113.

9. *Bancken, W.* Automatically Detecting and Rating Product Aspects from Textual Customer Reviews / W. Bancken, D. Alfarone, J. Davis // Proceedings of DMNLP workshop at ECML/PKDD. – 2004. – C. 1–16.
10. *Hu, M.* Mining and summarizing customer reviews / M. Hu, B. Liu // Proceedings of ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD-2004). – 2004. – C. 168–177.
11. *Long, C.* A review selection approach for accurate feature rating estimation / C. Long, J. Zhang, X. Zhu // Proceedings of Coling 2010: Poster Volume. – 2010. – C. 766–774.
12. *Ku, L.* Opinion extraction, summarization and tracking in news and blog corpora / L. Ku, Y. Liang, H. Chen // Proceedings of AAI-CAAW'06. – 2006. – C. 100–107.
13. *Popescu, A.-M.* Extracting product features and opinions from reviews / A.-M. Popescu, O. Etzioni // Proceedings of Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP-2005). – 2005. – C. 339–346.
14. *Chernyshevich, M.* IHS R&D Belarus: Cross-domain Extraction of Product Features using Conditional Random Fields / M. Chernyshevich // Proceedings of the 8th International Workshop on Semantic Evaluation (SemEval 2014). – Ireland. – 2014. – C. 309–313.
15. *Patra, B.G.* JU_CSE: A Conditional Random Field (CRF) Based Approach to Aspect Based Sentiment Analysis / B. G. Patra, S. Mandal, D. Das, S. Bandyopadhyay // Proceedings of the 8th International Workshop on Semantic Evaluation (SemEval 2014). – Ireland. – 2014. – C. 370–374
16. *Irsoy, O.* Opinion Mining with Deep Recurrent Neural Networks / O. Irsoy, C. Cardie // Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). – Doha, Qatar. – 2014. – C. 720–728.
17. *Socher, R.* Recursive deep models for semantic compositionality over a sentiment treebank / R. Socher, A. Perelygin, J. Wu, J. Chuang, D. Manning, A. Y. Ng, C. Potts // Proceedings of Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Stroudsburg, PA. – 2013. – C. 1631–1642.

The article explores some aspects of sentiment analysis, resolves terminological ambiguities, defines the formal structure of an opinion that includes the most important for the end-users components and sets the requirements for a sentiment-analysis system of high quality.

Поступила в редакцию 22.11.17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И. В. ДаниленкоСУБЪЕКТ ИСТОРИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ МЕТАРОМАНЕ
ДЖОНАТАНА ЛИТТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»

В статье исследуется статус категории субъект истории в историографическом метаромане Д. Литтелла «Благоволительницы». «Нарративный переворот» в историографии, с одной стороны, нивелирует роль субъекта истории до дискурсивной функции, превращая его в интерсубъект, а с другой – в силу процессуальности исторического нарратива – утверждает право любого субъекта истории участвовать в его создании, выступая в роли историографа. По мере растворения истории Второй мировой войны (объекта изучения) в личной истории повествователя (изучающего субъекта) происходит сращивание субъектно-объектных отношений самого исторического нарратива, который, утрачивая свои последние привязки к референциальному объекту (истории войны), уступает место вымышленному нарративу (истории героя).

Одной из ключевых проблем исторического знания является определение сущности и парадигмальных аспектов *субъекта истории*. Следует сразу оговорить, что данная категория имеет двойное толкование. Под ней понимается, во-первых, субстанциональная основа истории, а именно, осуществляющие сознательную деятельность коллективные и индивидуальные участники исторического процесса (социальные группы и отдельные индивиды), т.е. человечество или человек вообще (Г. В. Ф. Гегель, В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин, М. Блок, Ф. Бродель, В. Е. Николаев, Н. А. Мининков). Во-вторых, субъект истории определяется как «индивид, познающий внешний мир (объект) и воздействующий на него в своей практической деятельности» [1, с. 634] и соотносится в этом толковании с личностью историка, объектом познания для которого служит история. При этом, следует иметь в виду, что познающий субъект (историк) не просто не отделим от человеческой истории, но представляет собой выражение самой ее сущности на любом из этапов осмысления, сохраняя при этом свойственную субъекту индивидуальность и особенность.

Двойственность толкования категории «субъект истории» делает вполне оправданным существование в исторической науке своеобразной дихотомии, рассматривающей человека в качестве объекта и субъекта исторического знания одновременно. Практика историописания в классической историософской традиции прочно связывается с двумя его составляющими: «опыт истории» и «опыт историка». Первая предполагает существование исторической реальности в качестве объекта исследования, под второй составляющей предусматривается субъективный опыт исследователя (О. В. Боровикова, О. А. Верещагин, И. С. Скворцов).

Данная практика историографии подверглась ревизии во второй половине XX в. в связи с кризисом рационалистической мировоззренческой

модели гуманитарного знания и завершением универсалистского макро-исторического проекта. Оригинальные суждения «новых историцистов» (Х. Уайт, С. Гринблатт, Л. Госсман) об обновлении содержания понятия «опыт истории» позволяют говорить о появлении «новой философии истории», границы которой (по причине отсутствия внетекстовой реальности прошлого) определяются исключительно границами нарратива. «Новые историцисты» вышли на новый уровень анализа исторического прошлого – метауровень, или уровень истории сознания. История сознания, по их мнению, должна изучаться путем последовательной нарративизации, в ходе которой историку приходится встраиваться в существующую традицию историописания, т.е. участвовать в формировании интертекста истории, утверждая тем самым ее процессуальность. Признание процессуального характера истории свидетельствует, с одной стороны, о завершении универсалистского проекта истории, а с другой – об утрате традиционным субъектом истории прежнего незыблемого положения в пространстве культуры. Свободное разрастание интертекстуальной среды, которая в силу своей открытости способна порождать все новые и новые смыслы, рассеивает целостную историческую картину мира на частные микроистории, составляющие интертекст истории. Вместе с тем, согласно утверждению О. А. Верещагина, «новому субъекту присуща осознанная забота о сохранении “себя” в пространстве интертекста. Он осознает, что должен суметь сохранить творческую индивидуальность в пространстве теорий, подходов, нормативов языка ...» [2, с. 11].

Нарративные установки постмодернизма, обусловившие становление новой историософской парадигмы, изменили константы и принципы как научного, так и художественного историописания. В художественной литературе целям и задачам современного познания истории отвечает жанр *историографического метаромана* (Л. Хатчеон). Проблема статуса субъектно-объектных отношений в создании картины исторического прошлого, будучи одной из самых приоритетных в историописании, находит осмысление на разных уровнях историографического метаромана (эстетическом, поэтическом, лингвистическом). Историографический метароман перерепрезентирует историю в соответствии с нарративными установками постмодерна, которые, с одной стороны, нивелируют роль субъекта истории до дискурсивной функции, но, с другой – утверждают право любого субъекта истории участвовать в создании исторического нарратива в силу его процессуальной природы. Обращаясь к историческим событиям, автор историографического метаромана получает возможность работать не столько с исторической правдой, сколько с правдой человеческой, ибо первейшая его забота – это достижение художественной правды, подразумевающей «правду вымысла, правду характера героя, истину общечеловеческую» [3, с. 18]. Что же касается исторической правды, то она в историографическом романе зачастую ставится под вопрос, подвергается сомнению, переосмысливается в свете постистории. Целью постмодернистского осмысления исторического

прошлого является стремление разобраться в происходящих событиях, отыскать связь настоящего с прошлым, понять глубинные причины крупнейших катастроф человеческой истории XX в. – войн, революций, геноцида и т.д.

Вопросы, связанные с осмыслением роли и статуса субъекта истории, приобретают в последние годы небывалую актуальность в связи с обострением политической напряженности и ростом локальных конфликтов в разных точках земного шара, а также стремлением отдельных политиков и стран переписать или даже переkreить историю.

Одним из наиболее заметных историографических метароманов во французской литературе последнего времени, поднимающим проблему субъекта истории, является роман Джонатана Литтелла «Благоволительницы» (Jonathan Littell. *Les Bienveillantes*, 2006). Наряду с тем, что роман «Благоволительницы» в 2006 г. получил высшие премии в области французской литературы (Гонкуровскую премию, Большую премию Французской академии и премию «Лучшая книга года (2006)»), он также вызвал бурные дебаты не только во французском обществе, но и за рубежом. Дискуссия вызвана главным образом непривычной для цивилизованного сознания точкой зрения рассказчика. Повествование, изложенное на 900 страницах дневника-исповеди, ведется от лица военного преступника – обер-штурмбаннфюрера Максимилиана Ауэ, одного из участников карательных операций СС на территории Восточной Европы (бывший Советский Союз, Венгрия, Польша), курировавшего «окончательное решение еврейского вопроса», деятельность концлагерей и т.д. По масштабности охваченных автором событий, глубине осмысления исторической и человеческой проблематики книгу сравнивают с «Войной и миром» Л. Толстого, «Преступлением и наказанием» Ф. Достоевского¹, «Жизнью и судьбой» В. Гроссмана и другими значительными произведениями мировой литературы.

Очевидно, что выход в свет столь резонансной книги – явление отнюдь не случайное для современного общества. Возникновение в литературе образа палача, рассказывающего от первого лица свою жуткую историю, некоторыми критиками оценивается как явление достаточно закономерное. Так, К. Энграо, доктор исторических наук, заместитель директора института современной истории Франции, отмечает: «Послевоенный период был эрой победителей, а 80-е годы становятся эпохой жертв. В течение последних лет мы, с одной стороны, являемся свидетелями своеобразного соперничества жертв, рассказывающих самые разные истории, а, с другой стороны, общество уже пресыщено откровениями подобного рода. В связи с этим правомерным будет предположение о том, что успех данного произведения, возможно, открывает новую страницу коллективной памяти – эру побежденных» [4]. Д. Виар – специалист по современной французской литературе –

---

¹ Прилепин, З. Д. Литтелл. Благоволительницы // Новая газета. – 2012. – № 3. – 16 янв.; <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/01/15/47714-takih-knig-klassika-esche-ne-znala>.

полагает, что взгляд на события со стороны палача подготовлен предшествующими произведениями, затрагивавшими эту тему: «Смерть мое ремесло» (1952) Р. Мерля, «Лесной царь» (1970) М. Турнье, «Пора мачете» (2003) Ж. Хацфельда и др. [5]

Сам Д. Литтелл, комментируя причины своего обращения к столь болезненным темам, как геноцид и Холокост времен Второй мировой войны, утверждает, что мысли о войне преследовали его с детства: «Когда я был ребенком, по телевидению ежедневно передавали сводки об операциях американских войск во Вьетнаме. Мне было лет 8–9, но мысль, что однажды и меня призовут сражаться туда, стала для меня настоящим кошмаром» [6].

Детские опасения Д. Литтелла оказались весьма стойкими и обоснованными. Отчасти поэтому, 15 лет спустя, он устремляется на объятые огнем войны Балканы, чтобы своими глазами увидеть, что такое война. Там он вступает в ряды гуманитарной организации «Движение против голода» («Action contre la faim») и сотрудничает с ней на протяжении 7 лет, посещая с гуманитарными миссиями места, где возникала напряженность: Боснию, Чечню, Афганистан, Конго, Москву и т.д. В 2001 г. он прекращает гуманитарную деятельность и всецело погружается в работу над своим будущим романом. Прежде чем сесть за написание текста, Литтелл на протяжении двух лет знакомится с письменными документами и киноархивами Второй мировой войны, раскрывающими тему геноцида и Холокоста, документами судебных процессов, административными и военными указами, историческими исследованиями. Он посещает такие известные места преступлений нацизма, как Киев, Харьков, Пятигорск, Сталинград, Освенцим, Белжец и др. Результатом этой подготовительной работы становится пронизывающий реализм романа на грани «чувственной документалистики», воспроизводящей звуки, вкусы, запахи, зримые образы.

Но какой бы натуралистичной не была изображаемая в романе реальность, за ней всегда скрывается нечто недоступное изображению. Это и есть та самая загадка, которая вечно будет порождать интерпретации в поисках ответа на вопрос: «Почему человек, группа людей, нация становится палачом?» Чтобы это понять, «единственным средством было влезть в шкуру палача. А палачей я знал по опыту. Я близко общался с ними», – вспоминал Литтелл [7, с. 68]. Сам автор вне текста романа не дал никакого ответа на данный вопрос. Однако Ирак, Гуантанамо, Сирия и личный опыт Литтелла свидетельствуют о том, что этот вопрос продолжает быть актуальным и в XXI в., потому что «сегодня мы сами отчасти являемся палачами» [Там же], когда вынуждены делать выбор между добром и злом или проявлять пассивность, безразличие, оказываясь перед моральным выбором. Устами своего персонажа Д. Литтелл утверждает: «Конечно, война завершена. Урок усвоен, такое больше не повторится. Но неужели вы и вправду уверены, что урок усвоен? И войны не будет? В определенном смысле война не закончится никогда» [8, с. 14].

Требование новой историографии максимально приблизить историю к человеку, показать, что история является уделом каждого, а война оказы-

ваются гораздо ближе современному человеку, чем это может показаться на первый взгляд, заставляет Д. Литтелла выбрать в качестве субъекта «собственной истории» обыкновенного человека со своими достоинствами и недостатками, до которого однажды добралась война. Ничто из довоенного образа жизни персонажа-повествователя по имени Макс Ауэ не предвещало того, что ему доведется стать военным преступником. Умный, образованный, чувствительный молодой человек из буржуазной семьи франко-немецкого происхождения (отец – немец, мать и отчим – французы), ставший доктором юриспруденции, прекрасно знающий философию, литературу, музыку. В основе личной драмы персонажа, его многочисленных разладов с собой и окружающими, лежит загадочное исчезновение отца вскоре после возвращения с фронтов Первой мировой войны. Запрятав детскую драму глубоко внутрь, Макс Ауэ признается: «подобно большинству людей, я вовсе не хотел становиться убийцей. Я уже упоминал, что если бы мог, занимался литературой. Имей я талант, писал бы, а нет – преподавал бы, лишь бы жить в покое, окруженным прекрасными, лучшими творениями человеческого духа» [8, с. 31]. Однако в начале войны Макс Ауэ был мобилизован, а «вокруг царило нечто невообразимое, ужасы, зверства» [8, с. 34]. При этом, главному герою не пришлось лично убивать на войне по причине того, что он с первых дней войны попал в командный состав. В его задачи входили рационализация и логистическое обеспечение преступлений Третьего рейха, в частности СС. «Я наблюдаю и ничего не делаю» [8, с. 154], – так описывает Макс Ауэ свое отношение к происходящему вокруг него. Конечно, ему приходилось время от времени брать в руки оружие, но исключительно пистолет и только в целях физической или психологической самозащиты.

Наблюдая то, как нацистская военная машина уничтожала тысячи невинных людей, Макс Ауэ отнюдь не терзается чувством вины. Герой Литтелла находит оправдание происходящему в самой абсурдности существования, лишенном всякого смысла, в философских рассуждениях о несовершенстве человека и мира. Все оправдания Макса Ауэ носят внеличный, сверхдетерминированный характер, словно от людей и даже конкретного человека в определенной ситуации ничего не зависит. Одни из них выполняли приказы, другие эти приказы составляли, третьи – лишь заботились о благе тех и других. Таким образом, главный герой, выглядит лишенным всякой субъектности, при том, что он считает себя исключительным, подчеркивает свой индивидуализм при каждом удобном случае, страдает от сугубо личных драм и фантазмов. Субъект истории без признаков субъектности, палач без лица, действующий не по своей воле. По мнению Литтелла, именно «человек без свойств» (Р. Музиль) и является творцом современной истории, ибо «без Хёсса, Эйхмана, Гоглидзе, Вышинского, без стрелочников на железных дорогах, производителей бетона и бухгалтеров в министерствах какой-нибудь Сталин или Гитлер были бы всего лишь бурдюками, полными ненависти и бесплодных мечтаний о могуществе» [8, с. 30]. И вполне понятна неодобрительная позиция немецких и американских критиков

в отношении романа Д. Литтелла. В послевоенные годы было потрачено немало усилий на необходимость выработки нравственного подхода в восприятии и оценке катастрофических событий Второй мировой войны, а герой романа Литтелла отказывается признавать свое чувство вины, утверждая: «если вы родились в стране или в эпоху, когда никто не только не убивает вашу жену и детей, но и не требует от вас убивать чужих жен и детей, благословите Бога и ступайте с миром. Но уясните себе раз и навсегда: вам, вероятно, повезло больше, чем мне, но вы ничем не лучше» [8, с. 29]. Вкладывая в уста своего персонажа столь провокационные слова, Литтелл отнюдь не стремится его оправдать или вызвать к нему эмпатию. Изображая жуткие реалии цивилизованного общества, Д. Литтелл, подобно Э. Золя в свое время, указывает на проблемы и опасности этого общества, на бедственное состояние его морали и сознания.

Литтелловская интерпретация «преступления и наказания» критически переосмысляет сегодняшний подход к «историописанию» с его тенденциями к ревизионизму, оправданию тех военных преступлений, которые были направлены против коммунистического режима и т.д. Проблемы нравственного выбора в условиях тоталитарных режимов как-будто не существует, сопротивление отдельной личности не только не принимается в расчет, но выглядит полным абсурдом. Душераздирающим повторением одних и тех же сцен уничтожения ни в чем не повинных людей автор подчеркивает то, как послушны жертвы, как послушны марионеточные исполнители приказов, которые отданы кучкой обезумевших маразматиков. И практически никому из жертв или исполнителей чужой воли и в голову не приходит мысль о сопротивлении. Подводя итог увиденному, Макс Ауэ приходит к ужасающему откровению: «государственная машина ... существует лишь потому, что все одобряют ее существование, даже – и довольно часто до последней минуты – ее жертвы» [8, с. 34]. Возможно, поэтому столь спокойна и уверенна манера исповеди Макса Ауэ – «винтика» этой обезличенной государственной машины, ставшего жутким порождением этой же машины, убившего без видимых причин пять человек в самом конце войны, не представлявших для него никакой угрозы. И если в начале войны, в условиях массовых расстрелов еврейского населения, а затем – геноцида в концлагерях, Макс Ауэ эмоционально и физически страдает от того, что ему приходится наблюдать, то со своими персональными жертвами он разделяется холодно и бесстрастно. Создается впечатление, что образы отвлеченных жертв заставляют переживать главного персонажа больше, чем непосредственный и хорошо знакомый ему противник. Это обстоятельство наводит на мысль о полной утрате им какой бы то ни было чувствительности и умения сопереживать. Годы службы, проведенные в условиях необходимости «исполнения долга» и «участия в операциях», не прошли бесследно, и в конце романа он предстает бесчувственным палачом, напроць лишенным сострадания даже к своему лучшему другу – человеку, неоднократно спасавшему ему жизнь. Скорбным лейтмотивом этих пяти бессмысленных

убийств звучат слова доктора Вертса, встретившегося ему в Освенциме: «даже те, кто в начале убивают исключительно из чувства долга, со временем входят во вкус» [8, с. 573].

Д. Литтелл создает образ современного палача, которому вследствие прихотливой воли самого автора пришлось в данном конкретном случае выступить в роли субъекта истории, а в другой раз на его месте может оказаться любой другой, ибо, как утверждает автор устами своего героя, «угроза – особенно в смутные времена – кроется в обычных гражданах, из которых состоит государство. По-настоящему опасны для человечества я и вы» [8, с. 31]. На этот раз Макс Ауэ представляет свою версию белых пятен истории, оказавшихся до сих пор недоступными для историков вследствие отсутствия у них «технической» возможности докопаться до глубинной сути современного варварства.

Воссоздавая реальность событий, Д. Литтелл ничего не забыл: ни нового ощущения историзма, ни особых проявлений мифологизма и психологизма, ни стереотипичности представлений современного человека об истории, а также его культурной детерминированности. Автор попытался достучаться до каждого читателя, так выстроив архитектуру своего романа, что читатель любого уровня подготовленности и эрудиции, приблизится к пониманию заложенных в нем смыслов.

Реальность фигуры субъекта истории достигается с помощью добротной исторической фактографии. Однако несмотря на огромное количество различных подробностей, фактов, деталей, этот роман нельзя отнести к реалистическим, поскольку реализм Литтелла – это реализм искусственный, тщательно скроенный и сшитый таким образом, что в нем без особого труда распознается «интертекстуальный продукт», текст культуры. Роман писателя – это диалог с интеллектуалом, начитанным, эрудированным, готовым к трансгрессии и выходу за пределы устоявшихся мировоззренческих представлений. Пытаясь приблизить читателя к «своему субъекту истории», автор начинает роман с приглашения поиграть в ставшие сейчас популярными психологические ролевые игры, участники которых в зависимости от жеребьевки вынуждены играть ту или иную роль: на этот раз читатели оказываются в роли палачей, участвующих в бесчисленных казнях и бесчеловечных экспериментах. Далее игра с культурными и идейными представлениями продолжается, затрагивая такие болезненные темы европейского сознания, как нацизм, коммунизм, коллаборационизм, геноцид, Холокост. Предлагая читателю все новые и новые сцены и образы, автор как будто пытается проверить, что мы знаем об описываемых исторических событиях, а заодно и убедиться в прочности наших представлений и убеждений.

Как уже отмечалось, несмотря на нарочитый реализм и даже натурализм в изображении исторических событий Второй мировой войны, роман «Благоволительницы» сложно отнести к романам реалистического типа. Многие критики романа (Л. Данилкин, С. Зенкин, Д. Лисин, Ж. Нива, З. Прилепин, J. Delorme, D. Viart) утверждают, что автор впитал в себя

лучшие традиции французской реалистической литературы, испытав заметное влияние таких великих мастеров французской литературы, как Стендаль и Флобер с присущей им глубиной и основательностью изучения человека и общества, а также создателей модернистской трансгрессивной прозы Селина, Бланшо, Батая, Киньяра, Беккета, которые исследовали «сумеречные», пограничные состояния человеческой психики и общественного сознания. Не следует пренебрегать и влиянием таких авторов, как Сад, Бодлер, Жене, одними из первых прибегнувших к эстетизации зла во французской и мировой литературе.

Д. Литтелл оказался весьма чувствительным и к русской культурной традиции, не случайно свою статью, посвященную выходу романа «Благоволительницы» на русском языке, известный литературный критик С. Зенкин назвал «Джонатан Литтелл как русский писатель». За время путешествий по России и Украине Д. Литтелл выучил русский язык, а сама идея романа возникла, по утверждению автора, когда он в один из своих приездов в Россию, увидел пронзительную фотографию повешенной Зои Космодемьянской. Литтелл неоднократно цитирует в романе русских классиков, в особенности Лермонтова, который вызывает особую симпатию у его персонажа.

Литтелловский субъект истории – фигура сложная, болезненно-двойственная, в полной мере отражающая противоречия современного сознания, что потребовало от автора использования соответствующих приемов ее воплощения в ткань романа. Игровая, карнавальная составляющая исторических событий и иррациональные поступки главного героя (общепринятая для историографического метаромана техника) усиливаются к концу романа, где история и частное существование персонажа приобретают трагифарсовую окраску. Потеряв почву под ногами из-за рушащегося привычного мира, в котором Макс Ауэ успел освоиться за четыре года службы в СС, он совершает необъяснимые поступки один за другим: устраивает сумасшедшую оргию в доме своей сестры, стреляет в старика, великолепно играющего Баха в церкви, кусает Гитлера за нос во время вручения награды, избавляется от своего единственного друга. История событий Второй мировой войны словно отступает на второй план, уступая место мрачной фантазмагии событий личной жизни героя романа. Создается ощущение, что он в бессильной ярости жестоко мстит истории за уничтоженную жизнь, разрывая тем самым последние эмоциональные связи, которые наполняли эту жизнь хоть каким-то смыслом. Совершив цикл (или описав параболу), повествование заканчивается возвращением к индивидуальной судьбе персонажа: история палача, благодаря Благоволительницам, проявившим к нему снисхождение, превращается в историю «кружевщика», плетущего кружево истории (прядение и ткачество являются античными метафорами основы бытия, а текст (*textum* с лат. ‘ткань, результат прядения’)). Многочисленные литтелловские метафоры-загадки, равно как и игровые провокации, рассыпанные по всему тексту романа, заставляют читателя с критической насторожен-

ностью отнести к простодушным утверждениям антигероя романа «Благоволительницы», который, подобно библейскому змию, искушает человека безнаказанностью за зло и отступничество.

Трансгрессивность субъекта истории в романе Д. Литтелла создает у читателя непривычное ее восприятие: от возмущенного неприятия до скрытого оправдания. По мере растворения истории Второй мировой войны в личной истории персонажа происходит сращивание субъектно-объектных отношений самого исторического нарратива. Он исчезает, утрачивая свои последние привязки к референциальному объекту (истории войны), и его место занимает вымышленный нарратив (история героя): субъект становится объектом исследования, расшатывая тем самым традиционную дихотомию субъектно-объектных отношений историописания и усиливая его метатекстуальную составляющую. Такая модель истории нашла свое закрепление в историографическом метаромане, который не может претендовать на историческую объективность, поскольку представляет собой эстетизированную с позиций постмодернизма картину прошлого. Однако ценность такой модели заключается в создании плюралистичной и гетерогенной картины постистории, дающей современному читателю ощущение, порой весьма некомфортное (как в данном романе), собственной причастности к истории. Несмотря на критическую субъективацию исторического нарратива, формальную монологичность изложения, роман нарочито диалогичен благодаря широкой интертекстуальности и интермедиальности, составляющим его композиционную структуру (музыка, кино, литературные реминисценции, миф, философия, география, этнография, военное дело и.д.). Д. Литтеллу удается не только создать особый тип «субъекта истории», но и достичь многоуровневости, полифонизма в осмыслении всем известных вопросов Второй мировой войны, выведения их в плоскость современной рецепции и осмысления, придания им сущностного, мифологического звучания при одновременном сохранении присущего им своеобразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философия: энциклопедический словарь / под. ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
2. *Верещагин О. А.* Субъект истории в постмодернистской парадигме : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 09.00.11 / О. А. Верещагин ; Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2007. – 28 с.
3. *Орлова, Н. Н.* Основы теории литературы: учеб. пособие / Н. Н. Орлова. – М. : МГОУ. – 2016. – 134 с.
4. *Les Bienveillantes, roman à controverse.* Interview par Claire Devarrieux et Natalie Levisalles [Ressource électronique] // *Libération.* – 7 novembre 2006. – Режим доступа : http://www.liberation.fr/evenement/2006/11/07/les-bienveillantes-roman-a-controverse_56610. – Дата доступа : 23.11.2017.

5. Viart, D. Les prix, sismographes de la vie littéraire [Ressource électronique] / D. Viart // Libération, 9 novembre 2006. – Режим доступа : http://liberation.fr/evenement/2006/11/09/les-prix-sismographes-de-la-vie-litteraire_58310/. – Дата доступа : 17.04.2016.
6. Crom, N. J. Littell. Les Bienveillantes [Ressource électronique] / N. Crom // Télérama. – № 2954. – 18 août 2006. – Режим доступа : <http://www.telerama.fr/livres/les-bienveillantes,15891.php>. – Дата доступа : 14. 10. 2017.
7. Зенкин, С. Джонатан Литтелл как русский писатель / С. Зенкин // Иностранная литература. – 2008. – № 12. – С. 67–73.
8. Литтелл, Д. Благоволительницы / Д. Литтелл. – М. : Ad Marginem Press, 2013. – 800 с.

The article focuses on the status of the historiographic category *subject of history* (historian, narrator) in Jonathan Littell's novel «The Kindly Ones». Postmodernist textual practice initiates a new kind of the subject of history that uses both the well-known historical data and their transgression decentering the historical picture (object) and the position of the historian (subject) itself.

Поступила в редакцию 17.01.18

В. Г. Минина

МОТИВ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РОМАНЕ Г. СВИФТА «СВЕТ ДНЯ»

Статья посвящена рассмотрению наименее изученного в русскоязычном литературоведении романа «Свет дня» современного британского писателя Грэма Свифта. Произведение относится к исповедально-философскому жанру, о чем свидетельствуют открытый и доверительный характер повествования, равно как и эпистемологические вопросы бытия, выбора, ответственности и предопределенности, поднимаемые героями. Мотив предопределенности, магистральный в романе, является фокусом исследования. Автор анализирует фаталистические мотивы произведения, рассматривая вмешательство иррационального и необъяснимого в повседневную жизнь героев.

Проза современного британского писателя Грэма Свифта (р. 1949) отличается исповедальным характером. Его герои склонны к саморефлексии, в которой обретают очищение и успокоение, познают истину о себе и мире.

Различные грани творчества писателя уже не раз становились объектом научного анализа (диссертации Е. В. Колодинской, О. В. Дорониной, Е. Г. Сатюковой, Е. Г. Петросовой, С. А. Стринюк), где рассматриваются вопросы национальной идентичности, специфика историографической метапрозы, концепт «английскость», характер в субъективном повествовании. Корпусом данных в основном выступают романы: «Владелец кондитерской» («The Sweet Shop Owner», 1980), «Водоземье» («Waterland», 1983), «Последние распоряжения» («Last Orders», 1996), «Завтра» («Tomorrow», 2007). Роман «Свет дня» («The Light of Day», 2003) оказался менее изученным.

Роман начинается словами: *Что-то с нами случается. Переступаем черту, открываем дверь, которой раньше не замечали. Этого вообще могло не случиться, мы могли так и остаться в неведении* [1], которые задают тон всему произведению. Ситуация «с нами случается что-то, что вообще могло не произойти» становится лейтмотивной в романе.

Такой же оказывается и фраза помощницы главного героя: *Что-то на тебя нашло, Джордж* [1]. Она звучит как в начале, так и в конце романа – подобная кольцевая структура указывает на определенную ловушку, в которую попал герой. Он словно ходит по кругу, пытаясь разобраться, как же он здесь оказался. Разбросанные по роману реплики: *да, он рехнулся; он не в своем уме; как будто меня тянет магнитом* [и др.] становятся индикаторами присутствия некой сторонней силы, лишаящей рассказчика воли и подталкивающей к не свойственным ему поступкам. Но в этом метафорическом кольце, или скорее воронке, в которую его затащило, оказались и другие герои романа, совершающие иррациональные поступки, которых от них никто не ожидал: бывший полицейский, радетель порядка, влюбляется в преступницу; примерный семьянин разрушает крепкий брак, просуществовавший более двадцати лет; учительница и переводчица, живущая в респектабельном и дорогом районе Лондона, убивает своего мужа; хорватская беженка, которую из жалости приютили в доме, уводит у хозяйки мужа. Автор показывает, что разум уступает место иррациональному и необъяснимому, эмоции берут верх. В интервью Г. Свифт признается, что он очень эмоциональный писатель, которым движут эмоции, а не интеллект: «Я хочу писать романы, которые можно почувствовать» [2]. В другом интервью писатель уточняет: «Эмоциональная сторона литературы для меня гораздо важнее. Я хочу, чтобы мои читатели приобрели опыт, я хочу, чтобы текст их затронул. И если литература не ведет к истине, она должна вести к сочувствию и состраданию» [3, р. 177].

Фабула романа, на первый взгляд, кажется простой, и ее можно свести к нескольким предложениям: действие разворачивается в 1997 г., когда частный детектив Джордж едет на могилу Боба Нэша, убитого два года назад женой Сарой за связь с хорваткой; беженку Кристину Нэш приютили в своем доме – ее пожалела Сара и уговорила мужа дать ей кров, тем самым, привела в дом искушение; после кладбища Джордж направляется в тюрьму к Саре, которую успел полюбить, когда она была его клиенткой. Роман представляет собой смешение жанров, но во многом это детективный роман. Ричард Брэдфорд отмечает, что автор использует инструментарий именно этого жанра «для более честного размышления над природой человека» [4, р. 107]. Но что делает это произведение поистине глубоким, драматичным, а заодно и таким трогательным, нежным и преисполненным света, так это воспоминания Джорджа о событиях двухлетней давности: вновь и вновь перебирает он в своей памяти все эпизоды того времени – бережно и с глубокой нежностью, словно держит в руках хрупкий цветок, который вот-вот осыплется.

Эти воспоминания потому так дороги Джорджу, что именно в то время он встретил женщину, которую по непонятной, необъяснимой и какой-то глубинной причине ему сразу захотелось защитить, уберечь от всего злого, заключить в свои объятия и никогда не отпускать. Чем-то ее приход в детективное агентство затронул его за живое – то ли это была полная незащищенность перед изменой мужа, то ли уязвимое положение и роль жертвы, сидящей в офисе частного сыщика и нанимающего его проследить за влюбленной парой. Но с подобным бывалый сыщик встречался не раз, сколько женщин перебивало на том месте, где сейчас сидела Сара; нет, в этой встрече было что-то другое: родственные души, невидимые нити, связавшие их или, может быть, вся жизнь, которая вела их обоих к этой встрече. После ухода Сары из офиса, какая-то сила подтолкнула Джорджа к окну, его влекло к ней: *Чуть погодя я подошел к окну – может, увижу, как она переходит улицу. Словно простым взглядом рассчитывал уберечь от того, чтобы слепо сунуться под чьи-нибудь колеса. И вот она – стоит посреди улицы, застряла на островке безопасности. Солнце освещает голову. Перешла на ту сторону и двинулась налево, мимо цветочного магазина Джексона, крепко сжимая ремешок сумочки. <...> Но никогда раньше я такого не делал – никогда не смотрел на них в окно [1].*

Именно тогда у Джорджа в голове промелькнула мысль: *Что-то случается. «Нашло», – так мы говорим [1].* Это что-то словно витало в воздухе – эфемерное, необъяснимое, появившееся не по воле героев, но ведущее их и управляющее судьбами, подталкивая к неким поступкам, предопределяя их дальнейшую жизнь. *Я тоже чувствую, что-то в нем носится, носится в воздухе [1], – удивляется герой.* Мы согласны с Р. Брэдфордом, который пишет, что в романе ощущается вмешательство чего-то неординарного, даже фантастического, которое проникло в рутинную жизнь пригорода Лондона [4, р. 179].

Читатель чувствует, что героев ведет судьба. После первого своего прихода в агентство Джорджа Сара могла изменить свои планы, отказаться от решительного шага и передумать вести слежку за мужем, что в практике Джорджа происходило не раз. Да и прощаясь с ним после первой встречи, она выглядела какой-то уж слишком неуверенной и, казалось, что женщина уже не раз пожалела, что посвятила кого-то постороннего в свою семейную трагедию. *Я, может, никогда бы ее больше не увидел, – говорит герой, – никогда бы не узнал всю историю и не стал бы ее частью, если бы не маленькая моя персональная страсть (и вдруг открывшийся талант). Не только острый глаз и тонкий нюх – еще и разборчивый вкус. Я неплохо готовлю. Даже самому себе [1].* Этой страстью оказалась готовка: и Сара, и Джордж оказались хорошими кулинарами, вот они и встретились снова, на этот раз в супермаркете, выбирая покупки. Встречу в магазине герой называет решающим совпадением: *Она приходила ко мне, но могла еще все отменить. А теперь уже не отменит. К тому же ты чувствуешь момент, когда открывается дверь. Входишь в чью-то жизнь [1].* За них обоих все

уже было решено: и их встреча, и переплетение судеб и то, что произошло. В романе много сослагательного наклонения, недосказанных фраз: *А если бы я не сказал; Он не был бы там, где сейчас. И она бы не была* [1], но, как известно, история не любит сослагательного наклонения и прошлого не изменить.

То, что Саре и Джорджу давно было уготовано встретиться, подтверждает даже фотография пятилетней Сары, которую Джордж нашел в ее вещах: *И сделана она была в ателье моего отца – его штамп на обороте – на Чизлхерстхай-стрит в пятьдесят каком-то году (она жила тогда совсем рядом – в Петтсвуде)* [1]. Герой так отреагировал на этот эпизод: *Надо же, лежит и ждет своего часа* [1]. Эпизод с фотографией подпадает под описание литературного критика Н. Реннисона, который отмечает, что все романы Г. Свифта посвящены изучению способов, каким образом прошлое, как личное, так и общественное, продолжает отражаться в настоящем [5, р. 128]. Лишь наметившееся в прошлом соприкосновение судеб героев начинает реализовываться в настоящем.

Эффект предопределенности достигается и тем, что с самого начала романа читатель уже знает развязку – Сара убила мужа, ее приговорили к тюремному заключению. Это знание финала в очередной раз свидетельствует о том, что говорит автор: что должно было случиться, случилось. Но произошло это тоже как будто не случайно. Не то чтобы Сара планировала убийство своего мужа, ненавидела его и желала ему смерти. Она обратилась к частному детективу с просьбой проследить за мужем и любовницей в день ее возвращения домой, в Хорватию: Сара хотела убедиться, что Кристина на самом деле улетит одна, без Боба. Только этим моментом она и жила, что будет дальше, не знала, да и ничего не планировала. Женщина была одержима одной целью: узнать, что произойдет в аэропорту. А как им с мужем быть дальше, когда он вернется домой – так далеко она не заглядывала, словно понятия «потом» ни для кого из супругов не существовало.

Как ни парадоксально, но хоть Боб и изменял Саре, снял для любовницы отдельную квартиру и жил там с ней, но у Сары было иллюзорное представление, что все еще может закончиться хорошо. Вопреки всему она надеялась на благополучный исход – на возвращение мужа домой. К приезду Боба из аэропорта она приготовила его любимое блюдо, накрыла праздничный стол, зажгла свечи, откупорила вино, принарядилась сама и села ждать. Вот как описывает ее Джордж, увидев сразу после трагедии: *Тепло. Запах стряпни, восхитительной стряпни, обволакивающий тебя, как объятия. <...> В углу стол со свечой. <...> Прическа, косметика – для праздника, для торжества. Жемчужное ожерелье, узкое черное платье. Я никогда ее такой не видел. Готовой для любви* [1].

Что касается Боба, то он возвращался домой совершенно в другом настроении. Влюбленность в Кристину настигла его неожиданно: *когда это случилось – как бы оно ни случилось, – на него точно поезд налетел... Да, наверняка это сшибло его с ног* [1]. Опять автор показывает, что человек действует не по своей воле, а все уже решено, спланировано до него. Теперь

же некая невидимая рука ведет его, подталкивает к запланированным кем-то поступкам. Ведь не остановить двигающийся на тебя поезд, человек слишком слаб, мал и бессилён перед его мощью. Поэтому метафора Свифта о поезде так сильна. Писатель демонстрирует то, чему невозможно было противостоять.

Супруги Нэш, которые счастливо и спокойно прожили вместе двадцать четыре года, договорились, что Боб проведет со своей молодой любовницей три недели, после чего она улетит к себе домой. То есть все участники любовного треугольника заранее определили, когда и каким будет конец. Для мистера Нэша это условие, эта конечность и ограниченность счастья были сопоставимы со смертью – по крайней мере, смертью некой его части. Можно говорить том, что он знал о своей смерти, пусть не физической, а эмоциональной, пусть не так, как это случилось на самом деле, но он ее не просто предчувствовал, он словно шел ей навстречу. Однажды Боб сказал жене о Кристине: *Я не могу без нее жить* [1]. И это была не просто фигура речи, это была правда.

Еще в аэропорту Джордж, наблюдая за расстающейся влюбленной парой, почувствовал это: *Но это была беда для него, мука. Хуже всего, что он мог вообразить. Было яснее ясного: она улетала, чтобы найти себя. Никаких сомнений. А он терял себя. Уже был похож на одну из этих потерянных душ – на транзитного пассажира, каких встречаешь в аэропортах. Нет своего угла* [1]. Таким потерянным «транзитным пассажиром» Боб возвращался домой. По дороге из аэропорта он почти спровоцировал аварию: *Зажегся красный свет; между Бобом и светофором не было ни одной машины, только ярдов пятьдесят дороги. Но он не притормозил, наоборот – в первый раз внезапно ускорился. В первый раз понесся как лихач. <...> Боб нажал на акселератор, потому что увидел возможность. Голову даю на отсечение. Потому что увидел: автофургон вот-вот перегородит улицу точно стеной. Ошибка? Не заметил красного света, думал о другом? Нет. Я тренированный наблюдатель. Наблюдать – моя специальность. Он нарочно ускорился, он знал, на что идет* [1]. Беспристрастно, как истинный детектив, во всех деталях рассказчик повествует, что Боб искал смерти, хотя в этот раз он ее избежал.

Боб не сразу поехал к жене, сначала он направился на съемную квартиру, где они жили с любовницей, как раненое животное, которое ползет в свое логово зализывать раны. Выходя оттуда, *он двинулся к калитке, ничего не видя <...>. Казалось, мог пройти и сквозь меня. Полное впечатление, что уже не человек, а призрак* [1]. Джордж говорит о нем следующее: *Я думаю, он проделал три мили до Уимблдона, понимая, что это в последний раз* [1]. В данном эпизоде автор в очередной раз подчеркивает, что герои предчувствуют уготованную им участь и безропотно следуют туда, куда их ведет судьба.

В таком настроении обреченности и конца (*Он остался – оставил себя, считая за мертвого* [1]) Боб вернулся домой, где его ждала уже не любимая им женщина, где вкусно пахло приготовленным ужином, где от него ждали

поступков, а он был не способен что-то предпринять: *А он и правда улетел вместе с ней [Кристиной]. Все равно, что улетел. Был не здесь, а там, с ней, наверху (Сара, думаю, тоже это увидела). В спасительной вышине. Здесь, внизу – только его безжизненное тело* [1]. Для описания состояния Боба автор использует короткие отрывистые фразы – они как неравномерное дыхание человека, который находится в крайне эмоциональном, даже загнанном, состоянии, и сердце у него отчаянно колотится.

Эффект, на который так рассчитывала Сара, не достигнут. Ее желание, чтобы дома было все, как прежде, тщетно. Ни манящий запах теплого ужина, ни теплая домашняя атмосфера, ни прелесть красавицы-жены на эту тень, в которую Боб превратился, не подействовали. У призраков нет чувств: их обоняние не улаживают запахи, глаза не радуется красота. Эффект оказался противоположным: герой еще острее почувствовал, насколько все здесь чужое и далекое, будто из другой жизни: и дом, и жена, и их брак, и запах ужина. *Что такое запах? – размышляет рассказчик. – Он приходит откуда-то издали, из давнего времени. Он должен делать свое дело вопреки всему. Он должен через ноздри послать сигнал желудку, чтобы овладеть органом, который находится рядом с желудком. Но у Боба словно бы не осталось ничего внутри – опустошен, выпотрошен. И она это видит. Он, может быть, надеялся спастись, вернуть себе жизнь. Вот почему он здесь. Волшебная палочка, волшебное зелье. Что такое запах? Но поздно – он слишком далеко зашел. И она это видит. А что у нее в руке? Отнюдь не волшебная палочка. Она это видит. Он знает, что она это видит. Он знает даже, что не спастись сюда пришел* [1]. Подобное акцентирование запаха является аллюзией на прустовское печенье «Мадлен», цепь ассоциаций, которые переносили героя романа «По направлению к Свану» в его счастливое и беззаботное детство. Но горькая ирония анализируемого романа такова, что в данном случае чуда не произошло. Давно знакомые запахи не вернули призрака к жизни: внутри у Боба все выгорело, и он сам понимал, что пришел сюда не в поисках утраченной жизни, а ради обретения окончательного покоя.

И тут происходит то, к чему Боб стремился весь вечер: *Кто к кому движется? Оба они друг к другу. Ни он не мешкает, ни она. Как будто фильм крутят назад: жертва бросается навстречу удару, который ее сразил. Трюк, прием. <...> Участвовало двое. На него тоже что-то нашло. И, разумеется, она без всякой практики, без тренировки <...> безошибочно нашла точку – ту самую, единственную. Не целясь, не примеряясь – без промаха, даже ребро не задела. Что-то берет над нами власть. Что-то словно вело ее руку. Да, она это сделала. Схватила нож. Это случилось. Ни она не могла заранее знать, ни он. Этого никогда не знаешь. Пятилетняя девочка в ателье моего отца, у вазы с цветами* [1].

Данная ситуация перекликается с рассказом Ромеша Гунесекеры (р. 1954) «Дикая утка» («Wild Duck», 1992). Отец собирается взять сына-подростка на утиную охоту и мысленно представляет себе предстоящие

события: *Last Sunday he had taken his rifle apart, cleaned and oiled every inch of it. At that time the teal, with his victim among them, would have taken to the skies: bird and bullet propelled towards each other by some inner compulsion. <...> the intersection of the two flight paths – bullet and bird – was preordained in their two lives, it was only a matter of inking in the lines. He felt a delicious sense of destiny.* ‘В прошлое воскресенье он расчехлил свое ружье, почистил и смазал его. В то же самое время стая птиц, и жертва среди них, взлетела в небо: птица и пуля стремились друг к другу волей некоего необъяснимого влечения. <...> пересечение двух полетов – пули и птицы – было заранее предопределено, и встреча двух жизненных путей неумолимо приближалась. Он чувствовал сладкий вкус судьбы’ (Перевод мой. – В. М.) [6].

Таким же образом, как птица и пуля, сошлись Боб и нож, словно эта встреча была предопределена. Как и в рассказе «Дикая утка», в данном романе также присутствуют две траектории, которые в определенный момент должны были пересечься. Читатель не может избавиться от чувства неизбежности и фатальности в судьбе героев: весь вечер Боб предчувствовал неминуемую гибель и добровольно стремился к ней. Что касается Сары, то ее роль словно второстепенна – на первый план выходит нож, который утрачивает традиционную роль орудия убийства, ибо становится полноценным участником событий; не Сара управляет ножом, а нож ведет ее за собой – писатель намеренно рисует картину смены субъекта, коим теперь становится нож, а не Сара. Именно Боб и нож – два главных игрока в этой сцене, это им судьбой уготовано встретиться. Кто содействует этой встрече – не суть важно. Таким образом, Г. Свифт создает некую перевернутую, или «зеркальную», реальность: жертва не убегает, а, наоборот, идет навстречу гибели, исполнитель подчинен воле орудия убийства. Происходит также обмен ролями: в жертву писатель превращает именно Сару, которая оказалась вовлеченной в предначертанную судьбой встречу Боба и ножа. Благодаря этому эффекту читатель оказывается на стороне Сары, у которой впереди не только долгое тюремное заключение, но и раскаяние без возможности получить прощение и обрести успокоение. Дело не в том, простил бы ее Боб или нет (снова читатель сталкивается с условным наклоном), но способна ли она сама простить себя.

Детектив Джордж не раз задумывается над вопросом, почему он ничего не предпринял, чтобы предотвратить трагедию, ведь он ее предчувствовал – за этим также стоит провидение: *А я просто следовал за ним [Бобом] до угла, смотрел, потом уехал. Он не был бы там, где сейчас. И она бы не была* [1]. Возможно, он интуитивно чувствовал, что не в состоянии помешать тому, что должно было произойти.

Примечателен эпизод, когда Сара принесла Джорджу фотографии своего мужа и его любовницы, чтобы тот впоследствии смог их узнать: он молча их рассматривал, представляя, в какой момент были сделаны снимки – до или после начала романа, кто был по ту сторону объектива, какие чувства испытывали и «модели», и фотографы. Джордж пытался разобраться, что

свело этих людей вместе. Сара тоже склонилась над фотографиями – именно их она принесла, почему? Других не было или она не захотела взять иные – отчетливый снимок мужа и немного расплывчатый любовницы? У Джорджа в голове промелькнула мысль: *Но я знал (я так думаю), что на уме у нас обоих. Вот они на моем столе – как отобранная пара. А мы с ней арбитры. Подходят они друг другу? Чета? Так ли предопределено?* [1] Автор сам использует это слово *предопределено*. Но кому и что предопределено – Саре и мужу, мужу и любовнице или Саре и Джорджу? Или, как показывает сам Г. Свифт, каждому предрешено, но что-то свое. Стоит привести комментарий М. Какутами о том, что Г. Свифт «медленно раскрывает все скрытые мотивы и импульсы, которые объединяют жизни» [7] главных героев. В дискуссиях о произведении высказывалось и такое мнение, что автор повествует в романе о «жизнях, которые кто-то контролирует» [8].

Ощущение перста судьбы не покидает Джорджа, он непрерывно прокручивает в голове события двухлетней давности и задается вопросом: *Как мы выбираем? Просто встречаемся, расходимся, идем своими дорогами. Тут ни законов, ни правил* [1]. Можно добавить: по крайней мере, ни законов, ни правил, контролируемых людьми. Не единожды герой задумывается, *как быть, если жизнь ставит что-то на твоём пути? Отрицать? Зажмуриться, повернуться спиной? Сделать вид, что ошибся дверью? Это не мне, это кому-то еще... Как это бывает? Как мы выбираем? Кто-то входит в нашу жизнь, и мы уже не можем жить без него. Но жили же раньше... <...>. Но как это бывает? Мы говорим: созданы друг для друга, предназначены друг для друга. Когда я был мальчиком, <...> моя бабушка Нора часто говорила: «Для каждого мальчонки есть своя девчонка»* [1]. В этом высказывании бабушки героя и скрыт тот смысл, который вложил сам писатель: каждому свое. Все герои Г. Свифта, словно марионетки: они подвластны воле дергающего за ниточки кукловода. В подтверждение хотелось бы привести слова М. Какутами, который пишет, что «поднимая вопрос выбора, Г.Свифт тем самым подчеркивает ту роль, которую иррациональное играет в нашей однообразной повседневной жизни» [7].

Российский литературовед С. А. Стринюк констатирует, что познающий, страдающий и сомневающийся человек – одна из главных тем в творчестве Г. Свифта [9]. Как нам видится, именно таким и предстает рассказчик романа «Свет дня». Повествование от первого лица в произведениях современных писателей – это всегда «сосредоточение внимания на судьбе отдельной личности и ее повседневных буднях, глубокий и утонченный психологизм, тенденция к субъективному повествованию» [10, с. 3], – указывает Т. А. Полуэктова. Преимуществом повествования такого типа выступают более доверительные «отношения» между рассказчиком и читателем. Проза же становится исповедальной и рефлексивной. Откровенный и доверительный характер повествования, с одной стороны, и размышления о бытии, выборе, ответственности, предопределенности – с другой, позволяют отнести роман «Свет дня» к исповедально-философскому жанру.

Исследователь Х. Ли дает похожую характеристику героям Г. Свифта: они терзаемы вопросами, на которые нет ответов: об истории, прошлом, любви, ответственности [11].

Говоря об исповедальном характере современного английского романа, О. Джумайло отмечает: «Спецификой исповедально-философского романа на современном этапе становится интерес к комплексу эпистемологических вопросов, обращенных к осмыслению жизненного опыта как опыта боли и ранимости. Фиксация на физическом и психологическом (часто трансгрессивном) переживании боли вырастает из представления о насилии, случайности, катастрофичности бытия и трагической хрупкости человека» [12, с. 354]. Именно такими хрупкими и незащищенными перед лицом судьбы и предстают герои романа Г. Свифта. Сделав свой выбор, пусть неосознанный и вынужденный, они обречены на неизбежную боль, бесконечное самобичевание, маниакальное прокручивание в голове момента трагедии, которое перерастает в навязчивую идею.

Стиль романа отличается сдержанностью и лаконизмом, но эта книга не отпускает читателя и после прочтения. Есть в ней что-то магическое – как на уровне содержания, так и стилистики. Дж. Вуд пишет, что «удовольствие от книги, нежно лелеемое, вызревает со временем, но оно учит искусству медленного и внимательного чтения, совершенствуясь вместе с повествованием. Даже у плоского объекта есть углы. То тут, то там читатель замечает, с какой тщательностью Свифт подбирает слова для своего рассказчика. Так появляется мимолетный лиризм» [13]. Размышляя в одном из интервью о своей творческой манере, Г. Свифт признается: «Мое понимание письма в том, что мы имеем дело с чем-то, что находится за пределами слов. Слова не есть самоцель творчества. Они служат для передачи чего-то. Именно по этой причине лучшие слова – это те, которые наименее заметны, потому что они прозрачны. Сквозь них видны чувства» [2].

Таким образом, роман «Свет дня» – пример современного исповедально-философского произведения, в котором поднимаются вопросы смысла жизни, выбора, ответственности за него, а также прослеживаются фаталистические мотивы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свифт, Г.* Свет дня / Г. Свифт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://readfree.ru/book/C591>. – Дата доступа : 26.04.2016.
2. *Birnbaum, R.* Author interview. Graham Swift / R. Birnbaum [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.identitytheory.com/graham-swift/>. – Date of access : 22.03.2017.
3. *Winnberg, J.* An Aesthetics of Vulnerability. The Sentimentum and the Novels of Graham Swift / J. Winnberg. – Goeteborg : Goeteborgs universitet, 2003. – 214 p.
4. *Bradford, R.* The Novel Now : Contemporary British Fiction / R. Bradford. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2007. – 264 p.

5. *Rennison, N.* Contemporary British Novelists / N. Rennison. – Abingdon : Routledge, 2005. – 160 p.
6. *Gunesequera, R.* Wild Duck / R. Gunesequera [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.daria.no/skole/?tekst=2894>. – Date of access : 12.04.2017.
7. *Kakutami, M.* Books of the times; A Lovesick Gumshoe Who Is Willing to Wait / M. Kakutami [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nytimes.com/2003/05/02/books/books-of-the-times-a-lovesick-gumshoe-who-is-willing-to-wait.html>. – Time of access : 16.03.2017.
8. *Quinnmay, A.* Nobody's Perfect / A. Quinnmay [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.nytimes.com/2003/05/04/books/nobody-s-perfect.html>. – Time of access : 16.03.2017.
9. *Стринюк, С. А.* Субъективная проза Грэма Свифта: проблема характера и концепция личности в романе «Водоземье» / С. А. Стринюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-proza-grema-svifta-problema-haraktera-i-kontsepsiya-lichnosti-v-romane-vodozemie>. – Дата доступа : 22.03.2017.
10. *Полуэктова, Т. А.* Жанровые формы романов Берил Бейнбридж : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Т. А. Полуэктова. – Красноярск, 2011. – 223 л.
11. *Lee, H.* Someone to watch over you / H. Lee [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2003/mar/08/bookerprize2003.fiction>. – Date of access : 22.03.2017.
12. *Джумайло, О. А.* Английский исповедально философский роман 1980–2000 гг.: дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 / О. А. Джумайло. – Ростов н/Д, 2014. – 395 с.
13. *Wood, J.* How's the Empress? / J. Wood // London Review of Books. – Vol. 25. – № 8. – 17 April 2003 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.lrb.co.uk/v25/n08/james-wood/how-s-the-empress>. – Time of access : 26.04.2016.

The article deals with the novel *The Light of Day* by the contemporary British writer Graham Swift. The novel belongs to the confessional-philosophical genre, which is proved by its frank and confidential narrative, as well as by the epistemological questions of being, choice, responsibility and predestination raised by its characters. Being the key one in the novel, the predestination motive is in the limelight of the research. Besides, the author analyzes the novel's fatalistic motives and stresses the intervention of the irrational and inexplicable in the mundane life of the characters.

Поступила в редакцию 29.11.17

Л. В. Первушина

НОСТАЛЬГИЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ИМПУЛЬС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ В США

В данной статье рассматриваются особенности феномена ностальгии и ее репрезентация в творчестве писателей славянской эмиграции США. Представлены различные виды ностальгии, выявляется ее нравственный смысл, анализируется проявление

индивидуального личностного и коллективного опыта через психологические переживания, определяется мотивирующее значение данного феномена для идейно-эстетических и художественных поисков современных авторов.

Современная американская литература отражает динамичные процессы, происходящие в многонациональной и мультиязыковой культуре США и исследует процессы развития различных национальных и этнорасовых групп, их коллективный опыт и особенности вхождения в структуру мультикультурного и полиязычного американского общества, имеющего исходно англосаксонские корни. Значительное увеличение иммиграционных потоков в конце XX – начале XXI в., культурный плюрализм и интенсивное взаимодействие различных традиций исторически подготовили и привели к официальному признанию модели «культурной многосоставности» [1, с. 49] и переходу американского общества «на позицию культурной множественности» [2, 57]. Литература США «стала рассматриваться «преимущественно как литература различных этносов» [3, с. 60], причем «...каждый из этих новых литературных миров уже стал реальностью как факт американской культуры; каждый имеет свою историю, своих харизматичных героев, свои универсальные достижения и внутренние противоречия» [2, с. 57].

Неотъемлемой частью и важным компонентом мультикультурного литературного пространства США является эстетическая территория, сформированная этническими литературами славянской эмиграции, которые являются феноменом, живущим «по своим законам внутри литературы национальной» [3, 60]; они привносят в нее культурное разнообразие, раскрывают историю и традиции славянского мира. Для них характерны определенные законы историко-культурного развития, некоторые общие аксиологические парадигмы и способы выстраивания идентичности в условиях мультикультурного американского общества. Важной характеристикой литературы, созданной славянскими писателями-эмигрантами, является устойчивое присутствие в ней *мотивов ностальгии*, которая определяется не только как *тоска по родине, стремление к родному краю и возвращение домой* (от греч *nostos* ‘возвращение домой’ и *algos* ‘страдание’), но и как «особый вид экзистенциального состояния человека, ...которое является принципиально важным для осмысления собственной жизни, своей судьбы, своего положения в мире» [4]. Категория ностальгии связана с основным мировоззренческим онтологическим вопросом, раскрывает отношение эмигранта к родине и чужбине и выявляет «те сложно уловимые особенности национального характера, фиксируемые на уровне архетипов мировосприятия и поведения, которые в метафизической плоскости именуются “духом нации”, “душой народа” или национальным менталитетом» [5, с. 238]. Литература, созданная писателями славянской эмиграции в США, является хранилищем индивидуального и коллективного опыта, мыслей и чувств различных национальных и этнических групп и содержит уникаль-

ный компонент – *ностальгию* (в самом широком спектре ее значений и проявлений), «которая имеет нравственный смысл» [6] и объединяет людей и народы.

Ностальгия как важнейший фактор становления личности заняла центральное место в дискурсивном поле послевоенного творчества белорусских писателей-эмигрантов в США, а «комплекс устойчивых долговременных негативных переживаний экзистенциального характера» [7], внутренне присущих ностальгирующей личности, трансформировался в мотивирующий фактор и вызвал стремление авторов запечатлеть их наиболее значимый опыт, связанный с постижением реальности прошлого, настоящего и будущего. Ностальгией большой силы – «пожизненной ностальгией, ...глубокой ностальгией, ...высоконастальгическими чувствами» [8, с. 743–762] – окрашено творчество всех авторов современной белорусско-американской литературы, а свое высшее проявление тоска по прошлому находит в поэтических произведениях Натальи Арсеньевой, Рыгора Крушины, Масае Седнёва, Янки Золака, Янки Юхнавца, Анатолия Берёзки и других авторов. Космическая, бесконечная, непреодолимая ностальгия по ушедшему времени, «вселенская ностальгия по Беларуси» [9, р. 259], по несбывшемуся прошлому, вызвали к жизни тематически и образно богатый пласт поэзии, в которой в художественной форме был зафиксирован сложный, переломный момент истории и отражены как субъективные чувства поэтов, так и коллективное восприятие бытия белорусских эмигрантов.

Через ностальгическое настроение и рефлексирующее сознание лирических героев/авторов были рассмотрены проблемы «родина – изгнание», «свой – чужой», необходимость осмысления культурной идентичности и национального самосознания, значимость сохранения языка и культурных ценностей прошлого. Память стала формой реализации значимых переживаний и пробудила у белорусских писателей ностальгию о будущем, о недописанной истории, вызвала к жизни «социальную ностальгию» [10, с. 269] – тоску о новом, более заботливом и справедливом обществе, о счастливых грядущих временах, тем самым отразила «чрезвычайно существенную сторону группового эмоционального состояния» [10, с. 267].

Наиболее сильно в поэзии белорусских авторов осмыслены и представлены ностальгические мотивы тоски об утраченном, отчуждения, «межбережья», одиночества вдали от родины, жизни на чужбине, неприятия ее как новой реальности, а также стремление к максимальному выражению творческого потенциала, самоощущение героя в среде американской действительности и т.д. Эти повторяющиеся смысловые и эмоционально окрашенные ностальгические мотивы как «кросс-уровневые единицы художественного текста, активно причастные к теме и концепции» [11], выявляют глубинную первооснову духовного мира белорусских писателей-эмигрантов, (да и славянских в целом), во многом определяют творчество, мышление и мировосприятие авторов. И хотя в творчестве некоторых

белорусско-американских поэтов «можно встретить и американские темы: история Америки, описание местных реалий, общественная жизнь, проблемы, которые стоят перед американским обществом» [12, с. 482], лейтмотивом эмигрантских произведений выступает любовь к родине и тоска по ней. Следовательно, национальная самоидентификация лирических героев/авторов выявляется через воссоздание культуры, традиций и духовных ценностей родины: рисуются образы и картины белорусской природы, вспоминаются памятные события, сны и мечты о своем крае. Ностальгия как творческий импульс акцентирует прошлое, восстанавливает его, организует, укрепляет и побуждает к более глубокой рефлексии, самопознанию, самоанализу, самоидентификации, чтобы понять настоящее и осознать свою роль в будущем.

Ностальгические переживания способствуют передаче глубинных бессознательных импульсов внутреннего мира человека и тонкости нюансов настроения, выявляют мельчайшие движения человеческой души и акцентируют драматичность и трагедийность разрыва жизненно необходимых социально-культурных и психологических связей с родной стороной. В них раскрываются сложности судьбы эмигранта, боль, страдания, мучительное одиночество – имплицитно или эксплицитно представленные. Многие виды ностальгии – бытийная, социальная, временная (ностальгия по настоящему времени, по прошлому, будущему), пространственная, по историческим изменениям, по идеалу и др. – вызваны особой культурной дислокацией, насильственным погружением в чужеродную среду, нахождением «между национальной укорененностью (со стабильной онтологией) и новой безместностью...» [1, с. 13]. Необходимо отметить, что и сегодня, несмотря на то, что иммиграция более не эквивалентна ассимиляции, ностальгия по родине, по прошлому ярко проявляет себя в творческих и писательских кругах эмигрантов [13, с. 13].

По своему мировоззренческому складу творчество известного сербско-американского поэта Джордже Николича перекликается с литературными поисками белорусско-американских писателей. Ностальгия по оставленной Сербии в результате вынужденной эмиграции воплотилась в деятельную мысль, стала мощным творческим импульсом для создания высокохудожественных поэтических произведений и способствовала восстановлению и отражению в художественной форме сербской истории («У тья часы», «Аддорванне», «Сербская песня», «Галава серба» и др.) [14], передаче мироощущения и мировосприятия сербского народа, которые генетически наследовались последующими поколениями, демонстрируя сложное диалектическое и динамическое единство прошлого и настоящего. Под влиянием ностальгии сознание автора обращается к фундаментальным общечеловеческим ценностям и восстанавливает воспоминания о семье, то есть о «той микросистеме, без которой макросистема мира сложиться не может» [15, с. 7.], создает образы близких и родных людей, воплощая в произведения свои моральные установки и нравственные критерии. Поэтические произведения Дж. Николича насыщены образами Старого Света, в центре вни-

мания художественных поисков находится образ Родины, любовь и признательность к которой автор сохранил несмотря на изгнание, жизненные трудности и эмиграцию.

Смысловым центром творчества писателей белорусско-американской литературы становится покинутая родина, именно она определяет подлинное бытие белорусских эмигрантов на чужбине, а их эмоциональные связи и чувственное переживание остаются с покинутой стороной, и они намного сильнее тех, что связаны с Америкой, принявшей их. Родине посвятили произведения Н. Арсеньева («О, Беларусь, о, Беларусь мая», «Разьвітанне», «Куды тугу мы дзенем?»), Я. Золак («Радзіме», «Краіне», «Маці», «Сум па Радзіме», «Бацькаўшчыне», «Мінулага ўспамін», «Мая Беларусь», «Родная мова», «Доля Бязчубая»), Р. Крушина («Не праймайся», «Чужая зіма», «Ні радзімы, ні сяброў»), М. Сяднёў («Відзенне Бацькаўшчыны», «Беларусь», «Айчына», «Жывы ўспамін»), Я. Юхновец («Сны на чужыне», «З пропускам шчыльністым галіны дрэў», «...і я ваўком плятуся па чужыне»), А. Берэзка («Адзінаццаць вершаў»), Дж. Николич («Сербія», «Сербы», «Айчына») Этот список можно продолжать и продолжать.

Важным представляется преломление категории «ностальгия» в творчестве Ч. Милоша – известного польского поэта-эмигранта, переводчика, эссеиста, лауреата Нобелевской премии в области литературы за 1980 год. Его произведения американского периода, построенные на бинарности, отражают отчаяние и страх перед возможным кризисом цивилизации, а мятущийся дух творческой личности соседствует с философским размышлением и надеждой на разум человечества. Ностальгия как «универсалия культуры» в его творчестве принимает всеохватывающий масштаб и отражает духовные поиски автора через трансцендентальность мышления и создание многоуровневой реальности, что прослеживается в сборниках избранной поэзии («Selected Poems», 1973; «The Collected Poems», 1988), в эссеистике, в книге «Земля Ульро» («Ziemia Ulro», «The Land of Ulro», 1977) и др.

Ностальгия Милоша по родине – «можно говорить о его двойном изгнании – из страны и эпохи» [16, р. 88] – расширяется до космических, универсальных масштабов и выявляет боль писателя-мыслителя за судьбы мира, последствия войны, за кризисные явления в мировом масштабе. Его ностальгия по будущему, по безопасной жизни воплощается в веру в новую планетарную территорию справедливости: «после глубоких социальных изменений, катаклизмов, изменений планетарных масштабов, которые будут продолжаться в течение неопределенного периода времени, человечество достигнет “другого берега”, т.е. “другого мира”» [17, р. 7]. В более поздних трудах С. Милоша продолжением его концепции катастрофизма стало усиление глубокой ностальгии по правде, что привело к тоске по мировым изменениям, по обретению особого духовного пространства и выразилось в желании мыслителя принадлежать «к обществу намного более значимому, чем любое определенным образом организованное время и пространство», т.е. к стране реальности [16, р. 88].

Поиск духовности характерен и для произведений Стива Тешича – известного, влиятельного американского писателя-эмигранта сербского происхождения. Ностальгия по утраченному детству в связи с вынужденной эмиграцией в США явилась мощным стимулом развития художественного мышления, трансформировалась в глубинную тоску по правде, по истинным ценностям в «эпоху культуры лжи» [18, р. 61], обострила восприятие Тешичем кризисных явлений в обществе потребления и определила острую сатирическую направленность его художественных поисков. Критикуя лживые/фальшивые образы ‘*false images*’, заполнившие современное медиапространство, автор привносит этнокультурное своеобразие и «балканизированное восприятие мира в современное литературное творчество» [19, р. V], насыщая ткань своих произведений славянскими реалиями и интертекстуальными ссылками, воссоздающими образы далекой родины.

Ностальгические мотивы разной степени интенсивности, которые позволяют исследовать особенности национального самосознания и этнической принадлежности, присутствуют и в творчестве Д. Галич Барр, Э. Быкоски, С. Джейсон, С. Дубека, Н. Карас, Т. Карпович, З. Мержиньской, Д. Моствин, А. Пелловски, И. Пекарковой, Э. Редлинского, С. С. Шая, Й. Шкворецкого и других авторов, представляющих различные литературы славянской эмиграции. Осмысление проблем идентичности, мировоззренческих установок и нахождение новых художественных решений связаны в их творчестве с непрерывным поиском своих культурных и этнических корней, глубинных архетипических оснований. В этом заключается особенность творчества авторов славянской эмиграции (даже во втором и третьем поколениях), для которых сохраняется сильная генетически определенная связь со своей родиной в отличие от многих других народов/этносов, которые «в целом воспринимали Соединенные Штаты как новую родину...» [20, с. 777]. Так, например, для «большинства польско-американских писателей родиной оставалась Польша, а их временным домом – говоря символически – были не Соединенные Штаты, а «Полония», «четвертая часть Польши, состоящая из поляков, живших за границей» [20, с. 777].

Преуменьшение значимости ностальгии для идейно-эстетических исканий славянских писателей-эмигрантов в США и редуцирование важности их связей с родной стороной, имеющие место в некоторых критических работах по проблемам творчества эмиграции, означают неверное, недостаточно глубокое прочтение произведений, частичное отрицание мировоззренческой, этической и художественной ценности наследия авторов и искажение проблемы культурно-исторической памяти.

Таким образом, ностальгия как созидательный импульс определяет литературную индивидуальность авторов, во многом формирует их ценностные ориентиры, эстетические и мировоззренческие установки и является важным фактором, влияющим на становление художественного мышления творческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глостанова, М.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. Глостанова. – М. : ИМЛИ РАН: «Наследие», 2000. – 399 с.
2. *Висоцька, Н. О.* Едність множинного. Американська література кінця XX – початку XXI століть у контексті культурного плюралізму / Н. О. Висоцька. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2010. – 456 с.
3. *Якушкина, Т. В.* Что такое италого-американская литература, или этническая литература как проект / Т. В. Якушкина // Вестник Череповецкого государственного университета. – Сер.: Филологические науки. – 2015. – № 1. – С. 60 – 64.
4. *Новиков, Е. В.* Ностальгия / Е. В. Новиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.km.ru/referats/091C20034755446F9B7047A280A9DA>. – Дата доступа : 14.01.2018.
5. *Фокина, О. В.* Некоторые методологические проблемы исторической психологии / О. В. Фокина // Историческое познание: традиции и новации: Материалы Междунар. теор. конф. – Ижевск, 1993. – В 2 ч. Ч. 2. – С. 236–238.
6. *Новиков, Е. В.* Нравственный смысл ностальгии / Е. В. Новиков: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.05. – М. : МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/nravstvennyi-smysl-nostlgii>. – Дата доступа : 27.12.2017.
7. Ностальгия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [/enc-dic.com/philosophy/Nostalgija-1543.html](http://enc-dic.com/philosophy/Nostalgija-1543.html). – Дата доступа : 22.11. 2017.
8. *Савік, Л. С.* Літаратура беларускага замежжа / Л. С. Савік // Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. : у 4 т. Т. 4, кн. 2 (1986–2000) / рэд. У. В. Гніламедаў, С. С. Лаўшук. – Мінск : Бел. навука, 2003. – С. 742–771.
9. *McMillin, A.* Home Thoughts From Abroad: Three Belarusian Poets in Emigration / A. McMillin // Canadian-American Slavic Studies. – V. 33. – № 2–4, 1999. – P. 253–263.
10. *Чикишева А. С.* Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре / А. С. Чикишева // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / ред. Д. Л. Спивак. – М. : Новый хронограф: Эйдос. – Т. 6. – Культурное наследие: От прошлого к будущему. – 2009. – С. 267–277.
11. Мотив: основные подходы к рассмотрению [Электронный ресурс]. – Режим доступа : litved.rsu.ru/motiv.htm. – Дата доступа : 18.10. 2017.
12. *Кіпель, В.* Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 632 с.
13. *Клімаў, А.* Дзяўчаты з нашага двара / А. Клімаў // Культура. – 2017. – 30 снеж. – С. 13.
14. *Нікаліч, Дж.* Таямніца часу: выбранае : зборнік вершаў / Джорджа Нікаліч ; укл., прадм., камент. Івана Чароты ; пер. з серб. : І. Чарота, Л. Рублеўская, В. Шніп. – Мінск : Белпринт, 2013. – 136 с.

15. *Чарота, І.* Спасціжэнне таямніц / І. Чарота // Таямніца часу: выбранае : зб. вершаў / Джорджа Нікаліч; укл., прадм., камент. Івана Чароты. – Мінск : Белпринт, 2013. – С. 3–12.
16. *Czaykowski, B.* The Idea of Reality in the Poetry of Czesław Miłosz / B. Czaykowski // Between Anxiety and Hope. The Poetry and Writing of Czesław Miłosz. – Edmonton : The University of Alberta Press, 1988. – P. 88–111.
17. *Możejko, E.* Between the Universals of Moral Sensibility and Historical Consciousness: Notes on the Writings of Czesław Miłosz / E. Możejko // Between Anxiety and Hope. The Poetry and Writing of Czesław Miłosz. – Edmonton : The University of Alberta Press, 1988. – P. 1–29.
18. *Rothmayer, M. A.* A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate College at the University of Nebraska for the Degree of Doctor of Philosophy / M.A. Rothmayer. – Ann Arbor : ProQuest Information and Learning, 2002. – 485 p.
19. *Doctorow, E. L.* Introduction / E. L. Doctorow / Tesich, S. // Karoo. – N. Y. : Open City Books, 1998. – P. V–VI.
20. *Оверланд, О.* Американская, но не на английском: иммигрантская литература в Соединенных Штатах / О. Оверланд // История литературы США. Литература начала XX в. в 5 т. – Т. 5. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 767–799.

The article deals with the phenomenon of nostalgia and its representation in the creative work of Slavic émigré writers in the USA. The meaning of nostalgia as a specific existential state of mind and of the human soul is revealed, the ethic factor of nostalgic feelings is outlined. The role of nostalgia as a powerful impetus for the development of artistic thinking is considered. The authors' world perception and their value systems are determined, and their emotional bonds with the original homeland are shown.

Поступила в редакцию 21.02.18.

Е. А. Ревуцкая

«ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД» В ПОЭЗИИ МОДЕРНИЗМА

Статья посвящена теме «идеального города» в поэзии модернизма и обобщает результаты изучения образов городского пространства в поэтических циклах Жоржа Роденбаха «Городские пейзажи» (*Paysages de Ville*, 1901) и «О старом Львов» (*O dawnym Lwowie*, 1929) Марыли Вольской, а также в поэмах «Тени» (*Cienie*, 1895) Антония Ланге и «Вильно» (*Wilno*, 1913) Артура Оппмана. Исследование, использующее приемы сопоставительного метода и основанное на определении города как пространства, показывает, что в изучаемых поэтических текстах субстанция города наделяется сознанием, а соположения ее элементов ретроспективны и подчинены поэтике замкнутости.

В последние десятилетия городская среда все чаще оказывается объектом изучения гуманитарных наук, что обуславливает становление особого научного знания – городских исследований. Вместе с тем основы

концептуального осмысления города как пространства, заложенные Ю. Лотманом [1], и сегодня позволяют обратиться к текстам начала XX столетия – времени, когда идея города приобретает новое содержание.

Известно, что в течение длительного времени центральным элементом образа города в литературе и искусстве выступало понятие центра – некоторого ограниченного пространства, сообщающего чувство защищенности. Промышленная революция и последовавшие преобразования городской среды предопределили ее новое осмысление, поставив под сомнение идею центра. Эти преобразования не только предвосхитили проблематику современного мегаполиса, но и отразились в поэтическом воображении эпохи. Так, во Фландрии, где прежде город во всей своей целостности был доступен одному взгляду с высоты, новый облик улиц воспринимается настолько болезненно, что урбанистические мотивы оказываются доминирующими в литературе.

Так, авторы специальных исследований наследия Жоржа Роденбаха (1855–1898) подчеркивают, что все творчество бельгийского поэта основывается на системе аналогий между городом и внутренним миром лирического субъекта, между окружающей действительностью и сознанием [2; 3; 4].

В поэтическом цикле «Городские пейзажи» (*Paysages de Ville*, 1901), увидевшем свет уже после смерти поэта, наделяются сознанием стены и камни, дома и улицы, черные трубы и красные черепичные крыши:

(1) *Dans l'aurore s'éploie un octobre des pierres / Le vent vindicatif, après tant de saisons, / En des jours gris, des jours de souffrances plénières / Ébranle la langueur des anciennes maisons / Dont le front se lézarde en rides de vieillesse. / Sombres murs avancés en âge ! Vieux logis / De qui l'âme s'attarde aux rideaux défraîchis, / Branlants de souvenirs et perclus de tristesse, / Qui tamponnent avec de la mousse à leur flanc / La blessure au sang vif des briques s'éraflant ; / Vieilles maisons de qui les toitures minées / Voient dépérir, autour des noires cheminées, / Les tuiles rouges qui s'effeuillent lentement [R. G.].*

(1') 'Уж осень грустная для камня наступила, / Уж ветер мстит домам за стойкость долгих лет, / Носящим на челе морщин глубокий след, / В мучительные дни, когда все так уныло, / И ветром древние дома потрясены. / О стены темные! Жилища старины, / Чьи души в выцветших завесах запоздали! / Воспоминанием томясь, полны печали, / На раны по стенам свой мох они кладут / И крови кирпичей сочиться не дают; / Вокруг их черных труб, на кровле обветшалай / Спадают черепиц багряные листы' [Р. Ж., с. 612].

Очевидно, что создаваемый поэтом образ старения – осени города как осени жизни – подчинен стремлению остановить динамику городского пространства, вернуться к статическому, «замершему» идеалу.

Авторы работ, исследующих художественный мир Роденбаха, отмечают «параллельное и одновременное стремление к познанию города и самопознанию» [2, р. 84]. Этот тезис может быть дополнен следующим утверждением: субстанция города и субстанция души соплагаются

в поэтике Роденбаха таким образом, что всякому элементу городского пространства приписываются определенные настроения и переживания, перекликающиеся с эмоциями лирического героя.

Так, разбор поэтического цикла «Городские пейзажи» позволяет проследить развитие образа старения и умирания старых домов, наделенных способностью чувствовать и страдать, носящих «на челе морщин глубокий след» (*dont le front se lézarde en rides de vieillesse*), «томящихся воспоминанием» (*branlants de souvenirs*) и «полных печали» (*perclus de tristesse*).

Отождествляя собственную грусть с «унынием пустого города», лирический субъект не приемлет город реальный и стремится к идеализации города-призрака:

(2) *En ces villes qu'attriste un chœur de girouettes, / Oiseaux de fer rêvant de fuir au haut des airs, / En des villes sans joie aux carrefours déserts / Où de rares passants, en grises silhouettes, / Se meuvent, balançant leur marche comme un glas* [R. G.].

(2') 'В печальных городах, где хоры флюгеров, / Железных птиц, лететь стремятся ввысь напрасно, / Где грусть на улицах пустых царит всевластно, / Где редко слышится унылый звук шагов / И где прохожие скользят, как привиденья' [Р. Ж., с. 614].

Обратим внимание на то, что в примере (2) лирический герой смотрит на город с высоты – в противном случае он не мог бы охватить взглядом «хоры флюгеров» (*un chœur de girouettes*). Принцип панорамы лишь недавно стал инструментом литературоведческого анализа, однако именно прозаические тексты Роденбаха позволили исследователям определить формальные стратегии «панорамного романа» [5].

Таким образом, в центре художественного мира «Городских пейзажей» – мотив старения, смерти, траура, загробной жизни. При этом физическое страдание претерпевают наиболее осязаемые, материальные части городского пространства – стены и крыши домов, кирпичи и камни. Жители же города – это всего только «редкие прохожие» (*rare passants*), «серые фигуры» (*grises silhouettes*) на «опустевших перекрестках» (*carrefours déserts*).

В поэзии Марыли Вольской (1873–1930) основополагающим элементом городского пространства является образ дома [6; 7]. В цикле «О старом Львов» (*O dawny Lwowie*), опубликованном в последней книге поэтессы, вышедшей за год до ее смерти, наделение городского пространства сознанием отражает ретроспективное видение «идеального города». Утверждение этого идеала как «прибежища души» воплощает у Вольской стремление вернуться в мир воспоминаний:

(3) *Dawno, w Zielone Świąta / Na Zimorowicza, pod szesnastym, we Lwowie, / Późne popołudnie... / Czasem – coś się tak mocno spamięta, / Czasem – coś się tak samo opowie...* [W. M.]

(3') 'На Зеленые Святки / В нашем доме во Львов – / Вскоре после полудня... / Миг вдруг вспомнится краткий / И останется в слове...' [В. М., с. 55].

Взгляд лирического субъекта охватывает панораму, открывавшуюся с крыльца родительского дома – особняка по улице Зиморовича (улица носила имя поэта, историка и бургомистра Львова вплоть до 1939 г.):

(4) *Jeszcze widok daleki, wesoly, / Z naszego ganku. / Na kopiec i wszystkie kościoły, / Aż po cesarski lasek, / Nie zarósł jak dziś, dachami. / Przestrzeń aż za rogatki / Widniała w słońcu niebieska, <...> / Patrzyłam daleko, na miasto, / Jak błyszczy Piaskowa Góra, / Jak się iskrzy na ratuszu lewek...* [W. M.].

(4') 'И далекий, веселый / От родного порога / Вид на горы, костелы – / Аж до самого леса – / Не закрыт был домами... / Я видала – до арки – / Вдоволь шири небесной... <...> / Сквозь дощатые ставни <...> / Я глядела на город – / На Песчаную Гору / И на льва в белом камне' [В. М., с. 56].

Это вид, еще «не заросший крышами домов» (*nie zarósł ... dachami*), простиравшийся «аж до самого леса» (*aż po... lasek*), на ратушу, бесчисленные костелы и Гору Льва. При этом, «вид далекий» (*daleky widok*) получает двойное прочтение: это одновременно и простирающаяся *вдаль* панорама, и город детства, бесконечно *далекий* ото дня сегодняшнего (маркированного дейктическим элементом *dziś* 'сегодня').

Героиня Вольской, как и герой Роденбаха, смотрит на город с высоты: этот взгляд позволяет видеть пейзаж в его целостности. Возможность панорамного охвата носит для лирического героя принципиальный характер, позволяя сложить элементы городского пространства воедино, восстановить в своем сознании изначальный порядок. Очевидно, что лирическая героиня Вольской, как и герой Роденбаха, отрицает разрыв с замкнутостью средневекового идеала, возвращение хаоса, разрушение идеи центра и выход города за собственные пределы.

Поэма Антония Ланге (1862–1929) «Тени» (*Cienie*), напечатанная в первой части его «Стихотворений» в 1895 г., также утверждает ретроспективное видение города, но представляет собой «взгляд изнутри»:

(5) *Mam takie nieme okna w martwych kamienicach, / Takie ciemne aleje w ciemnych parków głuszy, / Takie zimne kamienie na pustych ulicach, / Gdzie kryją się umarłe cząstki mojej duszy* [L. A., s. 51].

(5') 'Глухие окна и пустые каменицы, / Аллеи темные в пустом и темном сквере, / И холод камня будто бы хранит частицы / Умершие души – и прошлого потери' [Л. А., с. 41].

Образ пустоты – пространства, которое покинули люди – служит своеобразной платформой для рефлексии лирического героя, возвращающегося на знакомые улицы, но также отрицающего реальность города сегодняшнего. В определенный момент он перестает видеть тех, кто живет в старых домах сегодня – на смену им приходят силуэты из прошлого:

(6) *O, patrz! Za tem okienkiem na piętrze wysokim, / Gdzie drzemie jakiś tłuścioch – z glinianym cybuchem: / Tam cień przeszłości mojej – widzę ją tem okiem, / Tam jej cień, tam jest ona! – widzę ją mym duchem! / Nieprawda! mówię –*

nie masz owego tłuściocha, / Ja tam jestem – i ona ze mną – dwoje cieni, / Ja tam jestem – i ona! I ona mnie kocha – / I znów jesteśmy razem – i nierozłączeni. [L. A., s. 51]

(6') 'Взгляни! Где тот толстяк, на этаже высоком, / За трубкой дремлет глиняной – за тем оконцем: / Тень прошлого – она – я вижу ее оком – / Она – там тень ее – я вижу ее сердцем! / Неправда! Нет в окне том, говорю себе я, / Ни трубки глиняной, ни той фигуры тучной, / Там я стою – и там она – со мной – две тени, / Мы вновь вдвоем – вновь вместе вновь мы неразлучны' [Л. А., с. 41].

В поэме «Тени» жизнь реальная уступает место жизни души, а улицы города, окна и мансарды старых домов составляют «точку отсчета» для духовного совершенствования лирического субъекта, для разговора о самом сокровенном:

(7) *I błędzę – błędzę dalej bez tej cząstki duszy, / Co wsiąkła tam w mansardy puste – nagie ściany. / I czuję, jak się zwolna cały duch mój kruszy / Rozrzucony po świecie... Ach, oto kasztany!* [L. A., s. 52].

(7') 'И вновь брожу – оставив там души частицы – / В пустых мансардах, голых стенах – словно раны / На сердце – слышу – медленно мой дух дробится, / Разбросанный по свету... Это же каштаны!' [Л. А., с. 41–42].

Реальный город Ланге – это лишь высокие стены, закрытые комнаты, пустые мансарды, холод камня; идеальный же город образует пространство духовной жизни.

В поэме Артура Оппмана (1867–1931) «Вильно» (*Wilno*), вошедшей в опубликованную в 1913 году антологию «Земля польская в песне» (*Ziemia polska w pieśni*), город также предстает собеседником лирического героя, субъектом слышащим и чувствующим, хранящим историю:

(8) *Po twych ulicach błędzę zadumany, / W starych zaułkach na kamieniach siadam, / Głosem znajomym mówią do mnie ściany / I z duszą murów o umarłych gadam* [O. A., s. 453]

(8') 'Я окажусь однажды вновь, смятенный, / На старых улиц каменном пейзаже, / И обретут знакомый голос стены, / И об умерших души стен расскажут' (Перевод наш. – Е. Р.).

Пространство города в поэме образуют аллеи и переулки, стены и камни, окна и аркады. Так же, как и у Вольской, взгляд лирического субъекта у Оппмана ретроспективен: реальный город уступает место воображаемому городу прошлого, городу истории. Элементы городского пространства наделяются способностью говорить и рассказывать о прошлом (*głosem znajomym mówią do mnie ściany* 'и обретут знакомый голос стены'; *i z duszą murów o umarłych gadam* 'и об умерших души стен расскажут').

Регулярный стих, используемый как Оппманом, так и Ланге, символизирует стремление остановить развитие города, его выход за собственные границы. Кроме того, лирический герой упоминает исторические и архитектурные памятники (среди которых – Острая Брама и Костел Святых Иоаннов), становящиеся знаками истории в тексте поэмы:

(9) *U Ostrej Bramy złote lampki gorą / I ludzkie serce pała z niemi razem: / W pustej uliczce, samotniczą porą, / Późny przechodzień klęknął pod Obrazem* [О. А., s. 453].

(9') 'У Острой Браны – золотое пламя / Огней, сжигающих людские лона; / Прохожий, чуть заметный меж домами, / Колени преклонил перед иконой' (Перевод наш. – Е. Р.).

«Призрачность» города воплощает в поэме Оппмана пространство пустоты (*w pustej uliczce* 'на пустой улочке') и одиночества (*samotniczą porą*, 'в одинокую пору'), в котором слышится эхо голосов (*echa szumne* 'громкие отзвуки') из прошлого:

(10) *Nad świętym Janem lecą echa szumne, / Jakby orlemi poniesione pióry, / Dawną powagą dostojne i dumne, / Akademickie ocknęły się mury* [О. А., s. 454].

(10') 'Над Иоанном ввысь взметнулись орды / Орлиных будто крыл благословенных – / Величием знаменовали гордым / Навек академические стены' (Перевод наш – Е. Р.).

Примечательно, что ни в одном из четырех рассматриваемых поэтических произведений среди знаковых элементов города не фигурируют башенные часы – символ времени, призванный напомнить лирическому субъекту о реальности дня сегодняшнего. Можно предположить, что идея времени и движения тем самым заведомо исключаются из художественной системы стихотворения, уступая место не только пространственной (панорама города), но и временной целостности (город, остановившийся во времени).

Таким образом, реальный город чужд лирическому герою поэта-модерниста. Последнему свойственен особый способ осмысления городского пространства, наделяющий субстанцию города сознанием. Идею изначального порядка выражает «взгляд с высоты» – возможность видеть городской пейзаж во всей целостности (цикл «О старом Львове»). Иллюзорность современного города воплощается не только в его образном видении (стареющий и умирающий город в цикле «Городские пейзажи»; город-собеседник и город-свидетель истории в поэме «Вильно»), но также в отказе от описания – на смену последнему приходит отображение траектории духовного развития лирического субъекта (поэма «Тени»). Элементы городского пространства могут воплощать образ города детства («О старом Львове»), города юности («Тени»), города прошлого («Вильно»).

Совершенно очевидно, что изучение образов и образных систем может служить лишь одной из предпосылок дальнейшего исследования смысловых связей, воплощенных в поэтическом произведении. Так, лексическое измерение поэзии должно изучаться в тесной связи с ее грамматикой. В частности, важным направлением анализа представляется исследование дейктических и анафорических отношений в поэтическом тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман, Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – 1984. – Вып. XVIII. – С. 30–45.
2. Mendes Coelho, P. *La ville intérieure* dans l'oeuvre de Georges Rodenbach / P. Mendes Coelho // *Francofonía*. – 1996–1997. – № 5–6. – P. 83–89.
3. Gorceix, P. *Georges Rodenbach (1855–1898)* / P. Gorceix. – Paris: Champion, 2006. – 273 p.
4. Hollinghurst, A. *Bruges of Sighs* / A. Hollinghurst. – *The Guardian*. – 2005. – January 29th.
5. Cairol, E. *Decadence and Mass Culture: The Novel as a Panorama. The Case of Bruges-La-Morte* / E. Cairol // *Journal of Literature and Art Studies*. – 2015. – Vol. 5. – № 7. – P. 481–494.
6. Czabanowska-Wróbel, A. «Biblioteka Poezji Młodej Polski» [seria wydawnicza]; pod red. Marii Podrazy-Kwiatkowskiej i Jerzego Kwiatkowskiego [recenzja] / A. Czabanowska-Wróbel // *Pamiętnik Literacki*. – 1989. – № 80/2. – S. 392–400.
7. Niklewicz, A. *Pamięć i zapomnienie w poezji Maryli Wolskiej* / A. Niklewicz // *Ruch literacki*. – 2016. – Z. 1 (334). – S. 91–109.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

R. G. – *Rodenbach, G. Paysages de Ville* / G. Rodenbach [Ressource électronique]. – Mode d'accès : https://fr.wikisource.org/wiki/Paysages_de_ville. – Date d'accès : 12.11.2017.

P. Ж. – *Роденбах, Ж. Мертвый Брюгге* / Ж. Роденбах; пер. с фр. М. Веселовской; пер. стихов С. Головачевского. – Томск: Водолей, 1999. – 702 с.

W. M – *Wolska, M. O dawnym Lwowie (pamiętnik liryczny)* / M. Wolska. – Warszawa: Wydaw. T.P., 1999. – 63 s.

B. M. – *Вольска, М. Летние строфы* / М. Вольска; пер. с пол. Е. Быстровой. – М.: Водолей, 2017. – 80 с.

L. A. – *Lange, A. Poezye. Część I* / A. Lange. – Kraków, 1895. – 198 s.

L. A. – *Ланге, А. Отзвуки зимы* / А. Ланге; пер. с пол. Елены Быстровой. – М.: Водолей, 2015. – 104 с.

O. A. – *Oppman, A. Wilno* / A. Oppman // *Ziemia polska w pieśni. Antologia*; pod red. Jana Lorentowicza. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1913. – S. 453–456.

The article analyses the symbolism of the city in Georges Rodenbach's *Paysages de Ville* (1901), Maryla Wolska's *O dawnym Lwowie* (1929), Antoni Lange's *Cienie* (1895) and Artur Oppman's *Wilno* (1913). It shows that symbolic correspondences of urban elements in these modernist texts form a retrospective poetics of closure responding to the pattern of an ideal city.

Поступила в редакцию 27.12.17

ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ Л. М. СИЛКО «РИТУАЛ»

В данной статье рассматривается проблема утраты и обретения этнической идентичности коренными американцами на примере романа Лесли Мармон Силко «Ритуал». Центральным мотивом произведения становится возрождение традиций коренных американцев, их самобытности, национальное самоопределение, взаимоотношение чело-века и природы. Выделяются архетипические функции дома, проводится анализ процесса возвращения сломленного героя домой, к своим корням.

... *Come home again.*
Your mother, the earth is crying for you.
*Come home, children, come home*¹ [1, p. 176].

Поиск своей идентичности, своего места в мире всегда был важным вопросом для коренных американцев, ведь белые поселенцы вынудили их покинуть родные земли, свои дома. Индейские писатели взяли на себя миссию возродить свои традиции и культурное наследие, сохранить его для потомков, а также познакомить с ним белых американцев. В 1983 г. К. Линкольн в книге «Индейский ренессанс» (*Native American Renaissance*), посвященной литературе коренных американцев, обратил внимание на возросшую творческую деятельность писателей индейского происхождения после 1969 года, а также, что представляется наиболее важным, указал на серьезный отклик со стороны как читателей, так и критиков [2]. Среди многочисленных американских писателей индейского ренессанса – периода расцвета индейской литературы – Паула Ганн Аллен (*Paula Gunn Allen*), Луиза Эрдрич (ее имя также передается в русскоязычных изданиях как Эрдрич – *Louise Erdrich*), Джой Харджо (*Joy Harjo*), Наварр Скотт Момадей (*Navarre Scott Momaday*), Саймон Ортис (*Simon Ortiz*), Лесли Мармон Силко (*Leslie Marmon Silko*), Джеральд Визенор (*Gerald Vizenor*) и Джеймс Уэлч (*James Welch*).

Опубликованный в 1977 г. роман «Ритуал» (*Ceremony*) Лесли Мармон Силко, одной из наиболее известных писательниц США индейского происхождения, представляет первую волну индейского возрождения наряду с романами Н. С. Момадея «Дом, из рассвета сотворенный» (*House Made of Dawn*) и Дж. Уэлча «Зима в крови» (*Winter in the Blood*).

«Ритуал» – это роман о судьбе молодого индейца-полукровки Тайо, ветерана Второй мировой войны, побывавшего в японском плену и утратившего идентичность в «белом» мире. Он едва помнит свою мать, которая умерла, когда ему было четыре года, не знает отца, представителя белой расы. Герой вынужден жить с культивируемым в нем тетей чувством вины и стыда, терпеть унижения и неопределенность, будучи аутсайдером, так как

---

¹ ...Придите снова домой / Ваша мать, ваша земля плачет по вам / Придите домой, дети, придите домой (Здесь и далее перевод наш. – О. Ш.).

индейская община подозрительно относилась к детям смешанных кровей, до конца не принимая и не признавая их. Тайо лишь наполовину индеец, что влечет за собой неспособность в полной мере функционировать в любом из двух миров.

Центральными темами произведения становятся возрождение традиций коренных американцев, их самобытности, национальное самоопределение, взаимоотношения человека и природы. В романе возникает образ дома как пространственно-энергетического центра, воплощения устойчивости, упорядоченности, места сохранения культурных традиций своего рода. Дом является не только материальной, но и духовной структурой и может подразумевать как конкретное жилище, кров, так и гораздо большее пространство, сообщество, родовое гнездо. С. В. Климова выделяет следующие функции дома: жизнеобеспечивающая и спасительная (залог прочности и безопасности); защитная (поддержание физической и психической стабильности); идентификационная (отождествление с той или иной человеческой общностью и, как следствие, прояснение своего места в мировом целом); исцеляющая и обновляющая (восстанавливающая, уравнивающая); сберегающая (сохранение и трансляция опыта, навыков, обычаев и ценностей предшествующих поколений) [3].

Вырванные из родной почвы индейцы были пересажены в чужую среду, что породило в них чувство бездомности, отчуждения. По утверждению Э. Гурра, «Изгнание и отчуждение в разных проявлениях – это условия существования современного писателя во всем мире. Реакцией на такие условия является поиск идентичности, поиск дома путем самопознания или самореализации» [4, с. 14]. И в рамках своего романа Л. Силко стремится воссоздать пространство дома не только для вымышленных персонажей, но и для реальных людей, столкнувшихся с проблемой его утраты, а также своей идентичности. Испокон веков коренные американцы передавали свою религию, культуру и традиции из уст в уста от поколения к поколению. Используя память, историю, культуру, воображение, Л. Силко в своем романе воссоздает пространство дома, в котором слышен голос ее предков, и возвращает потерянную идентичность главному герою и через него – всему его роду: «рассказывание и пересказывание историй – это способ, с помощью которого люди создают пространство. Ожидается, что рассказчик помещает слушателя в ландшафт истории» [5, р. 43].

Несмотря на то, что индейцы в романе «Ритуал» выступают не только как положительные герои, а представители белого населения – не только как отрицательные, несомненно, четко видна оппозиция «мы – они». Л. Силко виртуозно обнажает сложные характеры персонажей, показывает амбивалентность эмоций, неоднозначность взглядов и поведения героев. Духовным ценностям индейского мира противопоставляется мир бесплодный и пустой; семья, являющаяся компасом, опорой и колыбелью этих ценностей, противопоставляется крайнему индивидуализму и даже эгоизму; жизни в гармонии с природой противопоставляется погоня за благами прогресса и материаль-

ными ценностями. Анализ этих оппозиций и попыток поиска себя, своего дома, которые предпринимает главный герой романа, приводит к убеждению, что индеец способен гармонично функционировать только в этом первом мире, а мир второй, мир белых, ведет к внутреннему разладу и утрате идентичности.

Процесс возвращения сломленного героя домой, к своим корням, был проанализирован американским критиком К. Тьютоном в его эссе «Цикл отчуждения и возвращения: символическая география литературы коренного населения» [6].

Само слово *цикл* предполагает, что речь идет не о пути от точки А к точке В, а о путешествии, которое начинается и заканчивается в одной и той же точке. Возвращение героя к месту, откуда он начинает свой путь, имеет решающее значение для понимания важности и сложности этого процесса. Здесь имеется в виду не развитие героя в традиции романа воспитания, когда отдаление от места рождения символизирует взросление, начало новой жизни. В случае литературы коренных американцев такое отдаление воспринимается не как процесс позитивный, а как движение, последствия которого непредсказуемы и даже опасны. Такое развитие приводит к ослаблению и разрушению героя, и только возвращение к своим корням, обретение утраченной идентичности дает надежду на исцеление.

Теоретическая модель К. Тьютона основана на анализе работ литературоведа Р. Степто, посвятившего себя исследованию афроамериканской литературы, который считал, что на ее формирование безусловно повлиял исторический опыт, в частности, опыт рабства, поэтому совершенно очевидно, что она основана на оппозиции «воля–неволя». Модель Р. Степто строится вокруг напряженных отношений между символическим Югом (Symbolic South) и символическим Севером (Symbolic North). Символический Юг олицетворяет собой начало афроамериканской истории и культуры, семейного и культурного единения, дает чувство общности, являясь в то же время местом наибольшего порабощения и нищеты. Символический Север, в свою очередь, предлагает некоторую безопасность и манит экономическими возможностями, однако за счет ослабления и даже потери связей с сообществом. Р. Степто отмечает, что символический Юг, будучи местом-символом, географически может находиться не на юге, а в любом месте, где афроамериканское сообщество объединяется в условиях угнетения и притеснения, – от берегов Миссисипи до Гарлема [6, р. 46].

Используя модель Р. Степто при анализе исторического опыта коренных американцев, Тьютон выделяет три символических места, которым он отводит центральную роль во множестве литературных текстов индейцев США. Это символический Центр (the Symbolic Center), символический Город (the Symbolic City), а также символическая Резервация (the Symbolic Reservation) [Там же, р. 47]. К. Тьютон отмечает, что символический Центр, буквально являющийся местом происхождения народа, с точки зрения психологии представляет состояние духа, ума, характеризующееся глубоким

чувством целостности, принадлежности себя к культуре, общности. «Центр – это пространство, где миф привязан к месту; где формируются образцы культурного значения; где жива традиция, понимаемая как нескончаемая связь между прошлой и настоящей жизнью. В символическом Центре известны законы общества и созидания, культурные традиции, ведущие к изменениям и росту, а опыт повседневной жизни и образцы культурного и индивидуального развития понятны, полезны и насыщены смыслом» [6, р. 48].

Отдаление от места своего рода в направлении символического Города приводит либо к сознательному отказу героя от традиций и ценностей, которые он впитал с детства, во имя адаптации к новой культуре, либо к бессознательной их потере, когда он сталкивается на своем пути с другими ценностями, правилами и стандартами. Символический Город – это квинтэссенция западного образа жизни: жизнь без корней в прошлом; научное восприятие мира и знания, полученные из книг, христианство как единственная духовная альтернатива: место «человека экономического, подпитываемое покупательной способностью, овеществлением индивидуалистических ценностей» [Там же, р. 49].

Парадоксально, но вернуться домой, в символический Центр, той же дорогой, из точки В в точку А, не представляется возможным. На данном этапе решающую роль должно сыграть третье место-символ, символическая Резервация, где коренные и западные культурные ценности сталкиваются друг с другом в противоборстве. Это место, которое является хранителем племенных традиций и обычаев, поддерживающих индейскую культуру, связывающих прошлое и будущее, обеспечивающих более глубокое восприятие мира и места личности в нем. Символическая Резервация ставит на первое место традицию как «непрерывную связь между прошлым и настоящим, осознанную опытным путем через устные традиции, родство и духовность» [Там же, р. 50]. Будучи безопасным местом, она является связующим звеном между символическим Городом и символическим Центром, домом, куда должен вернуться потерянный, сломленный герой, чтобы восстановить свои силы и обрести себя.

Безусловно, возвращению Тайо к своим корням предшествует его отчуждение от них. С самого начала он дистанцируется от своей семьи в резервации по ряду факторов: его рождение и раннее детство, прошедшие в лагерях бездомных индейцев в Галлапе, Нью-Мексико; его изгнанная мать и неизвестный отец; его чувство неадекватности, увеличивающееся в тени более многообещающего двоюродного брата Рокки, чистокровного индейца; насилие, свидетелем которого он стал и пережил на Тихоокеанском фронте Второй мировой войны.

Парадоксально, но Рокки, которого семья ценит как продолжателя традиций индейского народа, манят возможности мира белых. Он высмеивает традиции и культуру индейского народа, отказывается от своих корней и погибает на войне. Товарищи Тайо, вернувшиеся с войны, не могут

принять тот факт, что белые уже не считают их за равных, как это было на войне, и чем они так гордились, и разрушают себя физически, заливая горечь утраты алкоголем и скрашивая будни обществом распутных женщин. «... Эти глупые индейцы считали, что хорошим временам никогда не наступит конец... Они тоже были частью Прекрасной Америки, свободной страны, как говорили учителя в школе. Они носили военную форму и более ничем не отличались от других. Они почувствовали уважение. Война закончилась, прошло время военной формы. И внезапно продавец в магазине обслуживает тебя в последнюю очередь, заставляет тебя ждать, пока все эти белые не купят все, что им нужно. И белая женщина на автобусной станции теперь так осторожничают, чтобы не дотронуться до твоей руки, когда отдает сдачу» [4, р. 42].

Чувство вины за смерть Рокки, всплывающие в памяти военные действия, оторванные конечности товарищей становятся для Тайо причинами хронической бессонницы. Старания заглушить эти переживания и страхи заканчиваются тошнотой, рвотой, «попыткой исторгнуть из себя все – все прошлое, всю свою жизнь» [1, р. 168]. На основании этих симптомов белые врачи диагностируют у главного героя посттравматическое стрессовое расстройство, однако у него присутствует ощущение, что это нечто большее: «Он чувствовал внутри черепа натяжение маленьких нитей, запутанных, связанных друг с другом, и когда он пытался размотать их и вернуть на свои места, то они цеплялись и запутывались еще больше. В такие ночи, когда мысли полностью запутывались, ему приходилось попотеть, чтобы думать о чем-то, что не было путанным или связанным с прошлым, что существовало само по себе, отдельно, как одинокий олень» [1, р. 7]. Интуитивно Тайо ощущает, что его состояние является чем-то более сложным, чем просто болезнь: «Это нечто большее. Я чувствую это. Это длится уже очень долго. Я чувствую это вокруг меня» [Там же, р. 53]. Тайо ищет связь между своим состоянием и общей болезнью, особенно культурной, которой страдает мир. Таким образом, в центре сюжета не только исцеление главного героя, но и восстановление окружающей действительности, порядка. Тайо становится воплощением всего народа, «олицетворением динамичных, синкретических, адаптивных качеств индейских культур, благодаря которым они выживут» [7, р. 27], и должен вернуть чувство принадлежности к земле людям, потерявшим связь со своим прошлым.

В романе противопоставляются две культуры с несовместимыми ценностями и традициями – индейцев и белых американцев, герои вынуждены выбирать между этими оппозиционными мирами, не имея возможности полноценно принадлежать обоим. Тайо утверждает: «Он долго верил в эти истории, пока учителя в школе для индейцев не научили его не верить во всю эту “чепуху”. Но они были неправы» [1, р. 19].

Силко говорит, что белые «не видят жизни. / Когда они смотрят, / видят только объекты. / Мир для них мертв» [1, р. 135]. По своему мировосприятию

белые противопоставляются индейцам, которые описываются как «люди, принадлежащие горе» [1, р. 128]. Поэтому герои романа «Ритуал», сколько ни пытаются, не могут обрести свой дом в белой культуре, сохранив при этом свою национальную самобытность.

В поисках ответа на вопрос «кто я?» Тайо приходит к осознанию того, что является носителем одновременно двух культур. Мы видим борьбу главного героя, стремление заявить о своей идентичности. Он застревает между кажущимися оппозиционными мирами индейской и белой культур, будучи неспособным полностью слиться с культурой коренных американцев и расово отличаясь от белых. Посредством попыток обрести свою идентичность Тайо признает всепроникающее влияние белых на личность коренных американцев и служит примером для индейцев, демонстрируя, как они могут сохранить свое наследие в рамках структуры «белого» общества. Процесс самопознания Тайо становится моделью, которой должны придерживаться другие представители коренного населения, чтобы сохранить свою культуру.

Традиционный шаман оказывается бессилён против болезни главного героя, и Тайо направляется к Бетони, целителю, который использует предметы, принадлежащие западному миру, как неотъемлемые элементы эффективного ритуала: «Было время, когда традиционные ритуалы были достаточными для понимания того, каким тогда был мир. Однако после прихода белых равновесие мира нарушилось, и возникла необходимость создать новые ритуалы. Я внес изменения. Люди не доверяют им, но только такое развитие дает ритуалам силу ...вещи, которые не меняются и не развиваются, умирают» [1, р. 126]. Тайо понимает, что знания, полученные у белых, необходимы для понимания сил, действующих в мире. «Вот на что рассчитывают темные силы: мы будем цепляться за старые ритуалы, и тогда их власть восторжествует, а люди исчезнут» [4, р. 126].

Обрядовые действия Бетони и лечение длятся девять дней и ночей. Тайо поочередно принимает специальные ванны, интерпретирует картины, которые Бетони рисует для него на песке, постится и произносит слова многовековой молитвы, окончание которой приносит надежду на возвращение домой:

Я верну тебя.

Иди по моим следам,

Иди домой...

Приди домой счастливо...

Верни себе долгую жизнь и счастье....

Я иду домой к счастью.

Я иду домой, чтобы жить долго [1, р.143–144].

Очистительный ритуал исцеляет героя, помогает Тайо вновь обрести свой дом, почувствовать связь со своей родной культурой, пробудить дремлющие в нем ценности своего народа, ощутить потерянный контроль над своей судьбой, восстановить чувство равновесия и найти силы для

движения вперед. «... Есть то, что ценнее денег. Он указал подбородком на родники и узкий каньон. Понимаешь, это место, откуда мы родом. Этот песок, этот камень, эти деревья, виноградная лоза, все полевые цветы. Эта земля дает нам силы жить» [4, p. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Silko, L. M. Ceremony* / L. M. Silko. – N. Y. : Penguin Books, 1986. – 262 p.
2. *Lincoln, K. Native American Renaissance* / K. Lincoln. – Berkeley: Univ. of California Press, 1983. – 320 p.
3. *Климова, С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома* / С. В. Климова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/socialno-filosofskie-aspekty-analiza-arhetipicheskikh-funkciy-doma>. – Дата доступа : 18.02.2018.
4. *Gurr, A. Writers in Exile: The Identity of Home in Modern Literature* / A. Gurr. – Sussex: The Harvester Press, 1981. – 220 p.
5. *Silko, L. M. Interior and Exterior Landscapes: The Pueblo Migration Stories. Yellow Woman and a Beauty of the Spirit* / L. M. Silko // *Essays on Native American Life Today*. – N. Y. : Simon and Schuster, 1996. – P. 25–47.
6. *Teuton, C. B. The Cycle of Removal and Return: A Symbolic Geography of Indigenous Literature* / C. B. Teuton // *The Canadian Journal of Native Studies*. – 2009. – Vol. 29. – № 1, 2. – P. 45–64.
7. *Owens, L. Other Destinies: Understanding the American Indian Novel* / L. Owens. – Norman, OK: Univ. of Oklahoma Press, 1992. – 304 p.

The article examines the problem of loss and acquisition of ethnic identity by Native Americans on the example of Leslie Marmon Silko's novel *Ceremony*. The central motives of the novel are the revival of indigenous traditions, identity, national self-determination, the relationship of man and nature. The archetypal functions of Home are singled out. An analysis of the main hero's return to his roots is made.

Поступила в редакцию 21.02.18.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**О. А. Судленкова****СЕМИНАР «СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ»:
ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА**

В статье рассматривается один из видов международного сотрудничества МГЛУ, а именно участие его преподавателей в работе семинара «Современная британская литература в российских вузах», который ежегодно проводится на базе Пермского университета в рамках проекта фонда «Оксфорд – Россия». Автор статьи подчеркивает значение этого сотрудничества для углубления знаний студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей МГЛУ в области новейшей зарубежной литературы, а также отмечает их активное участие в публикациях издаваемого семинаром журнала «Тропа».

Более десяти лет назад (в 2005 г.) начал работу семинар «Современная британская литература в российских вузах», цель которого знакомить преподавателей и студентов с сегодняшней литературой Великобритании и оказывать помощь в пополнении фондов университетских библиотек произведениями современных писателей этой страны. Руководят его работой преподаватель английской и русской литературы, главный координатор академических обменов Института славянских исследований Оксфордского университета, почетный профессор Пермского университета, автор публикаций для российского читателя [1] и составитель ряда антологий и сборников [2], кавалер Ордена Британской империи Карен Хьюитт, а также заведующий кафедрой мировой литературы, декан факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного университета, известный литературовед в области британской литературы Борис Михайлович Проскурнин [3]. Желание организаторов семинара знакомить российских англистов с новинками британской литературы вовсе не означало стремление вытеснить из учебного процесса произведения классиков, но, как справедливо отмечает Б. М. Проскурнин¹, «в условиях глобализации, растущего международного сотрудничества, год от года увеличивающихся в объеме обменных преподавательских и студенческих программ, да и просто из-за растущих возможностей поездок наших студентов и выпускников в Британию и другие англоязычные страны, представить, что мы будем обучать наших подопечных современному английскому языку и современным реалиям жизни в Британии по Агате Кристи и Сомерсету Моэму, ...

---

¹ Автор таких работ, как «Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции» (2000), «Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот» (2005) и др.

означало бы не просто “выпасть из времени”, но и наплевательски отнестись к профессии, к делу, которому многие из нас отдали немало лет и сил» [3, с.12].

Благодаря финансовой поддержке фонда «Оксфорд-Россия» библиотеки России и Беларуси получили около 60 000 экземпляров более чем 20 современных британских писателей, среди которых такие известные авторы, как Дэвид Лодж, Джулиан Барнс, Грэм Свифт, Иэн Мкьюэн, Хилари Мантел и др., что дало возможность преподавателям университетов использовать их произведения в учебном процессе. Книги приобретаются участниками семинара бесплатно и передаются в библиотеки соответствующих университетов.

В работе семинара, который проводится ежегодно в сентябре на базе Пермского государственного университета, задействованы около 90 университетов России и Беларуси, участвуют специалисты в области английской литературы из различных британских университетов. В ходе двухдневного семинара его участники обсуждают известные им произведения, вышедшие в последние десятилетия XX и в начале XXI века, делятся опытом их преподавания своим студентам. Английские коллеги делают доклады и сообщения как по конкретным произведениям, так и по общим проблемам современной литературы, а также знакомят с новыми произведениями, которые становятся достоянием участников семинара. В группе британских гостей ежегодно присутствуют и писатели: авторы произведений, распространяемых фондом. Так, участники семинара имели возможность встретиться с Хилари Мантел, Адамом Торпом, Эстер Фрейд и др. По словам Б. М. Проскурнина, «помимо удовольствия профессионального разговора с коллегами из Оксфорда, Лондона и Глазго, ... радости общения с коллегами из других вузов России и Беларуси, ... пользы от знакомства с опытом коллег из других вузов и вербализации собственных методических находок, ... мы все получили уникальную возможность на основе богатого в эстетическом плане материала напрячь свой мозг, свое мастерство для благородного дела повышения качества языкового и литературоведческого обучения студентов, ... окунуться в “пиршество ума” крупных писателей, заставить самих себя отказаться от каких-то трафаретов, клише, иллюзий в отношении Англии и англичан» [3, с. 15–16].

Кроме самих произведений, участники семинары приобретают комментарии к каждому из них. Эти издания содержат справку об авторе романа или пьесы, знакомят читателей с проблематикой произведений, дают необходимую социально-политическую информацию о явлениях и событиях, изображенных в них, а также предлагают подробные пояснения языковых особенностей авторского текста и речи персонажей. Использование комментариев в учебной работе значительно облегчает восприятие произведений. Автором и редактором комментариев является К. Хьюитт, привлекающая к их составлению преподавателей и студентов, работающих с этими произведениями.

Благодаря существующим научным связям между преподавателями кафедры зарубежной литературы МГЛУ и российскими коллегами наш университет смог подключиться к работе этого семинара с начала его создания, а затем вовлечь в работу и преподавателей других белорусских учреждений высшего образования. Участниками семинара в разные годы были преподаватели нашего университета (В. Л. Зуенок, Е. Ю. Кирейчук, Н. В. Копытко, В. Г. Минина, А. Н. Подоляка, М. С. Рогачевская, Ю. В. Стулов, О. А. Судленкова), которые получили от фонда «Оксфорд-Россия» и передали в библиотеку МГЛУ несколько сот экземпляров произведений современных британских авторов и комментариев к ним.

Большинство книг, поступивших в нашу библиотеку, активно используются в учебной и исследовательской работе. Так, студенты 3 курса английского факультета работали с романами «Мой мальчик» Н. Хорнби и «Возрождение» П. Баркер. В курсе «Интерпретация художественного текста» (4 курс) обсуждаются романы «Хорошая работа» Д. Лоджа и «Какое надувательство!» Дж. Коу, а также ряд современных английских рассказов (два сборника которых также были изданы при поддержке фонда), неизменно вызывающих большой интерес и оживленные дискуссии у студентов, поскольку затрагивают важнейшие социально-политические и этические проблемы¹. Ряд произведений, поступивших в библиотечный фонд университета, рекомендуется студентам 4 курса в качестве контролируемого самостоятельного чтения при изучении курсов «Основные тенденции современной литературы» и «Интерпретация художественного текста». Они также становятся основой для курсовых и дипломных работ студентов. Более того, по этим произведениям написан ряд магистерских диссертаций, они стали основой для нескольких кандидатских диссертаций (С. Коновалов, О. Велюго, О. Швайликова).

Помимо организации ежегодного семинара, его руководители К. Хьюитт и Б. М. Проскурнин посещают учебные учреждения, вовлеченные в совместную работу. В 2010 г. они, а также постоянная участница семинара с британской стороны, преподаватель Нового гуманитарного колледжа в Лондоне Кэтрин Браун посетили МГЛУ и ознакомились с использованием произведений, полученных в рамках семинара, в учебных и научных целях, а также прочитали ряд лекций преподавателям и студентам университета о современной британской литературе. Участие в семинаре позволило преподавателям университета расширить и укрепить научные связи с российскими и британскими коллегами, результатом чего стали взаимообмен исследова-

---

¹ О тематике произведений, приобретенных в рамках семинара, см.: *Sudlenkova O., Battle of Books: the Role of Contemporary Fiction in Language Teaching // English Language and Literature in the Contemporary World: Past, Present and Future.*— Minsk, 2011. — P. 126–128.

тельскими материалами, расширение географии участия в международных конференциях, взаимопомощь в руководстве исследовательской работой магистрантов и аспирантов.

Еще одним важным аспектом работы семинара является издание в его рамках ежегодного журнала «Footpath. A Journal of Contemporary British literature in Russian Universities» («Тропа. Современная британская литература в российских университетах»), в котором публикуются статьи не только российских, белорусских и британских преподавателей, но и студенческие эссе по литературоведческим и методологическим проблемам [4]. Следует отметить активное участие преподавателей, аспирантов и студентов МГЛУ в этом издании. Практически в каждом из десяти выпусков журнала имеются их статьи: из 193 публикаций журнала 19 были представлены преподавателями (12 статей), аспирантами (3), магистрантами (1) и студентами (3). Все они, как и большинство публикаций в «Тропе», написаны на английском языке. Среди них материалы обзорного (О. Велюго, М. Рогачевская, О. Судленкова) и методологического характера (Е. Кирейчук), статьи, представляющие собой анализ одного произведения (Н. Дичковская, С. Коновалов, М. Кузьмич, О. Кулага, В. Минина, О. Судленкова, Е. Хатенко), рецензия (М. Рогачевская), а также эссе, написанные в полемическом (А. Подоляка, А. Кириллова) или творческом ключе (А. Самко).

К сожалению, приходится констатировать, что преподаватели-англисты недостаточно активно используют библиотечный фонд современной британской (и не только) литературы. А ведь эти произведения, отражающие не только социально-политическую ситуацию современной Британии, но и явления, регистрирующие современное состояние английского языка, могут быть благодатным материалом как в преподавании различных дисциплин, так и в исследовательской работе по разным аспектам лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hewitt, K. Understanding English Literature / K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2008. – 275 p.; Hewitt, K. Understanding Britain Today / K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2009. – 307 p.*
2. *Understanding British Institutions / comp. and ed. by K. Hewitt and M. Feklin. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 1998. – 297 p.; Pugh, M. A History of Britain 1789-2000 / ed. by K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2001. – 284 p.; Contemporary British Stories / comp. by K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 1994. – 230 p.; A New Book of Contemporary British Stories / comp. by K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2005. – 148 p.; An Anthology of Contemporary English Poetry / comp. and ed. by K. Hewitt and V. Ganin. – Oxford : Perspective Publications Ltd, 2003. – 187 p.*

3. *Проскурнин, Б. М.* Пермский семинар и его место в российской англистике / Б. М. Проскурнин // Тропа. Современная британская литература в российских вузах. – Вып. 1. – 2008. – С. 11–16.
4. *Sidorova, O.* Editorial / О. Sidorova // Тропа. Современная британская литература в российских вузах. – Вып. 3. – 2010. – С. 6–11.

The article presents a survey of one of the MSLU forms of international cooperation, namely the University teachers' participation in the seminar "Contemporary British Literature in Russian Universities" held annually in Perm within the framework of Oxford Russia Fund project. The author of the article stresses the significance of the cooperation for widening the MSLU scholars' and students' knowledge of modern literature and points to their active contribution to the journal "Footpath" published by the seminar.

Поступила в редакцию 06.02.18

НАШИ АВТОРЫ

Аль-Баэчий Талиб Сахиб – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Басовец Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Глазко Павел Петрович – кандидат филологических наук, зав. кафедрой восточных языков. Тел. 284-77-02.

Гутовская Марина Степановна – докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ, кандидат филологических наук, доцент. Тел. 327-50-10.

Даниленко Ирина Владимировна – ст. преподаватель кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-18.

Долматова Екатерина Дмитриевна – кандидат филологических наук, заместитель декана факультета английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Карпук Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Тел. (8-0152) 72-38-42.

Каспирович Герман Анатольевич – ст. преподаватель кафедры второго иностранного языка (немецкий) МГЛУ, аспирант кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Ключенович Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Ломовая Анжелика Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Минина Виктория Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода №1 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Первушина Любовь Владимировна – докторант БГУ, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Ревуцкая Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Солонович Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой второго иностранного языка (немецкий) МГЛУ. Тел. 294-79-82.

Судленкова Ольга Афанасьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Чернышевич Марина Валерьевна – аспирант кафедры информатики и прикладной лингвистики МГЛУ. Тел. 284-81-56.

Чекулаева Анастасия Сергеевна – ст. преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ. Тел. 209-57-74.

Шалай Олеся Александровна – аспирантка кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Яскевич Виталий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (92), 2018

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А. М. Горлатов*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 27.02.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 9,69. Тираж 100 экз. Заказ 6.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172